E 93
148

7

И. Вардин (Мгеладзе)

Советская печать

Издательство
„Работник просвещения"

Москва - 1924 -

Издательство „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ"

при ЦК Союза работников просвещения СССР.

МОСКВА, Леонтьевский, 4. Тел. 1-27-25. — МАГАЗИН: Моховая, 24. „Работник Просвещения".

I. Общие вопросы просвещения.

	Р.	К.
Блонский, П. Азбука труда. 3-е изд.	—	35
„ Педагогика. 3-е изд.	1	25
Долинский, С. и Бергман, С. Массовая работа в клубе (печ.)	—	—
Иорданский, Н. Н. Основы и практика социального воспитания. 2-е изд.	1	25
Карельских, А. А. Через деревенскую школу к организ. крестьянского хозяйства	—	—
Корнилов, К. Н., и Рыбников, Н. А. Детство и юность, их психология и педагогика.	—	50
Крупская, Н. К. Политико-просветительная работа. Сборник	—	75
Ленин, Н. (В. Ульянов). Социалистическая революция и задачи просвещения (Статьи и речи)	—	40
Луначарский, А. В. Наши текущие задачи	—	—
„ Проблемы народного образования	2	25
„ Просвещение в Советской России.	—	25
Львов, К. И. Иллюстративные вечера.	1	50
„ Производственное просвещение	1	50
„ Школьные праздники (печ.)	—	—
Монтессори, М. Самовоспитание и самообучение в начальной школе	2	—
Морозов, А. В. Школа и сельское хозяйство	—	65
Пинкевич, А. П. Педагогика. Т. I. Теория воспитания	2	50
Пистрак, М. М. (ред.). Школа-коммуна Наркомпроса. Сборник педагогического коллектива школы. С предисл. Н. К. Крупской	2	50
Современная практика социального воспитания. Сборник статей, с предисловием Н. К. Крупской.	—	—
Шульгин, В. Н. Маркс и Энгельс в их педагогических высказываниях	—	20

II. Дошкольное воспитание.

Веселовская, К. П., д-р. Педологический практикум (печ.).	—	—
Кричевская, Е. Практич. руковод[illegible]танию детей в первые три года их жизни	—	40
Рыбников, Н. А [illegible] изд.	—	40

[illegible] Методическая [illegible]ература.

Аржанов, С. П. [illegible]рафия в трудовой школе.	1	50
Афанасьев, П. О. Родной язык в трудовой шко[illegible]	—	—
Диомидов, И. М. Советский строй. Методическое [illegible]бие для изучения советского строя в трудовой школе	—	—
Жаворонков, Б. Н. История и обществоведение в [illegible]е. 2-е изд.	—	—
„ Как работать по обществове[illegible]ечч.)	—	—
„ От мотыги к трактору. 3-е [illegible]	—	50
„ (ред.). Методы занятий по [illegible]твоведению. Лабораторно-трудовой метод в раб. по об[illegible]ов. с подростками (сборн.).	—	—
Крупская, Н. К. (ред.). Экскурсии по обществ[illegible]ю. Сборник (печ.)	—	—
Лай, В. А. Первый год обучения арифмет[illegible]	—	35
Ланков, А. В. Математика в тр[illegible]	1	25
„ Устный [illegible]	—	25
Львов, К. И. Осно[illegible]оты	1	75
Методические [illegible]исьмо I. О комплексном [illegible]	—	25
Под'яполь[illegible] [illegible]уклоном	—	—
Ребельский, [illegible]ам агит[illegible]и и пропаганды ликвидации [illegible]	—	—
Скородумов, И. Методика обучен[illegible] и лепке в школе и семье	—	40
Шаррельман, Г. Творческая геометрия	1	—
Ягодовский, Н. П. О преподавании естествознания (печ.)	—	—

Просвещ. фонда

Ил. ВАРДИН (МГЕЛАДЗЕ)

Н/18 Е43 148 Х

СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 8
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 138030.
С. 9. 1191

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“
МОСКВА — 1924

Главлит № 18806. Тираж 5.100 экз.

Типография „Красный Пролетарий“ Изд-ва „Красная Новь“. Пименовская ул., дом 1/16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Основные вопросы партийно-советской печати не только не разрешены, но даже не приступлено еще к их правильному разрешению. Все чувствуют ненормальность того положения, в котором находится наша печать. В периодической прессе появляются заслуживающие всяческого внимания статьи по вопросам печати. К сожалению, основной недостаток всех этих статей заключается в том, что они сосредоточивают свое внимание на частностях, а главные вопросы остаются вне их поля зрения. Тов. Троцкий в своих статьях очень много внимания уделяет вопросу о корректуре, о плохой печати, о брошировке и т. д., и т. п. Затрогивает он и вопрос о характере наших газет.

Все это хорошо, все это нужно. Но начинать надо с фундамента. **Правильное разрешение всех этих частных вопросов зависит целиком от решения основных вопросов печати.**

Какие эти основные вопросы? Что нужно сделать для того, чтобы печать наша находилась в нормальных условиях?

До сего времени дело печати у нас распылено, расщеплено, разбросано по различным ведомствам и управлениям. **Пока мы руководство общим направлением всем печатным делом не соберем в одни руки, пока не будет у нас центра, заботящегося об общих вопросах печати,** пока не будет у нас **государственного аппарата,** обслуживающего **общие интересы** печати, до тех пор срывы, частные недостатки, вечные кризисы будут совершенно неизбежны.

Пока мы на печать смотрим, как на часть Наркомпроса, как на часть агитпропа, пока не будет признано, что **задачи печати несравненно шире задач и агитпропов и органов Наркомпроса,** пока отсюда не будут сделаны соответствующие организационные выводы,—правильная постановка печатного дела будет невозможна.

Необходимо выделить печать по партийной и советской линии в самостоятельную организацию, необходимо признать самостоятельное значение печати. Необходимо дать ей возможность серьезно начать работу по своему хозяйственному и финансовому укреплению. По-

чему никак не удается разрешить проклятый вопрос о корректуре и о плохой печати? Потому, что типографии находятся в ведении не издательств, а представляют собой „самостоятельную“, „независимую“, „самодовлеющую“ отрасль промышленности, потому что не типографии зависят от издательств, а почти всегда издательства в той или иной степени зависят от типографий. Необходимо понять, что **вопросы печатной техники ни в каком случае не будут правильно разрешены до тех пор, пока издательства не станут полновластными хозяевами над типографиями.**

Но для разрешения этого и ряда других хозяйственно-финансовых вопросов необходимо, чтобы печать чувствовала себя, как **самостоятельная организация, действующая под прямым руководством партии и власти,** а не отдельных ведомств, отделов, управлений.

Недавно т. Троцкий, говоря о нашем отношении к вопросу об использовании кинематографов, употребил резкое слово „тупость“. Тов. Луначарский о том же предмете выразился несколько мягче: не „тупость“, а „затемнение“, сказал он. Подходя к вопросу о печати, мы очень хотели бы повторить хотя бы смягченное выражение т. Луначарского. Несмотря на целый ряд очень хороших заявлений по вопросам печати, **практически** в отношении к ней имеется во всяком случае какое-то „затемнение“,—самая обидная невнимательность.

Несомненно, за последние месяцы, приблизительно с конца 1922 г., положение печати заметно **улучшилось.** Но это улучшение достигнуто **вопреки бесчисленным препонам,** стоявшим и стоящим на пути нашей печати. Эти препоны нужно устранить, чтобы первые успехи можно было закрепить, развить, расширить.

Недостаточно одних декларативных заявлений, заявлений совершенно правильных, совершенно бесспорных о значении печати, о том месте, которое она занимает в системе всей нашей партийно-советской работы. Нужно понять, что если на ряду с признанием величайшего значения печати не будут сделаны практические организационные шаги, если печать и в аппаратном смысле не будет выдвинута на должную высоту, если она будет попрежнему разбросана по отдельным ведомствам, отделам и подотделам, то серьезного шага вперед сделать будет здесь совершенно невозможно.

Печать была одной из наиболее заброшенных отраслей нашей партийно-советской работы, и это между прочим выразилось в том, что по важнейшим вопросам печати у нас почти нет никакой литературы. На книжном рынке нет ни одной хотя бы сколько-нибудь серьезной работы по вопросам печати—по ее истории, по ее нынешнему положению, по ее нуждам и потребностям. И, только считаясь с этим в высшей степени печальным обстоятельством, автор решился собрать некоторые свои статьи, доклады и резолюции по вопросам

печати и предложить их вниманию читателя [1]). Автор ни в коем случае не преувеличивает внутренней ценности помещаемого здесь материала, автор прекрасно знает, что было бы несравненно лучше написать новую книжку по вопросам печати, но, к сожалению, это в настоящее время не в его силах.

Между тем наболевшие вопросы печати попрежнему ждут своего разрешения, и обязанностью каждого партийного работника, в особенности работника печати, является принять все меры к тому, чтобы эти наболевшие вопросы сдвинуть с мертвой точки, чтобы в общественном мнении партии, в особенности в ее руководящих центрах, произошел резкий перелом в смысле признания практической необходимости разрешения основных вопросов печати.

Какие бы недостатки помещаемые здесь статьи и доклады ни имели, в общем и целом все же они, во-первых, затрогивают главнейшие вопросы печати и, на наш взгляд, намечают правильный путь к их разрешению, во-вторых, дают общее представление о состоянии нашей партийной и советской печати, в-третьих, дают некоторое представление о том, в каком положении находилась наша печать за годы революции, и, наконец, освещают кратко некоторые вопросы профессионального об'единения работников печати.

Предлагая вниманию товарищей настоящий сборник, автор желал бы только одного,—чтобы возможно скорее затронутые здесь вопросы нашли более или менее полное разрешение, а данная попытка освещения вопросов печати—более полное и более яркое продолжение.

Сентябрь 1923 г.

---

[1]) Собранные здесь статьи печатались в „Правде“, „Вестнике Агитации“, „Журналисте“ и др. органах в 1922—23 гг.

Пресса большевизма.

Большевизм создал **свою** прессу—„по образу и подобию своему". Большевистская печать—это особая, своеобразная печать. По стилю, по энергии, по ударности, броскости, меткости ее можно отличить от газеты любой партии. Никто не пишет так, как пишет большевик.

У меньшевиков, кадетов, эсеров—один общий, „всеми принятый", гладкий, „литературный", „европейский" стиль. Длинные, закругленные фразы спокойно текут и переливаются по газетным страницам. Основную мысль статьи нужно **поискать**,—возможно, ее найдешь, но, может статься, затеряется она в море прекрасных слов. Всегда легкий, а порою и густой туман окутывает их писания.

Настоящая коммунистическая статья—не только газетная, но и журнальная, не только агитационная, но и научная — отличается исключительной ясностью, четкостью стиля. Она резка и груба, элементарна и вульгарна, говорят враги. Она правдива, искренна, смела, откровенна, беспощадна, непримирима к врагам и полуврагам, к неустойчивым „друзьям" и бесхарактерным „доброжелателям" рабочего класса. Она безжалостно срывает покровы, она подвергает переоценке все без исключения „ценности" старого мира.

Прикрытое рабство и откровенное насилие, сущность государства и его законов, религия и мораль, „право" и „свобода",—не было в мире печати, которая с такой смелостью, откровенностью, правдивостью подходила бы ко всем этим вопросам, как это делает коммунистическая печать. Она первая в мире сказала **полную и настоящую правду**... Это вышло случайно,—однако получило бесспорно символическое значение то обстоятельство, что центральный орган большевистской партии называется — „Правда"... Мы, только мы, коммунисты, говорим неприкрытую правду рабочему классу. И оттого даже цифры,—на что уж они серы и скучны, но в большевистской прессе горят ярким огнем и пробуждают, зовут, поднимают...

В каждый данный момент наша пресса с особой яркостью выдвигает основные лозунги, узловые пункты, ударные точки и бьет в них настойчиво, упорно, систематически,—„надоедливо", говорят наши враги. Да, наши книжки, газеты, листовки „вбивают" в головы массы немногие, но **основные**, „узловые" формулы и лозунги.

С другой стороны, большевистская печать умеет „нащупать“ формулы врага, разоблачающие его самого, и этими формулами систематически и безжалостно бить его. Сколько раз наша пресса приводила в бешенство меньшевиков настойчивым повторением, подчеркиванием, раз‘яснением их же собственных формул в роде: „Не нужно было браться за оружие!“ „Стачечный азарт“. „Борьба за легальность“. „Подполье умерло“. „Революция—героическая мечта“. „Правдистское поветрие“. „Назад к капитализму“, и т. д., и т. п. В этом умении нащупывать основное и концентрировать внимание на нем, в этой сжатости, ясности, „элементарности“—великая сила нашей печати, нашей партии.

* * *

Разумеется, большевистская пресса—создание прежде всего тов. **Ленина**. Когда, в начале 1901 г., перед революционными социал-демократами стал вопрос, „с чего начать“ в деле собирания партии, т. Ленин на этот вопрос ответил: начать с общерусской политической газеты, ибо—

> „роль газеты не ограничивается одним распространением идей одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников, **газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор**. В этом последнем отношении ее можно сравнить с **лесами**, которые строятся **вокруг возводимого здания**, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и **обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом**“.

Из такого взгляда на значение печати вытекал взгляд на положение, на место печати в партии. И опять-таки большевистская партия—единственная, где пресса неразрывно связана с партией, безусловно подчинена ее руководству. Меньшевистская партия и меньшевистская пресса не совпадают. Здесь вокруг партии, около партии, а часто и в самой партии всегда немало „свободомыслящих“, для которых мнение партии не так уж обязательно, которые пользуются почти неограниченной „свободой мнений“, „свободой критики“ и т. д. Еще больше таких „независимых“ политиков в рядах эсеров, кадетов и т. д. Во всех этих партиях литература и литераторы стоят **над** партийной организацией. Здесь — **гегемония** писателей.

Большевистская пресса построена совершенно иначе. Она—прямое орудие, точное отражение коллективной партийной мысли, жизни и работы. Она не признает права за околопартийными говорить от

имени партии. Она „узка“ и „нетерпима“... В ноябре 1905 г. в легальной газете „Новая Жизнь“ тов. Ленин писал:

> „Социалистический пролетариат должен выдвинуть **принцип партийной литературы**, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме... **Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела**, „колесиком и винтиком“ одного единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. **Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, об'единенной социал-демократической партийной работы**“.

Эти строки были написаны в разгар революции. Они были направлены именно против тех литераторов, которые под влиянием революции потянулись в социал-демократическую прессу, но не хотели признать над собой партийного руководства и контроля, не хотели связаться с партией, стать ее „колесиком и винтиком“. Это были „сверхчеловеки“. Они шли в партийную литературу со своими „индивидуальностями“ и „особыми мнениями“. Они проповедывали „терпимость“, протестовали против „узости“ и „сектантства“ большевиков.

Большевизм, к великому горю меньшевиков, решительно отказался от сомнительных „услуг“ господ „надпартийных“ литераторов. Он ясно и твердо заявил, что вне партии нет и не может быть партийной литературы. Поставив вопрос таким образом, большевизм смог сохранить в чистоте свою партийно-политическую линию. Его мысль, его воля не разбавлялись водицей околопартийной литературщины. Поэтому он не испытывал бесхарактерных шатаний и колебаний даже в самые тяжелые периоды жизни рабочего класса. Ибо литература служила—и хорошо служила—партии.

* * *

А когда пролетариат, оправившись от разгрома 1905—1907 гг., снова вышел на историческую сцену, большевики „сектанты“ первые создали беспримерную в России легальную рабочую печать, первые вовлекли в литературу сотни и тысячи передовых пролетариев, первые дело печати сделали делом массы. **Рабочий-корреспондент, рабочий-журналист—это наше, большевистское „изобретение“.** Исключительное значение этого небывалого в истории печати явления даже нами самими недостаточно еще оценено... Ради одного заводского корреспондента можно было, не задумываясь, пожертвовать десятком внепартийных, околопартийных, надпартийных литературных „сверхчеловеков“...

Да, большевистская пресса—исключительная пресса. Она строится по **новому принципу**, она представляет собою **небывалое** явление. Она отражает концентрированную мысль и единство воли **одного** класса,—рабочего класса.

Переступая во вторую четверть века, партия наша стоит перед задачей этот новый принцип претворить в жизнь во всех уголках великой республики. Мы должны **поднять всю нашу современную печать до классического большевистского образца,**— во многих местах она позорно отстала от образца,—а затем двинуть ее вперед, к новым достижениям и новым победам!

Октябрьская революция и печать.

6 ноября (24 октября) 1917 года, по приказу правительства Керенского, в Петрограде были закрыты большевистские газеты. На другой день правительство Керенского было уже низложено, власть перешла к Военно-Революционному Комитету Петроградского Совета, и перед новой властью сразу встал вопрос:

— Что делать с враждебной революции печатью?

Ответ мог быть единственный: антиреволюционную, антисоветскую печать нужно обезвредить, чтобы она своими ударами не ослабляла новую власть. Свобода печати? Но разве 6 ноября правительство Керенского—правительство прославленной „демократии"—не попрало свободу печати? Разве свобода печати не была фактически отменена для большевистской партии с мая по октябрь 1917 года? Разве эсеро-меньшевистская демократия не закрыла ряд большевистских провинциальных органов? Разве после июльских дней большевистская партия и ее печать не были загнаны в подполье?

Таковы были факты. Но и без них было ясно, что революционная власть обязана в интересах самозащиты отнять у своих смертельных врагов острое оружие печати. Буржуазная и социал-предательская печать атаковала пролетарскую революцию до ее рождения и с остервенением накинулась на нее, как только она появилась на свет.

9 ноября (27 октября) Совет Народных Комиссаров издал первый декрет о печати. В этом декрете говорилось:

> „В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, Временный Революционный Комитет вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков.
>
> Немедленно со всех сторон поднялись крики о том, что новая социалистическая власть нарушила таким образом основной принцип своей программы, посягнув на свободу печати.
>
> Рабочее и крестьянское правительство обращает внимание населения на то, что в нашем обществе за этой либеральной

ширмой фактически скрывается **свобода для имущих классов, захвативших в свои руки львиную долю всей прессы, невозбранно отравлять умы и вносить смуту в сознание масс.**

Всякий знает, **что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших орудий буржуазии**. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага в то время, как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса".

Перечитав сейчас декрет, написанный на третий день пролетарской революции, невольно обращаешь внимание на два обстоятельства. Прежде всего декрет рассказывает о том, что было предпринято Советской властью „в тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих". Об этих часах и днях говорится в таком тоне, как будто во время составления декрета это были давно прошедшие часы и дни. И в самом деле, если принять во внимание, что тогда один час был равен десятилетиям, то психологически легко понять, почему на третий день революции рассказывается в таком историческо-обозревательном тоне о мерах, предпринятых на первый—второй день революции. С точки зрения движения истории между 7 и 9 ноября в самом деле прошло не два дня, а может быть целое столетие.

Второе обстоятельство. Декрет устанавливает то абсолютное зло, которое представляет собой буржуазная печать, и тем не менее в декрете далее говорится, что „как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены; для нее будет установлена **полная свобода** в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону". В этих строках сказалась юная мечтательность революции. В первые дни и недели она была еще наивна, она исходила из того предположения, что буржуазия, после того как она побеждена, подчинится новой, рабоче-крестьянской власти, не откроет фронта гражданской войны против нее, не призовет на освобожденную российскую землю чужеземных империалистов для удушения рабочих и крестьян. Советская власть в первые дни исходила еще из взгляда необходимости **постепенного преодоления буржуазии**, поэтому она не отказывала ей в праве располагать своими печатными органами, которые бы, однако, подчинялись новой власти, признавали бы ее законы и установления. В соответствии с этим по декрету закрытию подлежали органы прессы:

„1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому Правительству, 2) сеющие

смуту путем явно клеветнического извращения фактов, 3) призывающие к деяниям явно преступного, т.-е. уголовно-наказуемого, характера".

Под этот декрет подходила вся без исключения печать буржуазии и так называемых „социалистов" разных оттенков. Против Советской власти установился единый фронт всей буржуазной и так называемой „социалистической" печати. Лишь большевистские и левоэсерские (последние с оговорками) газеты стали на защиту Советской власти и давали отпор совершенно остервеневшей, прямо сорвавшейся с цепи буржуазно-„социалистической" печати. Особенно нагло вели себя газеты эсеров и меньшевиков. Это были органы прямого антисоветского восстания. Не было той лжи, той клеветы, той гнусности, которую бы эта печать не пустила в ход против новой власти.

И вот теперь, пять лет спустя, глядя на ту гигантскую борьбу, которая происходила в первые дни пролетарской революции, удивляешься **не тому**, что Советская власть начала борьбу против контр-революционной печати, удивляешься, напротив, тому, как она все-таки была деликатна и щепетильна. Обстоятельства требовали полного и решительного уничтожения всех антисоветских изданий. Между тем в течение всей зимы и весны 1918 года в Петрограде и Москве выходили газеты почти всех политических направлений, за исключением явно черносотенных. Органы меньшевиков и эсеров продолжали выходить в Петрограде и Москве до того времени, пока социал-предателями не был открыт против революции чехословацкий учредиловский фронт, пока партия эсеров не стала партией белого террора.

Осенью 1918 года в Советской России оставалась главным образом коммунистическая печать. К этому времени и партия левых эсеров находилась уже в лагере контр-революции и поэтому ее печать точно так же была ликвидирована. Однако исторический факт заключается в том, что **Советская власть терпела буржуазную печать до тех пор, пока буржуазные партии не начали против нее открытой гражданской войны.** В момент, когда Советская Республика была окружена со всех сторон, когда бесчисленные враги устраивали против нее восстания, заговоры, взрывы, когда республика Советов была превращена в осажденный лагерь,—в этот период лишь ханжи и лицемеры могли плакаться по поводу того, что Советская власть не дает в руки своим непримиримым врагам острого оружия печати.

К концу осени 1918 года демократическая контр-революция, в лице эсеро-меньшевистской Самарской учредилки, капитулировала, стиснутая между советской и колчаковской диктатурой. С другой стороны, революционный взрыв в средней Европе и усиление революционной волны во всем мире несколько подействовали на наших эсеров и меньшевиков и они заговорили языком некоторого прими-

рения с Советской властью. Советская власть сразу пошла им навстречу, и в начале 1919 года эсеры и меньшевики получили возможность издавать в Москве свои центральные органы. Но скоро стало ясно, что опыт революции ничему не научил эсеров и меньшевиков. Предоставленную им свободу печати они целиком использовали для борьбы с Советской властью, для прямой поддержки Колчака и Деникина. Революция снова была вынуждена отнять у эсеров и меньшевиков оружие, которое, как оказалось, они могли использовать лишь против революции.

С того времени Советская Россия была уже совершенно освобождена от легальной буржуазной и так называемой „социалистической“ периодической печати. Эта печать утвердилась и довольно пышным цветом расцвела за пределами Советской Республики. До последнего времени буржуазная и эсеро-меньшевистская печать является печатью почти исключительно эмигрантской. Под крылышком европейской буржуазии изгнанные революцией политические партии осуществляют „свободу печати“, т.-е. свободу непримиримой борьбы против власти трудящихся.

С разгромом Врангеля Россия перестает быть осажденной крепостью. Рабоче-крестьянская власть победоносно оканчивает гражданскую войну и центр своего внимания переносит на хозяйственный фронт. Новая экономическая политика приоткрывает крышку гроба, под которою лежали остатки русской буржуазии. Буржуазные элементы получают известную свободу экономической деятельности. Это обстоятельство побуждает идеологов буржуазии попытаться проявить себя и в политической области. Попытки буржуазного „оказательства“ начинаются с возобновления разного рода буржуазных и буржуазно-„социалистических“ органов. Одновременно все сильнее выдвигается лозунг „свободной и независимой печати“. Адвокаты буржуазии, ссылаясь на теорию марксизма, доказывают, что, раз Советская власть сделала буржуазии экономические уступки, тем самым она неизбежно должна сделать ей и уступки политические. Среди этих политических уступок первое место, понятно, должна занять печать. Идеологи буржуазии прекрасно понимают, какое великое значение имеет печатный орган для всякого политического направления. Газета, журнал в руках политического течения имеет значение не только агитационно-пропагандистское, но и еще организационное. Редакция является политически-организующим центром, при известных условиях она может служить штабом для политической партии.

Идеологи буржуазии, выдвигая лозунг о „свободе печати“, имеют в виду в конечном счете восстановление той „свободы“, когда буржуазия фактически являлась монополисткой прессы, когда в ее руках находились могущественнейшие фабрики лжи, когда она могла безнаказанно обрабатывать миллионы трудящихся в духе „святости“ капиталистического строя. Все это—„бессмысленные мечтания“. Новая экономическая политика об‘явлена, как известно,

„всерьез и надолго, но не навсегда“. Наши враги уже должны были убедиться, что **власть идет на уступки, но далека от всякой мысли о капитуляции, она согласна сдать в аренду фабрики и заводы, но никогда не сдаст „в аренду“ буржуазии трудящихся масс. Буржуазия может обрабатывать сырье, но ей никто не позволит обрабатывать мозги рабочих и крестьян.** Никакие законы марксизма, никакие законы революции не обязывают нас вооружить буржуазию и ее агентов политически, раз мы сделали ей некоторые экономические уступки. Пусть помнят наши враги, что руководящим документом для Советской власти продолжают оставаться тезисы тов. Ленина о демократии, принятые 1 конгрессом Коммунистического Интернационала. Пункт 8 этих тезисов гласит:

> „Свобода печати“ является тоже одним из главных лозунгов „чистой демократии“. Опять-таки рабочие знают и социалисты всех стран миллион раз признавали, что эта **свобода есть обман, пока лучшие типографии и крупнейшие запасы бумаги захвачены капиталистами и пока остается власть капитала над прессой,** которая проявляется во всем мире тем ярче, тем резче, тем циничнее, чем развитее демократизм и республиканский строй, как, например, в Америке. Чтобы завоевать действительное равенство и настоящую демократию для трудящихся, для рабочих и крестьян, надо сначала **отнять у капитала возможность нанимать писателей, покупать издательства и покупать газеты,** а для этого необходимо свергнуть иго капитала, свергнуть эксплоататоров, подавить их сопротивление. Капиталисты всегда называли „свободой“ свободу наживы для богатых, свободу рабочих умирать с голоду. **Капиталисты называют свободой печати свободу подкупа печати богатыми, свободу использовать богатство для фабрикации и поддержки так называемого общественного мнения.** Защитники „чистой демократии“ опять-таки оказываются на деле защитниками самой грязной, продажной системы господства богачей над средствами просвещения масс, оказываются обманщиками народа, отвлекающими его посредством благовидных, красивых и насквозь фальшивых фраз от конкретной исторической задачи освобождения прессы от ее закабаления капиталу“.

Революция освободила российскую печать от капиталистической кабалы. Пролетариат завоевал и в результате 5-ти лет героической борьбы закрепил за собой настоящую свободу печати. Эта свобода будет сохранена. Капиталистической „свободы печати“, буржуазных фабрик лжи, обмана и прославления рабства не будет более в России никогда! Это величайшее завоевание революции останется за нами и послужит образцом для борющегося пролетариата всех стран.

* * *

От подпольного листка—до монополии печати. Таков путь, пройденный Российской Коммунистической Партией. До февральской революции лишь в течение двух с лишним лет—1912—14 гг.—имела большевистская партия свою ежедневную газету, если не считать тех немногих недель, в течение которых удавалось ей в 1905—07 годах выпускать ежедневные газеты. В общем большевистская партия организовалась, воспиталась, окрепла, имея в своем распоряжении подпольные газеты, прокламации, листки, воззвания.

Естественно, что в условиях подполья партия не могла выработать значительного кадра журналистов-литераторов. Вожди и руководители партии были публицистами, учеными, писателями, но журналистами в общепринятом смысле они не были и не могли быть. Практику газетного дела почти никто из них не знал. Писать умели многие, но ставить газету не умел почти никто. И вот, если посмотреть на большевистскую прессу дооктябрьского периода, то легко можно заметить, что в отношении „газетности“ эта пресса занимает весьма скромное место.

После октябрьской революции в руках коммунистической партии, кроме собственной партийной печати, сосредоточилась еще вся советская печать. По истечении некоторого времени партийно-советская печать стала монополисткой в стране. Перед ней стояли три величайших задачи: 1) пробуждать, поднимать, мобилизовать и двигать миллионные массы против бесчисленных врагов революции; 2) разрабатывать вопросы строительства нового трудового государства, бороться против его скрытых врагов, вскрывать ошибки и преступления всех работников Советской власти; 3) политически просвещать широкие массы, бороться с темным наследством прошлого во всех его многообразных видах.

В какой мере были разрешены эти задачи партийно-советской печатью? Не желая обманывать себя, мы должны сказать себе и другим: задачи, стоявшие перед партийно-советской печатью, были разрешены ею в весьма слабой степени. Свое монопольное положение она не смогла использовать в полной мере. Наши враги, когда они пользовались монополией печатного слова, в десятки раз лучше использовали крайне выгодное для себя обстоятельство. Мы знаем, как европейская и американская печать умеет проводить кампании. Мы знаем, с какой дьявольской силой поджаривает она врагов буржуазии на раскаленной плите. Да и русская буржуазная печать доказала, что и она научилась кое-чему у западной журналистики. Вспомним, как мастерски организовала буржуазная печать травлю партии большевиков.

Разумеется, и мы проводили кампании, и мы умели сосредоточить внимание нашего читателя на основных, ударных моментах дня, но

наши кампании сравнения с кампаниями буржуазной печати все-таки выдержать не могут. Столько мастерства, находчивости, ловкости, настойчивости, размаха, энергии, сколько проявляет буржуазная печать, у нас никогда не бывало. Кампания печати, разумеется, всегда является кампанией той или иной политической партии. Но в то время как на Западе в политических кампаниях печать играет первенствующую роль, у нас в наших кампаниях печать занимала последнее место, вперед же шел партийный агитатор: Наша периодическая печать оказалась не в силах занять полностью место, оставленное буржуазной печатью, она не смогла обслужить в полной мере потребности революции.

Между тем положение нашей печати было исключительно завидное. Она говорила в стране величайшей революции, она имела перед собою миллионы пробудившихся, освобожденных тружеников. Она несла этим миллионам правду,—первый раз государственная печать несла трудящимся одну только правду. Но мы не смогли об этой правде рассказать так, как следует. Революционная, большевистская правда пробивала себе дорогу всяческими путями, проникала везде и всюду, но роль печатного слова в данном случае отнюдь не была главной.

Много препятствий стояло на нашем пути. У нас не было работников. Большевистский публицист и литератор стояли во главе государства, да и всякий умевший писать одновременно был администратором, воином, агитатором, организатором, пропагандистом. Журналистов, т.-е. людей, главным образом отдающихся периодической печати, среди них почти не было. Далее, нас душила нищета, у нас не было бумаги, наши типографские станки выпускали газеты в таком виде, что их нельзя было читать. Транспорт был разрушен, и газету, напечатанную в центре, нельзя было доставить на места... И много, много других врагов стояло на пути нашей печати.

Окончание гражданской войны принесло резкое ухудшение финансово-материального положения наших газет. Но одновременно впервые наша печать начала становиться на собственные ноги, впервые наша газета начинает складываться в **организацию**, которая имеет определенные цели, определенные задачи и определенные средства для разрешения этих задач. Из привеска к разным учреждениям, превращаясь в организацию, газета начинает занимать подобающее ей место в системе Советского государства. Она находит работников, она нащупывает свой собственный тон и характер, приобретает лицо, находит читателя, она улучшает технику печатания, ищет пути к читателю, связывается с ним, откликается на его нужды и тревоги. Словом, впервые советская газета начинает принимать конкретный, действенный характер, наполняется не только общим, мировым, республиканским, но и местным, практическим содержанием.

Ошибок, разумеется, и в настоящее время делается страшно много. Далеко не все издания стали на этот новый путь. Многие из них сбиваются с тона, часто грешат против партийной выдержанности, политического такта. Но все-таки главное, общее, основное найдено. Путь к возрождению и процветанию нашей печати намечен. Настоящие газеты у нас начали появляться.

Подводя итоги 5-летней работе партийно-советской печати, мы должны откровенно сказать себе и другим: хвалиться нам особенно нечем, достижений больших у нас пока нет. Перед нами были великие возможности, но не оказалось сил для реализации этих возможностей. Мы не смогли отразить все величие эпохи. **Печать Советской Республики—вся в будущем.** Возможности как были, так и остались необ'ятными. Задачи, стоящие перед нами, попрежнему грандиозны. Вопросы о военных фронтах на время ликвидированы, но зато в центре внимания стоят вопросы о борьбе и победе на фронте хозяйственном, на фронте идеологическом. Возрождающийся капитал пытается расширить не только свое экономическое, но и политическое влияние. Идеологи буржуазии мечтают о всяческих свободах не только для того, чтобы доставить удовольствие господам купцам и промышленникам чтением либеральной газеты, а главным образом для того, чтобы при помощи либеральной газеты, при помощи социал-демократической газеты обмануть, околпачить трудящиеся массы и подчинить ее духовной гегемонии буржуазии.

Печать буржуазия в свое распоряжение не получит, но у нее все-таки остается пока еще ряд позиций в руках, которые она может использовать, и использует уже, в интересах подчинения трудящихся масс своему влиянию. Такими позициями являются школы, частные издательства, кооперация, аппарат торговли и т. д. При таких условиях политическое воспитание масс, неуклонное разоблачение идеологов буржуазии, закрепление за коммунистической партией и Советской властью симпатии всех трудящихся,—все эти вопросы на ближайший исторический период будут основными для советской печати. Наши газеты и журналы должны стать величайшим, небывалым по размеру и размаху орудием политического просвещения, общественно-культурного воспитания масс. Наша печать должна стать в уровень великой революции и превратиться в могущественное, гигантское орудие социалистического преобразования РСФСР.

„Правда“ и ликвидаторство.

3 (17) июня 1907 года разгоном второй думы царское правительство формально закрепило за собою свою фактическую победу над революцией 1905 года. Но победа над революцией прежде всего означала победу над пролетариатом. В 1905—1906 гг. русский рабочий шел во главе революции, он был **вождем** поднявшегося против царизма народа, а после 3-го июня он оказался отброшенным далеко назад, весьма близко к его старым исходным позициям.

Правительство и буржуазия продолжали решительное наступление по всему рабочему фронту: пролетариату наносились комбинированные удары по линии политической и экономической. Блок правительства и буржуазии стремился **политически вывести пролетариат из строя, из революционного вождя превратить его в чернорабочую силу буржуазии**. Укрепив свои позиции, враги рабочего класса старались убить в нем дух борьбы, заставить навсегда отказаться от роли боевого авангарда.

В чем при таких условиях заключалась задача партии рабочего класса? Основная политическая задача пролетарской партии в эпоху реакции (1908—1911 гг.) сводилась к тому, чтобы сохранить „дух живой“ в рабочем классе, поддержать в нем верность к его старым боевым задачам, укрепить мысль передовых элементов пролетариата на том, что знаменитые „три кита“ (республика, земля, 8-часовой рабочий день) снова будут так или иначе поставлены в порядок дня и что рабочему классу снова придется взять на себя руководящую роль в новой борьбе. Задача пролетарской партии в эпоху реакции заключалась в том, чтобы предохранить рабочий класс от „приспособленчества“, отреченства, ренегатства, подчинения буржуазии...

А для решения этой единой, но многогранной задачи нужно было сохранить во что бы то ни стало старую партию, как активную, ставящую руководящие революционные задачи организацию. Старая партия, как руководящая политическая сила, могла жить именно в **подполье**. Отсюда задача: усилить и укрепить подполье, связать его с фабриками, заводами, проф. обществами (союзами), рабочими клубами.

Так ставила вопрос партия (формально фракция) большевиков. Что говорили меньшевики? Как они решали поставленную перед рабочим классом задачу? В 1905—1907 гг. партия меньшевиков кое-как плелась в хвосте революции. В 1908 году, когда рабочий класс был раздавлен торжествующим царизмом, меньшевики поплелись в хвосте... контр-революции. В 1908 году, после некоторых предварительных работ, русский меньшевизм выступил с платформой **ликвидаторства**. В чем была сущность этого „нового слова“ меньшевизма?

Организационно ликвидаторство означало отказ от „мертвых“ „устаревших“, „окаменелых“ „форм“ подполья и перенесение центра всей „революционной“ деятельности на легальную арену. Политически ликвидаторство означало отречение от старой программы, старых основных лозунгов, старой революционной традиции, старых боевых целей. Политически ликвидаторство означало отказ от признания руководящей роли пролетариата в революционной борьбе, примирение и согласие на гегемонию буржуазии. Ликвидаторство являлось олицетворением отреченства и ренегатства, оно пыталось убить в пролетариате дух революционной борьбы, оно хотело, чтобы рабочий класс отказался от „бессмысленных мечтаний“ насчет нового выступления в роли вождя революции. Эта роль принадлежит буржуазии, рабочий класс пусть занимается „своими делами“, время от времени поддерживая „революционную“ буржуазию в ее борьбе с царизмом.

Эта „философия“ меньшевизма целиком совпадала с планами правительства и буржуазии. Блок буржуазно-помещичьей контр-революции кулаком старался внушить пролетариату мысль о тщетности и бесполезности борьбы. Партия (формально фракция) меньшевиков ту же мысль пыталась внушить рабочему классу под сладким соусом поддельного „марксизма“.

Борьбу против „подполья“, против партии, борьбу за „открытую рабочую“—столыпинскую, как мы тогда говорили—партию ликвидаторство вело со страниц **легальных** журналов „Наша Заря“, „Дело Жизни“, „Возрождение“ и т. д. Партия большевиков—за партию, за революцию, против ренегатства и отреченства боролась в глубоком подполье. Легально можно было обливать партию революции помоями,—жандармы и полицейские в этом случае меньшевикам не мешали,—но легально в то время нельзя было защищать эту партию...

В 1910 году намечается „начало конца“ реакции. В декабре в Петрограде начинает выходить газета „Звезда“. В программной статье „Звезда“ говорит, что она не согласна „ликвидировать себя в чаянии какого-то лучшего будущего“. В этих словах газета выражает свое осуждение ликвидаторству. Точнее высказаться за партию было невозможно...

В 1911 году уже выявляется явный перелом в пролетариате. Рабочая улица оживает. Пролетариат снова выступает на политическую арену. Но ясных путей перед ним нет. Куда он пойдет? Подчинится влиянию буржуазии или станет на самостоятельный классовый путь и поведет за собой всех трудящихся—против царизма, против буржуазии? Этот вопрос был связан с другим вопросом: кто победит в рабочем классе: ликвидаторство, являющееся агентурой буржуазии, или большевизм—партия непримиримой классовой борьбы?

В 1912—1914 гг., с момента выхода „Правды“, между большевизмом и меньшевизмом развертывается решительная борьба. На этот раз борьба происходит почти что в равных условиях. Рево-

люционное рабочее движение раздвинуло рамки царской „легальности и законности“ и вручило партии большевиков такое мощное оружие, как печатное слово. На страницах легальной рабочей прессы стало возможно более или менее прозрачно защищать „подполье“, защищать партию...

Необходимо отметить, что самый факт выхода **большевистской** „Правды“ был жестоким поражением ликвидаторов. Первую ежедневную рабочую газету, созданную на рабочие гроши, ликвидаторы пытались захватить в свои руки. Когда это не удалось, они заговорили о „единой“ газете. Но революционные рабочие не позволили агентам „Столыпинской рабочей партии“ играть в „единство“. Газета осталась в руках большевиков. Этот факт говорил за то, что уже к моменту выхода „Правды“ меньшевики-ликвидаторы не имели большинства в рабочем классе. Дальнейшая задача сводилась к тому, чтобы **изолировать ликвидаторство** в рабочем классе...

Мы не имеем возможности остановиться хотя бы на главнейших этапах борьбы между большевизмом и ликвидаторством. Отметим лишь один важный предмет жесточайшей борьбы за весь период 1908—1914 гг. Мы говорим о так наз. **„легальных возможностях“**. В этом пункте по существу вопрос шел вовсе не о том, следует или не следует использовать „легальные возможности“. Большевистская фракция этот вопрос все время решала положительно и еще весной 1909 г. исключила из своего состава „отзовистов“ и „ультиматистов“ (группа „Вперед“). С другой стороны, и ликвидаторы не отрицали начисто „подполья“, конспиративной организации. Они хорошо понимали, что даже „открытая рабочая партия“ будет нуждаться в закрытом от глаз полиции подпольном аппарате.

Борьба шла вокруг вопросов: где именно партия? где центр? какова роль подполья и надполья? какие взаимоотношения существуют между ними?

Ликвидаторы отвечали: партия на легальной арене, здесь центр. Думская фракция, соц.-демократические группы профсоюзов, клубов, страховых касс, отдельные „деятели“ рабочего движения, подпольные ячейки, если они где-либо сохранились,—вся эта пестрая околопартийная публика и составляет „открытую рабочую партию“. Подполье, если оно вообще нужно, играет подчиненную, служебную роль в отношении надполья... **Открытая партия с подпольным аппаратом**!—таков был лозунг ликвидаторства.

Большевики - **„правдисты“**, как они тогда чаще назывались, отвечали на поставленные выше вопросы иначе.

Партия—в подполье, там центр. Думская фракция, группы легальных организаций целиком подчиняются и работают под руководством подполья. Надполье в отношении подполья играет подчиненную, служебную роль... **Открытая деятельность подпольной партии!**—таков был лозунг большевиков „правдистов“.

И замечательно, что решительный бой между большевизмом и меньшевизмом в период 1912—1914 гг. происходил как раз на легальной и полулегальной арене. (Подполье было бесспорно нашим.) И в этом решительном бою ликвидаторы на голову были разбиты. Шаг за шагом мы вытесняли их из профсоюзов, клубов, страховых касс, неуклонно „снимали с постов", как тогда говорили, т.-е. изгоняли из руководящих органов именно **открытых**, т.-е. „богом" для ликвидаторов предназначенных, рабочих организаций.

К лету 1914 года ликвидаторы представляли собою генералов без армии. Рабочие отвернулись от них, союзники поспешно стали покидать тонувший корабль. Даже глава грузинских меньшевиков—Жордания, философствовавший на тему о том, что большевизм и меньшевизм „естественно" дополняют друг друга,—даже он наговорил ликвидаторам немало кислых слов и потом отошел от них.

Большевизм—„правдистское поветрие", как ворчали тогда ликвидаторы—победил на легальной арене **под руководством и во имя подпольной партии**. Здесь надполье не заменяло собою подполья, а являлось его **рупором**.

Роль „Правды" в этой гигантской работе была поразительна. Она была подлинным—выражаясь словами т. Ленина—„коллективным пропагандистом, агитатором и организатором". Она не только разъясняла широким рабочим массам очередные задачи пролетариата, не только звала их к борьбе,—она сплачивала и мобилизовала массы, она в решение ряда **партийных** вопросов вовлекла широкие круги **беспартийных** рабочих. Вопрос о газете, о расколе думской фракции, о проведении страховой кампании,—в этих и в ряде других случаев спор между меньшевиками и большевиками решался путем вмешательства массы. Руководимая и направляемая „Правдой", рабочая масса своей поддержкой давала победу партии большевиков...

Мировая война снова отбросила рабочий класс назад. Победа царизма естественно влекла за собою усиление меньшевизма, ликвидаторское лицо перекрасившего в социал-патриотический лик... В 1917 году, после февральской революции, меньшевизм появился на открытую арену в роли триумфатора. Но это было не надолго. Русский рабочий прошел слишком хорошую революционно-политическую школу, чтобы он „всерьез и надолго" мог позволить меньшевикам обманывать его...

Октябрьская революция подвела итог: под руководством партии большевиков она вместе с буржуазией опрокинула и партию меньшевиков.

Первая газета революции.

В чудесное время родилась „Красная Газета“: она возникла в центре победоносной рабочей революции. Она явилась прямым продуктом этой революции. И потому **ни одно наше современное издание не отражало революции так ярко, так могуче и просто, как это делала рожденная в огне борьбы „Красная Газета“.**

В октябре не было у нас массовой боевой газеты. Ее место занимали пламенные листки, воззвания, плакаты, декреты-прокламации. **„Красная Газета“ по своей ударности, яркости, резкости является именно продолжением октябрьской революционно-возбудительной, „свергательной“, призывно-поднимающей, „заборной“ литературы.**

„Красная Газета“ поднимала, звала, воодушевляла, кричала. „Красная“ обращалась к сотням тысяч и миллионам. И—что самое главное—**„Красная Газета“ сумела стать эхом сотен тысяч и миллионов. Она сумела связаться с самыми широкими слоями трудящегося народа.**

Связь эта не могла, разумеется, держаться только лишь на лозунгах борьбы. И „Красная“ первая в республике (и едва ли не первая в мире) стала газетой не только героической борьбы, но и отражала будни рабочей жизни, освещала вопросы быта и труда.

„Красная“ выявляла на своих страницах настроения, думы, переживания рабочего класса во всем их разнообразии. Она была подлинным **вождем** рабочего класса, вождем, который и в дни бурного под‘ема, и в дни упадка и отчаяния **руководит** массами. Представьте Питер без „Красной“ в дни Юденича, в дни голода, в дни кронштадтского мятежа, и вы поймете, каково значение этой замечательной газеты для революции. Красный Питер без своей „Красной Газеты“—это наполовину слепой, наполовину глухой Питер...

„Красную“ ненавидят враги революции больше, чем какую-либо иную газету в мире. Они правы: они должны ненавидеть **первую газету революции.** А „Красная“ может гордиться этой бешеной ненавистью врагов.

Что пожелать „Красной Газете“ в день ее славного пятилетнего юбилея?

1. Чтобы она неуклонно продолжала свою великолепную традицию, чтобы она и впредь неизменно оставалась газетой рабочей в точном смысле слова, т.-е. газетой коммунистической. Сомнения в том, что „Красная“ попрежнему будет стоять на славном посту революции, ни у кого, разумеется, быть не может.

2. Чтобы „Красная Газета“ резко увеличила свой тираж. 50—60 тысяч экземпляров в день—этого мало для „Красной“. Мне кажется, в день пятилетнего юбилея „Красная“ должна выкинуть лозунг:

— **Триста тысяч экземпляров ежедневно.**

Это минимум, который в течение 1923 года должен быть осуществлен. Десятки тысяч пролетариев будут в той или иной форме участниками юбилея „Красной Газеты“. Пусть эти десятки тысяч поработают над тем, чтобы газета, рожденная в огне и закалившаяся в буре революции, газета-вождь, газета-руководитель рабочего класса была везде, где живет и работает рабочий человек.

Будем, как старые „правдисты“!

8—10 лет тому назад рабочая газета „Правда“ была одна на всю Россию. Сейчас у нас сотни газет, продолжающих великое дело „Правды“. 8—10 лет тому назад рабочая печать была у нас в центре внимания. От февраля до октября вопросы печати занимали во всей нашей работе виднейшее место. Сейчас не то. Сейчас совсем не то...

Между тем если печать оказывала рабочему классу огромные, неоценимые услуги в деле завоевания, в деле удержания власти, то **ее значение в деле создания нового мира совершенно исключительно.** В строительстве нового мира принимают участие миллионы. Этими миллионами нужно руководить, их работу нужно направлять в определенную сторону, их нужно воспитать, обучить, дисциплинировать.

Далее, новый мир строится во вражеском окружении. Бесчисленные остатки старого обволакивают нас со всех сторон, пытаются пропитать всю нашу работу и тем разложить и сорвать ее. **Работая над созданием нового, нужно отбиваться от старого, нужно неуклонно, упорно, каждодневно оборонять ростки нового. И в этой труднейшей работе роль печати ни с чем несравнима.** Но и это не все. Мы отступили от слишком выдвинутых вперед позиций. Мы делаем экономические уступки буржуазии. Она снова начинает оживать и вступает в борьбу с рабочим классом. Буржуазия понимает, что в этой борьбе она неизмеримо усилила бы свои позиции, если бы ей удалось захватить в свои руки печать, если бы она вооружилась таким мощным оружием, как печатное слово. Поэтому руководители и адвокаты буржуазии выдвигают лозунг свободы печати, т.-е. лозунг вооружения буржуазии могучим средством борьбы. Задача наша заключается в том, чтобы не сделать в этом отношении буржуазии никаких уступок. **Классу, который пытается утвердить навеки наемное рабство, рабочая страна не даст свободы для пропаганды**

этого рабства. В день нашей рабочей печати мы открыто говорим это всем друзьям и врагам пролетарского дела.

Неисчислимыми жертвами рабочий класс завоевал свободу своей печати,—во имя движения вперед к социализму, во имя освобождения угнетенного большинства человечества, во имя уничтожения всех остатков векового рабства. Тяжелыми, сложными путями идет рабочий класс к этой великой цели. И своим побежденным врагам он не отдаст в руки мощного оружия печатного слова.

Десять лет тому назад „Правда“ была одна, и лучшие представители рабочего класса, вся наша партия окружала ее неослабным вниманием, проявляла к ней всестороннюю заботу. Передовые рабочие сотрудничали в „Правде“, распространяли ее, собирали деньги на „Правду“, и она жила, несмотря на тяжкий гнет царизма, несмотря на бесчисленные удары, которые сыпались на нее.

В 1916 году в одном из уголков обширной сибирской ссылки была произведена анкета среди ссыльных. Данные анкеты показали, что 57% находившихся в ссылке большевиков сотрудничали в своей рабочей газете, 72%—распространяли ее, 75%—собирали на нее деньги. Вот маленький факт, рисующий отношение передовых пролетариев к своей рабочей газете. Сегодня „Правд“ у нас много, но многие ли из нас сотрудничают в них, многие ли распространяют их, многие ли заботятся о наших газетах и журналах...

Эпоха 1912—1913 гг. была эпохой „правдизма“. Большевики тогда назывались „правдистами“. Название целого движения, сильнейшего политического направления было связано с именем рабочей газеты. Сейчас, конечно, нам не нужно связывать свое имя с названием наших газет. Но сейчас нам нужно, сейчас мы обязаны вспомнить практику старых „правдистов“ и подражать им. **День рабочей печати должен стать началом всемерной заботы, беспрерывной поддержки, неослабного внимания к нашим газетам. Тесными, неразрывными узами каждый коммунист, каждый передовой рабочий и работница должны связать себя со своей рабочей партийно-советской коммунистической газетой.**

В наших руках — сильнейшее оружие. Пусть оно будет ярким, сильным, отточенным, чтобы смертельно разить врага, чтобы укреплять наше великое дело.

Во имя революции, во имя победы рабочего класса будем помогать нашей печати так, как помогали своей „Правде“ старые „правдисты“-большевики!

„Сегодня“ и „завтра“ нашей печати.

I.

Недавно во Флоренции на всемирной книжной выставке Россия заняла одно из первых мест, если не первое место. Но книги были написаны в свое время Марксом, Энгельсом, Каутским, Плехановым, Лениным, Троцким и др. Книги кое-как пишут виднейшие теоретики марксизма и теперь. Но для периодической печати работники находятся с большим трудом, и, за некоторыми исключениями, работники второго и третьего „разряда“. Газета у нас находится в значительно более худшем положении, чем книга. Она бедна материальными средствами, она бедна материальными силами, она встречает на своем пути такие препятствия, которых в Советской республике могло и не быть...

29-го июля в Москве окончился суд над убийцами рабочего корреспондента „Правды“ т. Спиридонова. На суде не было спора насчет того, что т. Спиридонов был убит, как корреспондент, потому что он корреспондент. На суде обвинителем был подчеркнут тот факт, что преследование газетных корреспондентов далеко не является редким исключением.

Но что значит преследовать рабочего корреспондента? Это значит—**преследовать рабочую газету,** партийно-советскую, государственную печать. Фактически такое преследование имеет, к несчастью, место. От кого? Каким образом?

В связи с убийством т. Спиридонова „Правда“ в номере от 20-го апреля писала:

> „Стоит только появиться в газете какому-либо разоблачению, как тут же являются всякие **большие и малые человечки из завкомов, заводоуправлений, треста, главка и т. д., и т. п. И прежде чем дать исчерпывающие об'яснения, доказать свою правоту, каждый из них с возмущением требует от редакции фамилии разоблачавших их авторов.** Пора положить этому конец, **пора начать широкую кампанию за действительную свободу рабочей печати**, пора оградить наших рабочих корреспондентов от подобных издевательств, пора принять меры к суровому преследованию затыкателей рта“.

Сам покойный т. Спиридонов за восемь дней до своей гибели поместил в „Правде“ тревожную статью об „участи рабочих корреспондентов“. В статье читаем:

> „Когда он (корреспондент) пишет что-либо хорошее о своем предприятии или хвалит свою администрацию, то им довольны. Но вот он помещает в газете заметку о неправильных дей-

ствиях и поступках своей администрации... тут против несчастного поднимается настоящая травля, вплоть до выживания смельчака... В результате — корреспондент чувствует себя загнанным, затравленным".

Обычно дело ограничивается „травлей", „выживанием" и т. д., тут столкновение между корреспондентом и администрацией окончилось трагически: стрелял председатель фабричного комитета, находившийся в теснейшей связи с директором фабрики. Но и случаев „травли" и „выживания" достаточно для того, чтобы мы могли сказать, что рабочая печать не сломала еще все преграды, не вышла на широкую дорогу.

Покушение на свободу пролетарской печати резко противоречит всей сущности советской печати. Российская Коммунистическая партия в постановлениях своих с'ездов и конференций не раз подчеркивала, что борьба с ошибками, недостатками, злоупотреблениями, преступлениями должностных лиц и учреждений—одна из важнейших задач печати. Тем не менее как раз решение этой ответственной задачи встречает сопротивление со стороны тех „слуг государства", которые таким образом пытаются стать „над государством".

При поддержке партии и закона печать рабочего класса должна немедленно начать и возможно скорее окончить победоносно борьбу за свое право, чтобы развернуться в мощную, великую силу пролетарской революции.

Мы бедны литературными силами, мы бедны материально, технически наши газеты мало удовлетворительны. Ко всему этому прибавляется бедность нашего читателя, вынужденного в первую очередь думать о хлебе, в двадцатую очередь—о газете; сильно дают чувствовать себя сравнительно малая культурность масс, отсутствие у них широкой потребности, отсутствие привычки к газете. Все это—огромные препятствия на пути нашей периодической печати.

Далее, нет хорошо налаженного аппарата распространения печати. Переход от бесплатного снабжения к платной подписке и продаже газет совершается с большим трудом. Наконец, газеты бьются в тисках финансового кризиса. Государство может оказывать им самую незначительную помощь...

Словом, положение архи-тяжелое. Значительное количество периодических изданий не выдержало и пало в „неравной борьбе".

Враги, наблюдая кризис нашей печати, потирают руки от удовольствия. Заграничная белая печать не упускает ни одного случая, чтобы не позлорадствовать над тяжелым состоянием наших газет.

И вот мы, работники советской печати, должны устранить все преграды, разрушить все препятствия и дать миру образец новой, невиданной доселе рабочей печати.

Но что такое рабочая печать? Обычно под рабочей газетой понимают газету, предназначенную для фабрично-заводских рабочих, заполненную письмами самих рабочих, трактующую вопросы жизни,

труда и борьбы рабочих масс. Конечно, это — рабочая газета, но не только она — рабочая газета.

Что такое **буржуазная** газета? Буржуазной называется не только газета, в которой говорится о биржах и банках, о покровительственных пошлинах или о свободе торговли. **Буржуазной является всякая газета, которая освещает основные вопросы политики и экономики с точки зрения интересов капиталистического класса.**

Огромное количество внешне „демократических“ и „социалистических“ газет по существу являются буржуазными газетами, ибо основные вопросы политики и экономики освещают с точки зрения буржуазии. Возьмите любую меньшевистскую газету недавнего прошлого, возьмите печать германской социал-демократии или органы английской рабочей партии,—все это по своей программе—сплошь буржуазные газеты, несмотря на то, что руководят ими рабочие партии, часто редактируют их люди, вышедшие из рабочих рядов...

Рабочей по существу газетой является газета, которая освещает основные вопросы современной жизни с точки зрения интересов рабочего класса. Эти интересы наиболее точно формулированы Коммунистической партией. Следовательно, рабочей газетой является коммунистическая газета, с точки зрения рабочего класса освещающая все вопросы экономики и политики.

Возьмем „Известия ВЦИК“. Чисто-рабочего материала в этой газете мало, и это один из ее недостатков. Тем не менее „Известия ВЦИК“—рабочая газета. Она обращается к различным слоям населения, но она говорит со всеми ими на коммунистическом языке, она отстаивает интересы рабочего класса, она — рабочая газета.

И вот развитие нашей рабочей печати находится, можно сказать, в зачаточном состоянии. „Известия ВЦИК“—самая распространенная в республике газета, но ее тираж сравнительно ничтожен: всего 170.000 экз.! О тираже остальных газет и говорить не стоит—одна какая-нибудь парижская бульварная газета имеет больше тиража, чем вся наша столичная печать...

Мы решительными и быстрыми шагами должны двигаться вперед. Наша печать должна охватить миллионные массы. У нас должны быть газеты, журналы, книги для всех слоев трудового народа, в зависимости от их уровня развития, культуры, бытового уклада. Как наша рабочая партия обращается ко всем слоям народа, обращается, как партия **рабочего** класса, точно так же наша рабочая печать должна обращаться ко всем слоям народа,—обращаться, как печать **рабочего** класса.

У нас слишком печальное „сегодня“. Но мы должны думать не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне нашей печати. Мы обязаны ставить перед собою **большие цели, гигантские задачи, ибо наше время — это именно время гигантских задач.**

Мы должны работать в том направлении, чтобы **десятки миллионов экземпляров наших** рабочих коммунистических газет ежедневно расходились по великой рабочей стране при помощи железных дорог, электрических путей, воздушных линий сообщения.

II.

А новая экономическая политика? А „развязывание“ капиталистической стихии? Ведь нэп подразумевает неп („независимую“ печать). Неужели вы, отказавшись от экономической монополии, хотите сохранить в руках, так сказать, политическую монополию? Но ведь это противоречит законам истории, законам марксизма!..

Такими вопросами, недоумениями, удивлениями, восклицаниями осыпают нас наши бесчисленные враги. На эту мешанину из невежества и лицемерия мы отвечаем ясно и просто:

— Да, милостивые государи, мы позволяем вам вести ваше личное хозяйство на капиталистической основе, но не собираемся государство перестраивать на началах капитализма. Власть принадлежит рабочему. Пролетарий делает своим врагам частичные уступки, чтобы укрепить свои основные позиции. Независимая от пролетариата, т.-е. буржуазная, печать означает начало борьбы за власть. Но вопрос о власти решен, и он пересмотру не подлежит. Вам кажется, что мы нарушаем „законы истории“? Пусть так. Мы ведь знаем, что, по мнению мировой буржуазии и ее лакеев, наше появление у власти было чудовищным нарушением „законов истории“. Нарушим еще раз эти выдуманные вами законы,—быть может, не погибнем...

В государстве, возглавляемом буржуазией, печать „естественно“ находится в руках буржуазии. В рабочем государстве печать может и должна выражать интересы лишь рабочего класса и руководимых им слоев трудящихся.

Однако было бы ошибкой думать, что новая экономическая политика не касается печати. В резолюции 11-го с'езда РКП „о печати и пропаганде“ читаем:

> „На основе роста капиталистических отношений неизбежно усиление буржуазного влияния не только на мелко-буржуазные слои населения, но даже на наиболее отсталую часть пролетариата. Констатируя стремление буржуазии через посредство литературы и культработу повлиять на трудящиеся массы, с'езд считает, что этим влияниям надо противопоставить энергичную политработу. Поэтому партия должна всемерно расширить и углубить свою агитационную и пропагандистскую работу.
>
> Одним из самых могущественных орудий в борьбе партии за влияние на массы, за их коммунистическое просвещение и организацию является печать“.

Для разрешения задач, стоящих перед советской рабочей печатью сегодня, для подготовки завтрашнего дня нашей печати должны об'единиться все без исключения работники освобожденного от власти капитала рабочего печатного слова.

Речь идет не только о том, чтобы вывести нашу печать из тяжелого кризиса. Речь идет также и о том, чтобы заложить прочный фундамент для нового гигантского здания российской советской печати. Поэтому нам, на ряду с решением практических вопросов дня, необходимо взяться за **научную разработку вопросов рабочей печати,—ее истории, ее методов, ее принципов, ее организационных основ.**

Нас, работников российской рабочей печати, слишком мало. Поэтому наше полное сочувствие, наша братская поддержка должна быть обеспечена делу **создания новых бойцов, новых кадров пролетарской печати.**

Мы стоим у начала великого дела. Подумайте,—впервые в мире открыта возможность для создания печати, которая борется только за правду, за свет, за грядущее. Мы должны двигать это дело вперед. И позор нам, если не поймем мы великих обязанностей, лежащих на нас!

Нам нужны **фанатики дела,**—молодые, сильные, энергичные. Нам нужны бесстрашные воины пролетарской печати, ибо так много предстоит сделать, так далеко нужно шагнуть!

День партийно-советской печати.

5-го мая 1922 г. назначается Всероссийский день печати. Первый раз день рабочей печати был организован в России в 1914 году—во вторую годовщину рабочей газеты „Правда". Восемь лет спустя, при пролетарской диктатуре, мы снова организуем день нашей партийно-советской пролетарской печати. Это не случайно. Вопрос о печати является сейчас в России большим боевым вопросом.

I.

Вопросом о печати идеологи русской буржуазии занимаются весьма усердно. В частности в связи с третьим Всероссийским с'ездом журналистов они пролили немало слез по поводу гибели „независимой" русской печати. В этом отношении весьма характерна передовая статья „Голоса России", посвященная нашему с'езду работников печати, в номере от 5 февраля. В то время „Гол. России" был органом левых кадетов.

Передовик кадетской газеты хотел бы „радостно приветствовать факт общения представителей печати", но не может этого сделать, ибо с'езд является „горькой иронией". В чем дело? А в том, что

„русская печать задушена, разгромлена, уничтожена. Свобода суждений... об'явлена государственным преступлением. В России могут существовать лишь казенные газеты, принявшие официальную доктрину самодержавия рабочих и крестьян“.

Кадетский публицист—злейший враг власти рабочего класса; он—за власть буржуазии. И поэтому он „не может признать“ с'езд советских журналистов „выражением голоса русской печати“.

Какой русской печати? Той, которая господствовала до Октябрьской революции, той, которая всеми силами защищала господство буржуазии и дворянства, той, которая вела бешеную борьбу против шедшего к власти рабочего класса. Вот эта печать в самом деле была убита революцией в течение 1918 года, убита за то, что она защищала бывших рабовладельцев в их борьбе с восставшими и победившими рабами.

„Русская печать, — продолжает кадетский передовик, — имеет славную традицию независимости“.

Независимости—от кого? От буржуазии? От дворянства? Ничего подобного! Та русская печать, о которой говорит кадетская газета, **целиком** была зависима от господствующих классов и их политических партий. Наиболее „солидные“ русские газеты до октябрьского периода—„Речь“ и „Русские Ведомости“—разве они не были официозами кадетской партии? А разве партия кадетов не была главной партией русской буржуазии и „либеральной“ части дворянства?

До февральской революции „Речь“ и „Русские Вед.“ были „независимы“ в том смысле, что они не получали субсидии из полицейского участка. Но буржуазия ведь **содержала** эти газеты? банки ведь субсидировали эти органы „независимой печати“?

А другие русские газеты: „Утро России“—орган Рябушинского, „Русская Воля“ — орган ряда петроградских банков, „Русское Слово“—газета Сытина,—разве эти и все остальные либерально-„демократические“ издания не были связаны неразрывными узами с буржуазией? Разве они не питались духовно и материально с барского стола?

Русская печать дореволюционного периода была независима от рабоче-крестьянских масс. Вот это бесспорно. Нужды и требования рабочего класса, их жизнь, их борьба, их лозунги и чаяния не находили никакого отклика на страницах русской „независимой“ печати.

Рабочий класс понимал, почему это происходит, и всеми силами старался создать печать, зависимую от него, но безусловно независимую от буржуазии. Революционная подпольная литература была попыткой пробить брешь в буржуазную монополию печатного слова. В 1905—1906 гг. рабочему классу удается на момент вырваться из подполья, и он сразу хватается за оружие легального печатного слова.

В 1912—1914 гг. русские рабочие создают свою рабочую классовую печать, которая становится **рядом** с буржуазной печатью и ведет с ней решительную борьбу.

В 1918—1922 гг. рабочий класс России убивает буржуазно-помещичью прессу и захватывает в свои руки монополию печатного слова...

Кадеты, эсеры, меньшевики, черносотенцы негодуют: большевики задушили независимое печатное слово. Большевики убили свободу мысли! Большевики попирают все божеские и человеческие права.

Что на самом деле сделали большевики? Они **задушили зависимое от банков и бирж, продажное буржуазное слово.** Они „убили" свободу той мысли, которая воспевает буржуазные цепи рабства. Большевики „попирают" права тех классов и партий, которые враждебны пролетариату, короче—большевики ведут борьбу за сохранение власти в руках рабочего класса и выбивают из рук буржуазии печать—наиболее сильное оружие борьбы. И мы, и наши враги прекрасно понимали, что борьба классов происходит посредством винтовки, а винтовка стреляет метко тогда, когда ее направляет сильная партия, имеющая сильную прессу.

II.

В связи с „днем печати" буржуазия будет лить горячие слезы над могилой „свободной печати". Эсеры и меньшевики паки и паки будут вопиять о попираемых нами священных „правах". Так вот мы спешим навстречу этим господам и заявляем им, что рабочий класс России вырвал печатное слово из рук буржуазии и совершенно не намерен возвращать прессу золотому мешку или его певцам и адвокатам...

Мы—монополисты, и это—великое достижение народной революции. Из оружия затемнения сознания и угнетения и порабощения печать превращается в орудие прояснения сознания миллионов, в средство освобождения трудящихся от векового гнета.

Но мы **плохо осуществляем эту ценнейшую монополию.** Мы не научились еще владеть как следует мощным оружием печати. Долгое время оно у нас было в забросе. Мы позволили нашим врагам кое-где пробить брешь в нашу монополию. Дело доходит до того, что в Москве при участии коммунистов появляется журнал („Жизнь"), в котором раздаются жалобы на „почти полное отсутствие большой", т.-е. буржуазной, банково-предпринимательской, продажной, антирабочей, антиреволюционной „периодической печати".

„Большой" буржуазной печати в России больше не будет! Но ее место должна занять „большая", если не по размеру, то по силе и распространению, партийно-советская, рабоче-крестьянская печать. Мы должны просветить, политически воспитать, сорганизовать, научить по-новому работать миллионные массы. Мы должны побороть некультурность, темноту, невежество. Мы должны поднять новь в небывалых доселе размерах.

Как мы все это сделаем, если не отточим такое мощное оружие, как печать?..

Будем говорить правду: не только в области хозяйства, но и в области печати мы многое не знали, не умели, не понимали. Не только массы, но и широкая партийная публика не дооценивала значения печати.

„День печати“ должен стать днем решительного перелома в этом отношении. Директива партии неуклонно должна быть проведена в жизнь. Каждый член партии, каждая ячейка, все без исключения партийные комитеты обязаны в день печати проявить максимум энергии и инициативы.

5-ое мая 1922 года должно стать днем **начала** великого поворота в положении нашей печати. Днем именно **начала** поворота, ибо будет несчастием, если на другой день все пойдет по-старому. Став на новый путь в отношении печати, нужно неуклонно итти по нему, пока задача не будет решена. А задача сводится к тому, что молодая Советская Республика должна получить живую, яркую, „всезнающую“, „всевидящую“ рабоче-крестьянскую газету, которая будет пробуждать и просвещать, звать к борьбе и работе, учить работать по-новому, собирать и обобщать опыт новых строителей!..

Мы создали невиданное в мире государство—мы должны создать невиданную государственную коммунистическую печать; **наша газета не может искать образца в прошлом—она должна стать образцом для грядущего.**

Наша газета не будет лицемерно говорить о „независимости“,—она неразрывными узами свяжется с трудовыми массами. Советская печать покажет всему миру, что победивший пролетариат умеет использовать печать в интересах своего класса не хуже, чем использовала ее в своих интересах стоявшая на верху жизни буржуазия.

Нерешенные вопросы печати.

Еще полгода тому назад печать была самой забытой и забитой областью нашей работы. В настоящее время этого уже нельзя сказать. Вопрос о печати в партийных организациях стал вопросом напряженным. Целый ряд партийных комитетов серьезно и по-деловому занимается вопросом о печати, но подавляющее большинство все еще равнодушно к судьбам печатного слова. Анкеты, которые мы за последние полгода произвели, свидетельствовали о том, что партийные комитеты очень трудно раскачать, когда речь идет о печати. Выражаясь грубо, чем „хуже“ губком, т.-е. чем слабее он политически, тем меньше он занимается вопросами печати. В соответствии с этим, чем хуже губком, тем хуже его газета. Ознакомившись с органом данного партийного комитета, вы можете составить себе довольно верное представление его состоянии. Без преувеличения можно сказать, что газета — зеркало партийного комитета.

Вот небольшая „анкета“. В подотделе печати ЦК РКП просмотрено 127 экз. местных партийных журналов—всяческих „Вестни-

ков" и „Известий" губкомов и обкомов. И вот из этих 127 экз. в 76 нет ни слова о печати, в 28 экз. дается отчетный материал, резолюции, планы работ и лишь в 23 экз. из 127 находим более или менее цельный статейный материал о печати. Согласитесь, статистика совершенно не утешительная, если принять во внимание, что обычно эти журналы редактируются секретарем или членом президиума данного парткома.

День печати на момент сосредоточил внимание партийной публики на вопросах печати. К сожалению, только на один момент. **День печати прошел в подавляющем числе случаев без практических результатов и, главное, он не явился началом перелома в отношении партийных комитетов к печати.** Лишь единицы из наших губкомов (например, Гомельский) развернули день печати в трехнедельник и достигли больших практических успехов. Но в общем и после XI с'езда РКП местным партийным комитетам приходится энергично напомнить о том, что печать должна быть в центре внимания, что нельзя ее держать в черном теле, что она требует и заслуживает постоянного внимания, постоянных забот.

С начала текущего года наши газеты перешли на хозяйственный расчет, это сразу ударило по ним. Вот цифры. К 1-му января 1922 года мы имели 803 газеты, к 1 марта—382, к 1 июня—313. На ряду с количеством газет катастрофически сокращается тираж. Сокращение тиража для центральной печати составляет около 50%; для провинциальной печати, повидимому, тираж сократился еще больше. Две основных причины способствуют сокращению тиража: во-первых, слабость распространительного аппарата, во-вторых, слабая покупательная способность нашего рабоче-крестьянского читателя. На ряду с этим весьма тяжелым обстоятельством можно констатировать и отрадные явления: в борьбе с силами нэповской стихии целый ряд наших губернских и областных газет значительно улучшился качественно. Теперь уже нельзя огульно охаивать наши провинциальные газеты. Среди них имеются издания, не уступающие центральным. Но все они задыхаются в тисках финансовой нужды. Значительная часть весьма хороших газет буквально борется за свое существование. Расходы растут неимоверным образом, доходы покрывают самую ничтожную часть расходов, ибо об'явлений в провинции почти нет, а назначать цену газеты по себестоимости нельзя, ибо она тогда станет недоступной массе читателей.

Центр оказывает финансовую помощь, но она покрывает не более одной четверти, в редких случаях одной трети расходов. В результате газеты или лопаются совсем, или свертываются. Достаточно сказать, что губернская газета Донбасса, выходившая раньше ежедневно, стала выходить три раза в неделю. Дальше итти некуда. Необходимы немедленные меры, иначе мы потеряем целый ряд наших печатных органов. Но и тем, которые останутся, угрожает большая опасность. Дело в том, что в некоторых случаях наши хозорганы и в особенности кооперативы берут газеты на содержание.

„Вестник“ Саратовского губкома совершенно правильно указывает что таким путем наша местная печать становится под „угрозой охвата ее коммерческой хозяйственно-собственнической и, пожалуй, бюрократической стихией“. „Вестник“ Саратовского губкома подчеркивает, что кооперация первая протянула руку помощи уездной печати. Если даже у кооператоров суб‘ективно нет никаких недобрых намерений, то об‘ективно дело, несомненно, сведется к тому, что и кооперативы и даже хозорганы за свою помощь будут требовать хотя бы нейтрального к себе отношения со стороны печати. Саратовский „Вестник“ прямо указывает, что кооперативы и хозорганы „ощутили потребность в печати, как орудии агитационного воздействия, как ширме для своей политики“. В данную минуту такие агрессивные цели, вероятно, не всеми еще благоденствующими печать кооперативами и хозорганами поставлены себе. Но несомненно, что перспективы, указанные Саратовским „Вестником“, совершенно правильны. **Хозяйственным органам и тем более кооперативам мы не можем предоставить чести содержать партийную и государственную печать**, ибо это неизбежно привело бы к извращению характера наших печатных органов. Защищая интересы рабочего класса и рабочего государства, печать не может быть нейтральной в отношении отдельных ведомств, лиц, учреждений.

Печать должна находиться в материальной зависимости только от партии, только от государства, иначе ей угрожает опасность вырождения.

Прежде всего необходимо в самом срочном порядке увеличить финансовую помощь из центра,—не меньше половины расходов по изданию газет, включенных в государственную сеть, центр должен взять на себя. Без этого невозможно и думать об обеспечении существования нашей печати. Другое предложение, практически совершенно легко осуществимое. Главнейшая статья расхода наших газет—это типографии; местные типографские тресты буквально душат наши газеты. Необходимо, чтобы типографии передавались на арендных началах газетам или об‘единениям газет. На местах уже был проделан соответствующий опыт, и результаты блестящи. В Ростове н/Дону, например, полиграфтрест чуть не довел до самоубийства местные газеты. Редакции подняли вопрос об аренде. Полиграфтрест на сдачу в аренду типографий не соглашался, потребовалось энергичнейшее давление по партийной линии, чтобы вынудить полиграфтрест сдать типографии в аренду. Полиграфтрест выставил тягчайшие условия аренды (напр., 50% прибыли от типографии идет ему), на которые редакции должны были согласиться, и тем не менее результат получился весьма удовлетворительный. Типография, помимо газеты, исполняет ряд других заказов, дает прибыль, и эта прибыль идет в фонд газеты. Когда дело с об‘явлениями разовьется, три источника дохода: 1) подписка и продажа газет, 2) типографский доход и 3) об‘явления, при умелом хозяйственном

ведении дела могут привести к тому, что газеты постепенно избавятся от необходимости государственной субсидии.

Происходившее в конце мая всеукраинское совещание заведующих агитпропами и оргинстрами вынесло резолюцию об „использовании доходов от эксплоатации типографии для организации фонда на издание газет"; эта резолюция разумна, практична, целесообразна и должна быть проведена в жизнь. Сопротивление ведомств должно быть сломлено решительно. Интересы печати несравненно выше интересов полиграфтрестов, если даже считать, что эти последние терпят существенный ущерб при сдаче типографий газетам, чего на самом деле нет.

* * *

Указание XI с'езда на то, что партийные организации должны обратить самое серьезное внимание на подписку и распространение газет, осталось безрезультатным в подавляющем большинстве случаев. Между тем при желании партийные комитеты многое могли бы сделать в этом отношении. Вот блестящий пример, поданный Гомельским губкомом. В Гомеле, как указано выше, был организован трехнедельник печати. О результатах трехнедельника „Известия" Гомельского губкома пишут:

> „Многие заводы и фабрики всем коллективом подписывались на газету. Отдельные фабрики дали по 30—40 и больше подписчиков. В общем за три недели, в течение которых длилась кампания, „Полесская Правда" навербовала в Гомеле до 1000 рабочих-подписчиков. Подписка продолжается. Другим показателем успеха кампании явилось усиление притока рабочих писем в редакцию. Есть ряд писем-запросов о том, как писать в газетах".

Вот образцовое выполнение постановлений партийного с'езда; многим и многим нашим партийным комитетам нужно учиться у товарищей гомельчан, тогда у них будут хорошие газеты, связанные с читательской рабоче-крестьянской массой.

* * *

Важнейшим вопросом для всей нашей печати все еще является **вопрос о работниках** Несмотря на неоднократные указания ЦК, журналисты-коммунисты далеко еще не переведены на газетную работу. Газетная работа на практике все еще не признана для журналистов-коммунистов основной партийной работой. Их загружают всякого рода партийно-советскими обязанностями и тем лишают возможности отдавать главные силы партийно-советской печати. Это — прямое нарушение постановления XI с'езда РКП.

Затем не решен вопрос о профессионально-производственном об'единении работников печати. Без содействия партийных комитетов об'единение журналистов не может претвориться в жизнь. Все

секции журналистов будут безжизненны, если в них не будут активно работать все коммунисты, имеющие отношение к печати. В настоящее время в этих об'единениях представлены фактически низы партийно-советской прессы. Верхи нашей журналистики почему-то считают ненужным работать там. Этот отрыв генералов прессы от ее чернорабочих также серьезно отражается на положении нашей печати, ибо без прочного, организованного кадра работников печать не может развиваться.

Наконец, серьезного внимания заслуживает вопрос о партийном аппарате руководства печатью. Подотделы печати при агитпропах далеко не везде организованы на прочных основах.

* * *

„В целях охраны интересов Республики необходимо решительно устранить всякие препятствия, стоящие перед партийно-советской печатью, в деле критики недочетов и отрицательных сторон работы наших учреждений и должностных лиц. Необходимо вменить в обязанность всем ответственным работникам давать в печати об'яснения по поводу сообщаемых фактов. Партийные комитеты обязаны решительно пресекать всякую попытку отдельных лиц и учреждений путем давления и нажима мешать редакциям газет выполнять их партийно-политические обязанности, которые наиболее полно формулированы в резолюции VIII с'езда РКП о партийно-советской печати".

Так говорится в циркуляре Центрального Комитета от 20 февраля 1922 года. Между тем вопрос о „свободе критики" все еще является больным и по сути дела нерешенным вопросом. 26 июля Московский трибунал судил группу рабочих администраторов по обвинению в убийстве рабочего корреспондента тов. Спиридонова. Тов. Спиридонов был выдвинут на роль корреспондента „Правды" ячейкой во исполнение циркуляров партийных органов; он разоблачал на страницах „Правды" темные делишки местных заводских администраторов. Это создало вокруг него атмосферу бесшабашной травли, и 8 апреля он был убит председателем завкома. За несколько дней до убийства тов. Спиридонов напечатал в „Правде" полную тревог корреспонденцию о судьбах рабочего корреспондента. Корреспонденция эта цитировалась на XI с'езде партии при обсуждении вопросов о печати. С'езд принял резолюцию, подчеркивающую необходимость уделения печати самого серьезного внимания. А в эти самые дни председатель завкома убил рабочего-коммуниста за то, что он исполнял свой долг работника партийной печати. На местах не убивают рабочих корреспондентов и сотрудников газет, но борьба между печатью, с одной стороны, и ведомствами, учреждениями, администраторами и должностными лицами, с

другой, происходит по всей стране. Редакция разоблачает, должностные лица „давят“ и „нажимают“, а если это не удается, тогда просто игнорируют сообщения печати. Несмотря на категорическое предписание высших партийных органов, ответственные работники сплошь и рядом избегают об'яснений по поводу разоблачения печати. В результате местная печать, представляющая государство и господствующую партию, оказывается в смешном положении. Она разоблачает, она пригвождает к позорному столбу, а положение остается без перемен. Понятно, что при таких условиях газета не может рассчитывать на поднятие своего авторитета среди трудящихся. В целом ряде провинциальных газет поднимается вопрос о бессмысленности такого положения, когда писатель пописывает, читатель почитывает, а разоблаченные администраторы и в ус себе не дуют...

Наиболее практично к этому вопросу подошли все те же гомельские товарищи. В „Известиях Гомельского Губкома“ читаем:

> „До тех пор, пока учреждения и их ответственные руководители не будут давать об'яснения по поводу касающихся их заметок и писем в газете, сотрудничество рабочих в газете не будет налажено. Ни одна заметка, ни одно рабочее письмо в газете не должно оставаться без раз'яснения со стороны соответствующего органа“.

Вопрос ясен, нужна воля, нужно сознание, необходимо желание провести все это в жизнь.

Наши основные вопросы.

Редакцию „Журналиста“ упрекнули в том, что у нее „по многим вопросам, имеющим отношение к печати, нет ни выработанной общей точки зрения, ни единого мнения“ („Рабочая Москва“, 1/XII). Мы принимаем сделанный нам упрек. Мы сами чувствовали, что в первых двух номерах „Журналиста“ нет цельности и единства взглядов. И откуда было им взяться? Ведь за все время революции мы, работники печати, лишь теперь впервые по-настоящему собрались вокруг своего собственного органа и заговорили о новых, почти совершенно неразработанных вопросах. При таких условиях коллективная точка зрения могла выработаться лишь после выявления неизбежной разноголосицы, после споров и дискуссий.

В настоящее время мы имеем возможность предложить вниманию товарищей единую точку зрения редакции по ряду важнейших вопросов, касающихся нашей печати.

Положение печати

В каком положении в настоящее время наша периодическая печать? Увы, даже этот вопрос оказался у нас спорным. Наиболее распространенная на этот счет точка зрения сводится к тому, что наши газеты безнадежно гибнут, что тираж неуклонно падает, что качество газет ниже всякой критики. Вот, например, в последней, седьмой, книге журнала „Печать и Революция“ мы читаем:

> „Положение нашей печати плачевно. Провинция стонет от экономических тисков НЭП'а. Газетные сотрудники разбегаются. Один за другим лопаются местные органы. А те, что выживают, влачат существование не только жалкое, но временами постыдное“.

Для осени 1922 года такая характеристика уже явно неверна. Наши газеты уже не „лопаются“, наша пресса медленно, но неуклонно идет в гору. Критический период уже пройден. Белая печать, радовавшаяся тому, что „красная печать умирает“ („Последние Новости“, 24/X), не имеет в настоящее время оснований для ликования.

Вот некоторые цифры, характеризующие состояние нашей печати за последние месяцы. На первое августа было у нас 372 газ. с тиражем 990.000, на 1 сентября—330 газет с тиражем 1.000.000, на 1 октября—372 газ. с тиражем 1.100.000, на 1 ноября—411 газ. с тиражем 1.210.000, на 1 декабря—423 газеты с тиражем—1.400 000. Таким образом количество газет и их тираж за последние три месяца сделали значительный скачок вверх. Разумеется, сам по себе теперешний тираж ничтожен—что для огромной республики 1.400.000 экз. газет! Но если сравнить с летним положением нашей печати, то разница получится ощутительная.

Чтобы картина роста нашей печати была более ясна, обратимся к отдельным газетам.

„Коммунар“, орган Тульского губкома и губисполкома, в мае имеет тираж около 5.000 экз., в ноябре—19.000, в декабре—23.000. За последнее время была поставлена выходящая два раза в неделю крестьянская газета, тираж которой приближается к 10.000. Тульские товарищи выдвинули лозунг в городе—одна газета на одного рабочего, в деревне—одна газета на 25 крестьян. Для города эта задача близка к решению.

„Пролетарская Правда“—орган Киевского губкома и губисполкома—в мае имела тираж 6.000, в ноябре—18.000.

„Известия Одесского Губкома и Губисполкома“—в мае 4.500, в ноябре—21.000.

„Бакинский Рабочий“ с 3.500 в мае дошел в ноябре до 14.000.

Значительно увеличили свои тиражи: **ростовские** „Советский Юг“ и „Трудовой Дон“ (оба в ноябре имели 27.000), **гомельские**

„Полесская Правда“ и „Советская Деревня“ (обе 20.000), **екатеринославская** „Звезда“ (17.000), **харьковские** „Коммунист“ и „Пролетарий“ (оба 70.000), **петроградские** „Правда“ и „Красная Газета“ (обе 110.000). Из **московских** газет резкий рост тиража дает „Рабочая Газета“ (в мае 10.000, в ноябре 120.000), значительный рост „Рабочая Москва“ (в мае 20.000, в ноябре 55.000).

Менее резко, но неуклонно растет тираж всех почти областных и губернских газет. И, что самое важное, **рост тиража происходит за счет рабоче-крестьянского читателя.** Особенно успешна, конечно, рабочая подписка. Это находится в прямой связи с расширением и укреплением связи между нашими главными органами печати и рабочей массой. **Рост рабочих корреспонденций** в наших лучших газетах прямо поразителен. Вот, например, „Рабочая Москва“: в январе т. г. она получала 102 рабочих корреспонденции, а в ноябре—1.200. В такой же приблизительно пропорции растет число корреспонденций в „Рабочей Газете“, „Гудке“ и ряде наших провинциальных газет.

Но каково **качество** наших газет? Бросая общий взгляд на нашу провинциальную печать, необходимо отметить, что наши газеты в крупных центрах бесспорно стоят на высоте положения. Некоторые из них поспорят даже с московскими газетами.

Вполне удовлетворительно ведется подавляющее большинство **губернских газет**. Есть, впрочем, слабые, но они почти все находятся на пути к улучшению.

В уездах картина менее утешительная. Здесь около половины газет принадлежит к числу неудовлетворительных. Тираж их, как общее правило, не превышает 1.000 экз. (а часто спускается до 400—500 экз.). Связь с читателем здесь крайне слаба. Затем большинство уездных газет выходит от 1 до 3-х раз в неделю, а есть и такие, которые выходят вовсе нерегулярно. Из 179 уездных газет ежедневных всего 28.

Вопрос об уездной печати или о распространении губернской печати в деревне должен стать очередным боевым вопросом для всех работников печати на местах. К этому делу нужно привлекать внимание партийных и советских организаций, сюда нужно направить наши главные усилия.

Вот в общих чертах картина состояния нашей печати. Как видим, она далека от общераспространенного взгляда. Худшее для нее позади. Она идет вперед, а не назад. Разумеется, ошибок и недостатков у нее еще немало. Но где та отрасль нашей работы, в которой бы не совершали мы ошибок? Спотыкаясь, набивая себе нередко шишки, мы в общем довольно быстро идем вперед. В области печати наше положение улучшается, а не ухудшается. Красная печать не умирает, а возрождается. Все усилия наши надо употреблять на то, чтобы возрождение стало решительным, полным, окончательным. Как и на фронте военном, здесь мы должны всеми силами **„развивать достигнутый успех“, чтобы притти к победе.**

Что такое рабочая газета?

Немалые споры в нашей среде вызывает вопрос **о характере** нашей газеты. Какие газеты нужны в рабоче-крестьянском государстве? Как они должны строиться? На какого читателя должны ориентироваться?

Года три-четыре назад некоторые товарищи выдвигали мысль, что нам вообще необходимы исключительно популярные рабоче-крестьянские газеты. С другой стороны, были и такие товарищи, которые считали, что популярных газет нам вообще не нужно, по крайней мере для города, что все наши газеты должны иметь серьезный, „солидный" характер. В эпоху военного коммунизма у нас господствовал именно тип „солидной" политической прессы.

В настоящее время положение резко изменилось в смысле более или менее правильной **диференциации** нашей печати. У нас имеются серьезные руководящие органы, мы имеем боевую массовую популярную печать. К этой диференциации мы пришли более или менее стихийным путем, при чем дело не обошлось без сопротивления некоторых „консервативных" товарищей, полагавших, что „Известия" и „Правда" могут заменить собою специальные популярные газеты. „Консерваторы", разумеется, ошибаются. Диференциация печати должна быть проведена строго и решительно. Наша печать должна обращаться ко всем слоям населения в различных формах, но на одном коммунистическом языке. Мы должны иметь „газету для всех" („Известия ВЦИК"), мы должны иметь газету для передового авангарда рабочего класса („Правда"). Нам необходимы боевые массовые газеты, идущие в гущу рабочего класса („Рабочая газета") и крестьянства („Беднота"). На местах нам нужны губернские газеты типа „Рабочей Москвы", в уездах главным образом массовые крестьянские газеты. Вот основные типы наших газет. Характер газеты должен зависеть от того, к какому читателю она обращается и чье общественное мнение она думает выявить.

Но тут выдвигается новый и интересный вопрос специально о рабочей газете. Во втором номере „Журналиста" тов. К. Еремеев с сокрушением заявил, что в Советской республике „исчезла рабочая газета". Мы оговорили тогда наше несогласие с тов. Еремеевым. Остановимся теперь на этом вопросе несколько подробнее.

Что такое рабочая газета? Тов. Еремеев перечисляет наши главные газеты: „Известия", „Правда", „Красная Газета", „Рабочая Газета",—и приходит к выводу, что ни одна из этих газет пока во всяком случае не заслуживает названия рабочей газеты Какой же должна быть настоящая рабочая газета? Тов. Еремеев на этот вопрос отвечает следующим образом:

> „Суть рабочей газеты в том, что она имеет своим главным сотрудником рабочую массу, а не отдельных корреспондентов

с предприятий. Только таким путем можно вплотную подойти к тем интересам, которыми дышит рабочая масса, отражать надежды и чаяния самых глубоких слоев заводских пролетариев. Это условие дает возможность освещать все вопросы при самом животрепещущем интересе массы читателей, подлинное общественное мнение, выявленное на столбцах газет. Только на этом пути газета может стать для массы своей, близкой и родной".

Вот какой, по мнению тов. Еремеева, должна быть рабочая газета. Все другие газеты, оказывается, не рабочие газеты, а лишь газеты для рабочих. Мы должны категорически заявить, что тов. Еремеев дает совершенно не марксистское определение понятия „рабочая газета". В самом деле, поставим несколько иной вопрос: а что такое буржуазная газета? Неужели буржуазной нужно считать ту газету, которая „имеет своим главным сотрудником" буржуазную массу? Что такое дворянская газета? Неужели это такая газета, которая опять-таки „имеет своим главным сотрудником" массу господ землевладельцев? Разумеется, так ставить вопрос нельзя. В числе сотрудников буржуазной газеты может не быть ни одного подлинного буржуа, и это не помешает ей быть буржуазной газетой. Ибо ведь дело не в сотрудниках, дело не в массе—дело в идеологии, программе, целях и задачах, которым служит газета.

Настоящей революционной рабочей газетой может быть только коммунистическая газета. А коммунистический характер газеты ни в коем случае не обеспечивается сотрудничеством рабочей массы, а достигается политической выдержанностью ее редакторов и главных сотрудников. Газета, как и партия, строится сверху, а не снизу. Но газета, как и партия, тем прочнее, тем сильнее, чем она теснее связана с низами. Попытка оппортунистов растворить партию в массе означала фактически попытку ликвидировать партию, как таковую. Попытка тов. Еремеева делать рабочую газету главным образом силами „рабочей массы" точно так же неизбежно сведется к тому, что мы вместо революционной классовой рабочей газеты будем иметь газету тред-юнионистскую, обывательскую, т.-е. в конечном счете буржуазную.

Охотно верим, тов. Еремеев этого не хочет, но дело не в его желании, а в его проекте. В самом деле, тов. Еремеев уверяет, что только в том случае, когда газета „имеет своим главным сотрудником рабочую массу", только в этом случае она сможет „вплотную подойти к тем **интересам**, которыми дышит рабочая масса, отражать надежды и чаяния" рабочего класса. Но если главными сотрудниками газеты являются интеллигенты или „отдельные корреспонденты с предприятий", тогда, очевидно, она не сможет „отражать надежды и чаяния" глубоких слоев пролетариата?

Тут тов. Еремеев явно сбивается с тона и потворяет древнеменьшевистские зады. С каких это пор коммунисты стали считать,

что интересы, надежды и чаяния пролетариата можно выявлять только снизу? Рабочая газета, которую идеализирует тов. Еремеев, сильно напоминает „Рабочую Мысль“—орган русских экономистов. Характеризуя группу „Рабочая мысль“, известный вождь экономистов Акимов-Махновец в своих „Очерках по истории социал-демократии“ писал:

> **„Оригинальной характерной чертой группы „Рабочая мысль“ было ее сознательное стремление сделать свою газету лишь отражением мысли петербургских рабочих.** — „Рабочая Мысль“ **отражала жизнь рабочих в ее настоящем свете“.**

Как видите, экономисты сводили дело к тому же, к чему сводит его и тов. Еремеев: отражение „надежд и чаяний“ рабочих. Но экономисты не шли так далеко, как тов. Еремеев: они не решались сказать, что рабочую газету сможет сделать только „рабочая масса“...

Рабочая газета не может отражать всякие „надежды и чаяния“, она не может отказаться от **руководящей роли,** от того, чтобы **формировать сознание рабочего класса, поднимать** его выше, вести дальше... Рабочая газета тов. Еремеева неизбежно превратится в трибуну рабочей обывательщины.

Тов. Еремеев говорил о том, что, мол, „исчезла рабочая газета“. Мы тогда же указывали, что газеты указанного тов. Еремеевым типа у нас в России никогда не было и, следовательно, она исчезнуть не могла. „Правда“ в 1912—914 гг. строилась совсем не так, как об этом теперь говорит тов. Еремеев. „Правда“ имела именно „отдельных корреспондентов с предприятий“, эти корреспонденты в подавляющем большинстве случаев были **связаны с работой нашей партии и отражали** именно **взгляд партии** на текущие события. „Правду“ делали интеллигенты-большевики и отдельные рабочие-большевики. Масса, разумеется, поддерживала „Правду“, но держалась „Правда“ на передовом авангарде рабочего класса. Если теперешняя „Рабочая Газета“ и „Рабочая Москва“ суть газеты **для рабочих,** то и прежняя „Правда“ была, разумеется, газетой **для рабочих.** И это вовсе не плохо, ибо впервые для русского рабочего была создана настоящая рабочая, т.-е. подлинно-классовая, революционная газета.

Резюмируя, мы говорим: **рабочая газета—это коммунистическая по своей программе газета, связанная с борьбой, работой и жизнью рабочего класса, имеющая своих непосредственных представителей—сотрудников, корреспондентов, распространителей—среди рабочего класса, опирающаяся на сочувствие и поддержку всей рабочей массы. Активными сотрудниками** рабочей газеты могут быть тесно связанные с ней передовые рабочие с фабрик, заводов, мастерских, а не безличная, рыхлая „рабочая масса“.

Новое и чрезвычайно важное в нашей печати—это именно передовой пролетарий полу-журналист, по окончании рабочего дня принимающийся за работу для газеты. Но прежде чем поговорить о рабочих корреспондентах, нам нужно остановиться на общем вопросе **о работниках нашей печати** вообще.

О работниках печати.

Буржуазная газета имела своих работников-специалистов. На местах у нее имелись собственные корреспонденты, в большинстве случаев газетные профессионалы, также, как общее правило, преданные буржуазии.

Наша газета имеет ничтожнейший кадр своих, т.-е. коммунистических, газетных специалистов, затем известную часть просто литераторов, умеющих писать, но чуждых газетной специальности и, наконец, „не своих", т.-е. непартийных, специалистов газетного дела. На местах у нашей газеты имеется корреспондент, не являющийся газетным профессионалом.

Можем ли мы в настоящее время изменить существующее положение дел? Можем ли мы отказаться, например, от наших литераторов неспециалистов, нередко даже редактирующих наши газеты? Можем ли редакторами газет посадить наших собственных специалистов газетного дела? С другой стороны, можем ли мы отказаться от услуг не наших специалистов, заменив их нашими техниками газетного дела? Разумеется, ничего этого в настоящее время мы сделать не в состоянии. И не-газетчик литератор, и не-коммунист „спец", и коряво пишущий рабочий корреспондент в нашей газете должны безусловно остаться, замены мы произвести не в состоянии. Каково бы ни было отношение отдельных товарищей к спецам, мы не можем не считаться с тем, что газета требует знания и уменья ее делать, и обладатели этих качеств нам необходимы даже в том случае, когда они не являются коммунистами.

Но нам необходимо, и мы должны взять у них именно техническое знание и организационный навык,— **идеологию ни у кого мы занимать не можем и не станем,** и никому решительно мы не позволим выступать на страницах наших газет с чуждыми коммунизму взглядами и настроениями.

Таково решение вопроса о работниках нашей печати для переходного периода. Но „вечным" такое положение, разумеется, не может быть. **Советская печать должна иметь достаточный кадр собственных специалистов. Этих специалистов мы получим двумя путями: сверху и снизу.** Сверху специалистов нам должно дать наше специальное учебное заведение: Московский Институт Журналистики в центре и аналогичные учреждения на местах. Вот почему приходится жалеть о том, что не только в широких партийных кругах, но даже не во всех кругах советской журналистики усвоена мысль о том, что судьба нашей печати в значи-

тельной степени зависит от судьбы нашего Института Журналистики. Если бы такое сознание было всеобщим в нашей партии, то Институт Журналистики не находился бы в том тягчайшем материальном положении, в котором он в настоящее время пребывает.

С другой стороны, значительная работа по подготовке работников нашей печати происходит в низах. **Рабочий корреспондент** вырос, и он ценен именно тем, что он, вопреки желанию тов. Еремеева, не сливается с массой, не растворяется в ней, не обезличивается, а с каждым днем **индивидуализируется, приобретая личный опыт, навык, знание.** Рабочий корреспондент стоит на пути к превращению в журналиста-профессионала. К этой работе уже приступлено во многих местах. Начато с того, что вокруг ряда редакций рабочие корреспонденты об'единяются в тесные кружки. В ряде случаев с ними ведутся систематические занятия. Их сначала обучают сравнительно несложным правилам корреспондирования. Но дело на этом не может и ни в коем случае не должно остановиться. **Рабочий корреспондент должен превратиться в рабочего сотрудника, в журналиста-профессионала.** Лучшие из них должны будут занять руководящие места в редакциях—на фабриках и заводах их заменят новые силы.

Придавая огромную важность вопросу о рабочих корреспондентах, Центральное Бюро постановило на предстоящий всероссийский с'езд работников печати пригласить с совещательными голосами представителей рабочих корреспондентов, группирующихся вокруг важнейших газет. Этим решением подчеркивается та мысль, что **рабочий корреспондент не может быть случайным гостем в общей журналистской семье—он должен войти в эту семью в качестве полноправного члена.**

Реклама.

Возвращаясь к вопросу об ошибках и недостатках наших газет, мы снова должны обратить внимание всех работников печати на вопросы об **об'явлениях.** В значительной степени этот вопрос выяснен. Приходится остановиться на некоторых новых обстоятельствах.

Нередко в наших изданиях печатаются статьи, оплачиваемые соответствующими фирмами по тарифу об'явлений. Такая ошибка раньше всех была допущена на страницах „Известий". Там печатались в специальном приложении статьи об издательствах, оплаченные соответствующими издательствами, как об'явления. Недавно журнал „Крокодил" напечатал рекламную статью-интервью о грозненской нефтяной промышленности, при чем в этом „интервью" руководитель Грознефти нападает на налоговую политику государства. В № 16 „Крокодила" в иллюстрированной статье рекламируется немецкий авиационный завод Юнкерса. В статье рассказывается между прочим о воздушном состязании, имевшем место в Италии, в следующих выражениях: „Соотношение сил сразу создалось весьма,

повидимому, невыгодное для **немцев**... Однако... первый и второй **призы достались именно этим двум немцам,** и даже больше: **к великому негодованию союзников, к финишу пришли только Юнкерсы**"...

Такая реклама недопустима, читатель здесь обманут: он не знает, что это платная реклама, а не редакционная статья. Статья об Юнкерсе написана от первого лица, автор расхваливает аэропланы Юнкерса и доказывает, что они „наиболее подходят к **нашим русским условиям**". У читателя может создаться впечатление, что именно редакция „Крокодила", от шуток перейдя к серьезным вещам, рекомендует русскому народу „превосходные" аэропланы фирмы Юнкерс.

Так „шутить" с нашим читателем нельзя: он ясно должен знать, что ему преподносят—коммерческую рекламу или редакционную статью. **Смешивать публицистику с коммерцией недопустимо.** Грань здесь должна быть проведена с абсолютной точностью.

Решительно высказываемся мы и против тех об'явлений, которые носят характер **замаскированных субсидий** или, как было указано в „Правде" (14/XII), представляют собою со стороны хозорганов акт **„благотворительности"**. Итти таким путем—значит итти по линии „наименьшего сопротивления". Но путь этот, помимо всего прочего, явно ненадежный: со стороны хозяйственников уже идут протесты против рекламной „благотворительности". Скоро нам будут давать, и мы должны научиться собирать только такие об'явления, которые представляют для об'явителей несомненный коммерческий интерес. **Только в таком случае мы даже косвенно не будем зависеть от хозорганов.**

Борьба с фирсовщиной.

Права печати и обязанности печати.

Преследования работников нашей печати продолжаются. В дни, когда вторично рассматривалось дело убийц т. Спиридонова, в Кинешме от рук убийц пал т. Иевлев—корреспондент местной газеты. „Административные воздействия" на корреспондентов стали почти бытовым явлением.

С другой стороны, нам известны случаи **злоупотреблений** положением журналиста. Со стороны отдельных лиц на местах имели место безответственные, демагогические выступления в печати.

Требуя защиты своих прав, мы, разумеется, не можем требовать, чтобы печать была поставлена выше законов. Перед судом Советской республики **должны отвечать не только посягающие на свободу рабочей печати, но и злоупотребляющие этой свободой.**

По инициативе подотдела печати ЦКРКП, Советом Народных Комиссаров образована комиссия по выработке проекта основного

закона о печати. **Борьба с фирсовщиной, борьба с покушениями на права печати переносятся на почву закона.**

Став на эту почву, проявив необходимую энергию и инициативу, мы сможем дать решительный отпор наступающей на печать бюрократии. Закон закрепит за печатью права,—печать должна будет эти права сделать незыблемыми.

Но основным условием успешного решения этой задачи, равно как и всех стоящих перед нами основных задач, является **расширение и укрепление наших собственных рядов, превращение нашей секции в мощное об'единение интеллектуальных борцов за республику труда.**

Успех наметился—срыв возможен.

I.

Невнимательное, небрежное, порою ироническое отношение к вопросам печати до последнего времени было явлением весьма распространенным в широких партийно-советских кругах. Результатом такого отношения было то, что наша печать не шла в уровень с революцией, что она не отражала полностью гигантскую, небывалую борьбу и работу трудящихся, что она была несравненно **бледнее** современной ей эпохи.

А летом 1922 года, когда наша печать очутилась в периоде переходном между донэповскими и нэповскими условиями существования, она пришла в состояние почти полной катастрофы. На 1-е января 1922 года—в стране 858 газет с 2.600.000 тиражем ежедневно, на 1-ое августа—299 газет с 990.000 тиражем в день. Это были цифры именно катастрофические,—меньше миллиона газет ежедневно по всей огромной стране!

Но именно с этого небывало тяжелого для нашей печати периода начинается **перелом.** Состоявшееся сейчас же после августовской всероссийской партконференции совещание о печати и пропаганде дает значительный толчок оживлению интереса партийных организаций к положению печати. Совещание наметило ряд практических мер, необходимых для улучшения положения печати, особенно подчеркнув исключительную важность проявления **„инициативы и энергии со стороны партийных комитетов“.**

В течение осени 1922 года эта „инициатива и энергия“ в подавляющем большинстве случаев местными партийными организациями была проявлена. Вместе с редакциями газет парткомы в лице агитпропов (подотделов печати) развертывали **кампанию за печать**— за подписку, распространение, корреспондирование и т. д. Особенно усиленно велась эта кампания в декабре. Почти повсеместно были

проведены месячники, двухнедельники, недели, трехдневники печати. В некоторых случаях эти кампании проводились **образцово**.

Результаты налицо. Наша периодическая печать вышла из состояния тягчайшего кризиса и начала двигаться в гору. **На первое января мы насчитывали около 450 газет с ежедневным тиражем в полтора миллиона.** По сравнению с грозным августом эти цифры были более чем утешительны. Тем более, что **увеличение тиража на 80—90% шло за счет рабоче-крестьянского читателя**, что увеличивало тиражи в три—четыре—пять раз газеты наших важнейших центров.

В январе 1923 года кампания за печать энергично продолжается, и тираж непрерывно растет. На первое февраля мы **приближаемся к двум милл. экземпляров ежедневно.** Иными словами, наш тираж составляет **две трети довоенного тиража русской печати.** В течение 1923 года мы должны иметь **десятимиллионный тираж**, т.-е. небывалый в России тираж даже во время войны и февральской революции. Этот тираж мы **будем иметь**, если партия и рабочий класс со всей энергией возьмутся за решение поставленной задачи.

Нужно понять, что распространение десяти миллионов революционных газет ежедневно имеет **всемирно-историческое значение.** Покрыв страну нашими газетами, листками, книгами, плакатами, мы необыкновенно **упрочиваем** влияние пролетарской власти, мы наносим колоссальный удар буржуазии. Роль хорошо поставленной печати в деле закрепления союза между рабочим классом и крестьянством неизмерима. При помощи газеты и книжки мы можем и обязаны наносить смертельные удары вековым предрассудкам крестьянства и постепенно, шаг за шагом пытаться организовать его рассудок в духе революции и социализма.

В деревни, в „медвежьи углы“ должны мы двинуть миллионы ярких, боевых, просто написанных рабоче-крестьянских газет, несущих правду и свет народу. Деревни должны мы покрыть широчайшей сетью подписчиков, корреспондентов агитаторов и пропагандистов рабочей печати. Ибо газета, связанная с массой,—**лучшее орудие** в руках всякой партии, а в руках нашей партии тем более. Эти азбучные истины известны многим, но все ли их чувствуют, все ли руководствуются ими в повседневной работе?

II.

Если бы наши успехи ограничивались увеличением количества газет и ростом тиража, то о них следовало бы говорить с большими оговорками. Ведь общеизвестно, что в качественном отношении наша местная печать была крайне слаба. Об ее политической малограмотности, сухости, бесцветности, отрыве от живой жизни, от рабоче-крестьянской массы говорилось неоднократно в речах, статьях и резолюциях. Как в настоящее время обстоит дело с качеством наших газет?

Во всех почти областных центрах и губерниях областного значения мы имеем превосходные газеты. В ряде губерний издаются хорошие рабочие газеты. В подавляющем большинстве губерний газеты выравнялись, окрепли, слабые газеты выходят лишь в нескольких губерниях (Симбирск, Новгород, Карелия и т. д.) и автономных республиках. Неудовлетворительна в большинстве случаев уездная печать.

В чем главное достоинство наших областных и губернских газет? В том прежде всего, что они политически выдержаны и грамотны, технически „делаются“ в большинстве случаев удовлетворительно, нередко же—великолепно. В том, что они ярки, ударны, подвижны, живут **сегодняшним днем**, его отражают, его лозунги выдвигают, его запросы освещают. В том, что они в подавляющем большинстве случаев связались **с местной жизнью** вообще и жизнью **фабрик, заводов и мастерских** в особенности, что на их страницах чувствуется биение живого пульса рабочей жизни.

Советская газета конца 1922 и начала 1923 года резко отличается от советской газеты периода военного коммунизма, когда она представляла собою агитационный листок с „официальным отделом“. Советская газета наших дней не имеет этой убивающей казенщины, она освободилась от „агит-барабана“,—зато ее страницы переполнены письмами, статьями, заметками о жизни рабочих, крестьян, красноармейцев. Отдел „Рабочая жизнь“ является главнейшим отделом в большинстве наших газет. В ряде случаев удовлетворительно поставлен и крестьянский отдел. **Но в общем жизнь деревни пока не находит полного освещения в нашей печати.** В этом отношении нужно еще проделать огромную работу. С крестьянскими массами нужно связаться так же тесно, как мы связались с рабочими массами. Это мы можем лучше всего сделать при помощи **специально крестьянских или по преимуществу крестьянских газет, издаваемых в губерниях и уездах.** В ряде мест эта работа налаживается, в большинстве случаев работа еще впереди.

Но та печать, которую мы имеем в областях и губерниях, как общее правило, хороша настолько, что республика может ею гордиться. Тем более, что улучшение достигнуто при неимоверно трудных условиях и за весьма короткий срок. Наши газеты выросли как-то вдруг и даже для многих из нас неожиданно.

Что же в таком случае удивительного, если советская печать произвела на **всемирной выставке печати в Праге** (декабрь 1922 г.) настоящий фурор? Мы узнали о пражской выставке случайно, времени для подготовки к ней почти не оставалось, но, несмотря на пессимистические предсказания, мы дерзнули предстать перед лицом всемирной капиталистической прессы и—одержали над ней бесспорный успех. **Буржуазная печать Европы вынуждена была признать, что советская печать представляет собою выдающееся явление**, она должна была констатировать, что

пражская выставка доставила большевикам еще одну политическую победу. Даже белая печать не смогла замолчать нашего успеха. „Руль“ с кислой миной рассказывал о том, что, мол, на выставке главное внимание привлекали павильоны советский и... „национальный“, т.-е. белогвардейский, под трехцветным знаменем об'единивший прессу от Маркова до Мартова. Увы!—мы прекрасно знаем, что жалкий белогвардейский павильон привлекал внимание только лишь своим... убожеством... Огромное количество посетителей нашей выставки записывало тут же в тетрадь свои впечатления. Нельзя спокойно читать эти восторженные отзывы людей, воочию увидевших доказательства безграничной лжи о Советской России. Возьмем только два отзыва. Некий Ярослав Петр на языке эсперанто написал следующее:

„Русским товарищам. Выставка, организованная в Праге, вызывает **большое восхищение**, так как она свидетельствует о революционной борьбе и пропаганде. Она дает возможность видеть работу Советской России и **разоблачить клевету и ложь русской эмиграции.** Выставка вызывает большой, **всеобщий интерес**“.

Некто Вольф записывает:

„Товарищи, когда посмотрите павильон РСФСР, пойдите посмотреть на **эмигрантскую печать**—„Национальная Россия“, как назван этот павильон—и **вы поймете, где жизнь, где мысль, где будущность.** Символ первого павильона—Ленин, второго—Крамарж. Это характерно“...

Советская печать олицетворяла собою победоносную революцию. Она отражала новый мир. На ее страницах впервые в мире зазвучал непосредственный голос рабочей массы. Отдел рабочей жизни наших газет, данные о числе рабочих корреспондентов, о числе и росте корреспонденций поражали посетителей выставки... Все эти условия обеспечили нашей печати блестящий успех.

Нам необходимо прочно закрепить за собою достигнутый качественный и количественный успех и на его основе продолжать дальнейшее усовершенствование наших газет. Ибо недостатки у них имеются. Немало этих недостатков прежде всего у нашей центральной руководящей печати... Мы должны считать, что работа наша по-настоящему только начинается.

III.

Нельзя ни на минуту забывать: достигнутый нашей печатью успех не закреплен за нею. **Срыв** великолепно начатого дела весьма вероятен, если срочно не будет решен правильно ряд важнейших вопросов **хозяйственного** характера, и прежде всего вопросы **бумажный и типографский.** Расходы на бумагу и типографию

составляют в среднем **две трети**, а иногда и четыре пятых всех расходов наших газет.

Тариф наших **железных дорог** в отношении перевозки произведений печати во много раз выше тарифа довоенного. Провозная плата за пуд бумаги Москва — Ростов приближается к цене пуда бумаги в Москве.

Почта доставляет подписчикам не более 50% выписанных ими газет и тем наносит непоправимый удар делу распространения печати.

Роста, по заявлению ряда московских и провинциальных газет, взимает за информацию плату, во много раз превышающую довоенную плату, а качество информации неудовлетворительно.

Основной **кадр работников** печати все еще не взят на учет и не закреплен за печатью. В этом отношении делаются только первые практические шаги, да и то неуверенно, с колебаниями, не очень охотно... Не все еще поняли ту элементарную истину, что никакая отрасль работы не может развиваться без своего специального кадра, что печать в таком постоянном кадре нуждается не менее всяких других ведомств, учреждений, отраслей производства...

Наконец, вопрос о **преследовании** работников печати. Он принимает характер „вечного“ вопроса. Августовское совещание о печати по этому поводу заявило:

> „Совещание с сожалением должно констатировать, что, несмотря на ряд категорических указаний партии в лице VIII с'езда и ЦК, сплошь и рядом наблюдаются случаи преследований работников печати за газетные разоблачения со стороны отдельных учреждений и должностных лиц. Чудовищно-преступным выражением этого факта преследования было убийство рабочего корреспондента „Правды“ т. Спиридонова.
>
> Совещание просит ЦК принять решительные меры против учреждений и лиц, покушающихся на свободу пролетарской печати, препятствующих печати выполнять прямые директивы партии“.

Резолюций и циркуляров по партийной линии принято по этому поводу более чем достаточно. **Борьбу необходимо повести государственным путем.** Лица и учреждения, покушающиеся на свободу рабочей печати, должны отвечать перед **специальным законом, защищающим печать**, должны караться на основании специальных статей **Уголовного Кодекса**. Медлить с этим делом невозможно. Позор преследований работников **нашей** печати и без того долго продолжается.

IV.

6-го февраля в Кремле открылся IV Всероссийский с'езд работников печати. С'езд подверг обсуждению все основные очередные вопросы печати. Голос его, несомненно, будет иметь важнейшее значение для всей нашей печати. Его решения бесспорно послужат ценнейшим материалом для открывающегося в конце марта с'езда нашей партии.

С'езд работников печати должен послужить исходной точкой для новой широчайшей кампании за печать. Доклады о с'езде должны ставиться не только для работников печати, но и для передовых рабочих, прежде всего членов партии. Внимание к об'единению работников печати, их политическое руководство со стороны партийных организаций должно быть усилено. Необходимо всемерно содействовать проведению в жизнь практических решений с'езда, имеющих целью улучшение положения печати...

— Красная печать умирает!—так радовалась совсем еще недавно белая печать. Мы живы и будем жить. **Мы только начинаем по-настоящему жить.** Перед нами—величайшее будущее.

Будем все достойны этого будущего! Будем помнить, что на фронте культуры, просвещения, прессы, литературы не может быть и не будет **никаких аренд, никаких концессий!** От первого до последнего кирпича здесь нашими руками должно быть сделано. Мы доказали, что умеем работать в этой области недурно. Усилим работу! Зальем Россию морем пролетарских газет!

Партработа в области печати.

(Март 1922 г.—март 1923 г.)

Основная директива партии в области печати была дана одиннадцатым с'ездом. Резолюция с'езда подчеркивала то сугубое значение, которое имеет печать в период роста капиталистических отношений и при наличии „стремления буржуазии через посредство литературы и культработы повлиять на трудящиеся массы". С'езд указывал, что „одним из самых могущественных орудий в борьбе партии за влияние на массы, за их коммунистическое просвещение и организацию является печать". В каком же состоянии находилась печать год тому назад? Резолюция партийного с'езда на этот вопрос отвечает следующим образом.

> „Партийно-советская печать находится в состоянии тягчайшего кризиса. Наиболее характерные черты кризиса: а) резкое сокращение количества газет и уменьшение тиража оставшихся вследствие отсутствия денежных средств, недостатка и дороговизны бумаги, чрезмерности типографских расходов; б) слабая связь с массами, недостаточно полное отражение текущих нужд и запросов трудящихся, слабое освещение вопросов местного строительства; в) недостаточная выдержанность газет в партийно-политическом отношении; г) полная неналаженность аппарата распространения в особенности среди рабочих и крестьянских масс".

Далее в резолюции с'езда указывалось, что „партийные комитеты, на которых лежит главная ответственность за состояние печати,

в своем подавляющем большинстве проявляют невнимательное и небрежное отношение к запросам и нуждам печати".

Постановление с'езда по вопросу печати между прочим говорит:

„Центральный и местный комитеты партии вопросу о печати должны уделять впредь неизмеримо больше внимания, чем это было до сих пор. Партийно-политическое руководство всей печатью должно быть усилено. Каждый партийный комитет должен выделить специальный кадр работников печати. Во главе партийных изданий обязательно должны стоять руководящие элементы данного партийного комитета. Газетную работу для журналиста-коммуниста с'езд рассматривает, как основную работу".

К сожалению, резолюция с'езда оказала весьма слабое влияние на местные партийные организации. Внимание к печати попрежнему было крайне слабое и она, как раз к этому моменту переведенная на хозяйственный расчет, неуклонно пошла на ущерб. На момент внимание было к ней сосредоточено во время дня печати (5-е мая 1922 г.), организованного на основании постановления XI с'езда. Но внимание это, во-первых, было мимолетным, во-вторых, ограничилось пропагандой и агитацией, в-третьих, охватило сравнительно не широкие слои членов партии и трудящихся масс. Тем не менее политическое значение дня печати было, конечно, велико. В течение весны и всего лета 1922 г. положение печати систематически ухудшалось, и к концу лета создалось прямо-таки катастрофическое положение, когда тираж наших газет не достигал 1.000.000 экземп.

В начале августа вопросы печати подверглись обсуждению на совещании делегатов Всероссийской партийной конференции. В резолюции совещания между прочим говорилось:

„Острая финансовая нужда, переживаемая провинциальной печатью, является причиной гибели целого ряда изданий или резкого сокращения их тиража. С другой стороны, финансовая нужда ставит местную печать, в особенности уездную, в материальную зависимость от хозорганов и коопераций, субсидирующих печать прямо или в виде об'явлений, что не может не отразиться на характере этих изданий в случае расхождения интересов пролетариата в целом и отдельных ведомств, учреждений и должностных лиц".

Совещание подчеркивало, что „в интересах сохранения нашей печати, во избежание извращения ее характера, необходимо, чтобы пролетарская печать в Советской республике находилась в материальной зависимости только от государства и пролетарской партии". Далее совещание наметило целый ряд практических мер, необходимых для улучшения и укрепления нашей печати. В числе этих мер

значились: передача редакциям достаточно мощных типографий, обязательная выписка членами партии партийных газет, перевод журналистов-коммунистов на газетную, журнальную работу, принятие решительных мер против преследований работников печати и т. д.

Резолюции августовского совещания по вопросу печати повезло больше, чем какой-либо другой резолюции о печати раньше. Приблизительно с этого времени начинается сначала крайне медленный, неравномерный, а затем довольно быстрый под'ем в области нашей периодической печати. В результате состоявшееся 30 декабря Всероссийское совещание, заслушав доклад о положении печати, в своей резолюции констатировало следующее:

„Осень 1922 года является периодом резкого перелома в положении периодической печати. Количество газет начинает возрастать. Тираж значительно увеличивается. Подавляющее большинство областных и губернских газет качественно вполне удовлетворительно, а в ряде крупных центров Республика располагает образцовыми рабочими газетами. Связь между газетой и рабочей массой значительно расширяется. Это выражается, во-первых, в том, что тираж газет растет главным образом за счет рабочего читателя, во-вторых, в том, что страницы газет заполняются корреспонденциями, письмами, заметками с фабрик и заводов“.

Но улучшение положения совещание отметило лишь в отношении губернской и областной печати. Положение уездной печати и всего дела распространения печати в губернию с'езд признал попрежнему в высшей степени тяжелым.

В общем такую же точку зрения высказал на положение периодической печати состоявшийся в начале февраля Всероссийский с'езд работников печати. Основные достижения периодической печати к настоящему времени, по мнению с'езда, сводятся к следующему:

а) газеты становятся политически выдержанными, б) устанавливается тесная связь с массовым рабочим читателем, в) вопросы местной жизни вообще и рабочей жизни в особенности находят на страницах большинства газет свое освещение, е) внешне газеты значительно улучшаются (яркая верстка, ударность, удовлетворительная печать и т. д.).

Как декабрьское совещание, так и Всероссийский с'езд работников печати слабым местом считали уезд, деревню. С'езд подчеркивал, что „снабжение деревни газетами и популярными книгами— дело первостепенной политической важности“.

Таким образом положение печати за период между XI и XII с'ездами характеризуется сначала постепенным процессом упадка, а затем также постепенным процессом под'ема. Вот таблица, наглядно показывающая путь, пройденный нашей печатью от 1-го января 1922 г. до 1-го марта 1923 года.

Процесс упадка.

Период.	Число газет губернских и уездных.		Всего.	Тираж.
На 1 января 22 г.	312	490	803	2.661.189
„ 1 марта „	171	211	382	2.287.905
„ 1 апреля „	163	199	362	1.334.390
„ 1 мая „	163	175	338	1.156.180
„ 1 июня „	164	166	330	1.051.200
„ 1 июля „	156	157	313	1.022.135
„ 1 августа „	163	136	299	993.050

Процесс под'ема.

Период.	Число газет губернских и уездных.		Всего.	Тираж.
На 1 сентября 22 г.	178	152	330	1.000.055
„ 1 октября „	214	158	372	1.110.900
„ 1 ноября „	233	178	411	1.210.930
„ 1 декабря „	244	179	423	1.432.445
„ 1 января 23 г.	252	190	442	1.502.220
„ 1 февраля „	291	216	507	1.522.910
„ 1 марта „	293	235	528	1.753.720

Таблица охватывает три периода. Январь—март 22 г.—это первый период, когда печать еще существует на основах военного коммунизма, когда она все получает бесплатно и сама раздается бесплатно. Состояние тиража в этот период определяется неточно учтенными потребностями читательской массы, состоянием бумажного запаса у государства. Никто не знает, доходят ли газеты до читателя, читается ли она, такая ли именно газета нужна данному читателю, получающему газету в виде пайка, и т. д., и т. п.

Апрель—август 22 года—это второй период, когда печать сама должна при известной поддержке материально содержать себя, должна стать нужной и интересной для читателя, должна найти во что бы то ни стало своего читателя и закрепить его за собой. Так как это была задача совершенно новая, непривычная, к ее разрешению печать приступила, не имея ни оборотных средств, ни необходимого кадра работников, ни должного внимания со стороны партии, то в результате второй период является именно периодом упадка печати на основе хозрасчета.

Наконец, третий период начинается в сентябре—октябре и продолжается по настоящее время. Здесь на основе хозрасчета мы имеем неуклонно растущий процесс под'ема нашей периодической печати.

По сравнению с августом 22 года тираж почти удвоился—он приближается к двум миллионам. Количественно это меньше тиража периода январь—март 22 года. Но по фактическому охвату читателей теперешний тираж вряд ли уступает тиражу начала 22 года.

Тогда газета раздавалась на началах потребительского коммунизма, и мы далеко не всегда были уверены, что она читается тем, кто ее получает. В настоящее время, вне всякого сомнения, на одну газету приходится несколько читателей. Затем если раньше огромное количество наших газет застревало в наших чудовищно-раздутых советских учреждениях, то в настоящее время большая часть нашей периодической печати находит распространение прежде всего среди рабочего класса.

Таким образом без преувеличения мы можем сказать, что в течение второй половины отчетного партийного года в области печати была проделана успешно большая работа. И что самое характерное— государство за этот период печати давало значительно меньше, чем когда бы то ни было раньше. Достаточно указать, что ряд наших газет уже окрепли настолько, что не нуждаются в финансовой поддержке со стороны государства. Ряд других изданий находится на пути к такому хозяйственному укреплению, которое исключает необходимость государственной субсидии. Если бы нам удалось в течение ближайшего времени добиться передачи нашим газетам типографий, если бы удалось сократить несколько непомерный рост цен на бумагу, то, вероятно, все наши областные газеты, подавляющее большинство губернских газет и ряд уездных газет смогли бы обойтись без финансовой помощи со стороны государства.

Вернемся теперь к резолюции XI с'езда партии и посмотрим, в какой мере она была проведена в жизнь.

Прежде всего относительно „резкого сокращения количества газет и уменьшения тиража оставшихся“ дело, как мы видели, обстоит в общем благополучно. Далее, „слабая связь с массами, недостаточно полное отражение текущих нужд и запросов трудящихся, слабое освещение вопросов местного строительства“—все это для подавляющего большинства наших газет в настоящее время уже не является характерным. На постановку местной печати ЦК партии обратил самое серьезное внимание. Летом прошлого года им был выработан специальный план местных газет. Инструкторское отделение п/отдела печати ЦК внимательно следило и следит за содержанием местных газет, за их общим характером, и в результате мы добились того, что **связь с массой наша печать установила в довольно широких размерах, что освещение вопросов местной жизни, освещение запросов и нужд трудящихся она поставила удовлетворительно, а местами—образцово.**

Далее, с'езд указывал на „недостаточную выдержанность газет в партийно-политическом отношении“. И здесь мы имеем значительные достижения. Подавляющее большинство наших газет уже не заслуживают того упрека, который в прошлом году по их адресу был брошен с'ездом партии. **Наша пресса за редкими исключениями в партийно-политическом отношении выдержана,** что, разумеется, об'ясняется тем, что партия усилила печать новыми квалифицированными работниками.

И все-таки в этом отношении местами сделано далеко не все то, что предлагал XI с'езд. Конечно, сейчас, к счастью, уже нельзя сказать, что „партийные комитеты... в своем подавляющем большинстве проявляют невнимательное и небрежное отношение к запросам и нуждам печати". Таких партийных комитетов сейчас, как общее правило, у нас нет. Но есть партийные комитеты, которые проявляют **недостаточно внимательное** и **не совсем умелое** отношение к запросам и нуждам печати. Взаимоотношения между редакциями и партийными комитетами не везде нормальны. Во главе газет далеко не везде стоят „руководящие элементы данного партийного комитета", как это требовал XI с'езд.

Затем с'езд „газетную работу для журналиста-коммуниста" рассматривал, как основную работу. С'езд высказывался за выделение специального кадра работников печати. По всем этим пунктам сделано крайне немного. В смысле работников печать обеспечена несколько лучше, чем в годы гражданской войны, когда во главе газет сплошь и рядом стояли совершенно неавторитетные, политически невыдержанные товарищи, а нередко и просто беспартийные литераторы. Но **по сравнению с действительными нуждами печати обеспеченность ее работниками совершенно ничтожна.** В ряде мест, если не в большинстве случаев, газета держится на одном — двух квалифицированных работниках коммунистах. Большинство работников наших газет—беспартийные. Стоит редактору или члену коллегии заболеть, переехать в другое место, и газета окажется без руководителя, налаженная работа может сорваться. Это бывает очень нередко, когда хорошая газета вдруг начинает портиться. И когда запрашиваешь о причинах этой „порчи", выясняется, что редактор или руководящий член коллегии, в течение ряда месяцев выносивший газету на своих плечах, пали в непосильной борьбе и работе, а заменить их некем...

По вопросу о **распространении печати** XI с'езд отметил „полную неналаженность аппарата распространения, в особенности среди рабочих и крестьянских масс". О полной неналаженности аппарата сейчас говорить уже не приходится. В этом отношении кое-что существенное сделано. Центральный аппарат распространения—контрагентство печати—работает довольно успешно, стоит на правильном пути. Его работу, как и работу экспедиции отдельных газет, в значительной степени срывают почтовые и отчасти железнодорожные ведомства. Вот, например, сообщение с Урала: „В последнее время подписка на „Рабочую Газету" падает главным образом из-за плохого получения газет. В Мотовилихе одно время газеты получались сразу за две недели. Плохо также обстоит дело с получением на местах „Правды". Такие сообщения получаются со всех концов страны. С этим злом необходимо покончить во что бы то ни стало.

В чем заключаются очередные задачи партии в области печати? Прежде всего нужно разрешить оставшиеся еще нерешенными во-

просы XI с'езда. Среди этих вопросов на первый план выдвигается распространение печати в **особенности среди крестьян** На это дело принято смотреть, как на дело чисто аппаратное, поэтому, пожалуй, постороннее для партии. Это в корне не верно. **Распространение печати—одна из важнейших партийных функций.** Это было для нас бесспорным во время нашего подпольного существования, почему же это может быть спорным вопросом в настоящее время? Если наши издания нужно было распространять партии тогда, когда они выходили нелегально, то неужели сейчас мы на дело распространения печати не должны обращать нужного внимания по той причине, что у нас печать государственная? Тут можно перепробовать всяческие формы, но основная мысль о том, что распространение печати является одной из важнейших партийных функций, должна быть усвоена всеми нами и практически претворена в жизнь.

Еще одно замечание. XI с'езд постановил: „Обязанностью каждого члена партии является—быть читателем и подписчиком (индивидуальным или коллективным) одной из партийных газет". Это постановление, к стыду нашему, далеко еще от выполнения; в течение ближайших месяцев его нужно провести в жизнь, во что бы то ни стало. Лозунгом должно быть: **„Нет члена партии без партийной газеты!"**

Вопросы печати на XII с'езде РКП.

Аппарат, единственный в природе.

Вопросам печати на XII с'езде РКП, можно сказать, повезло: никогда на прежних с'ездах не говорилось о печати столько, сколько говорилось на последнем с'езде.

Начал докладчик ЦК по организационной работе, тов. **Сталин.** Говоря об аппаратах связи между партией и рабочим классом, о „приводных ремнях" между авангардом и массой (профсоюзы, кооперация, комсомол, отд. работниц, коммунист. школы, армия), тов. Сталин остановился на печати. Какое значение имеет печать в деле установления прочной связи между партией и классом? Тов. Сталин на этот вопрос отвечает следующим образом:

> „Печать не является массовым аппаратом, массовой организацией, но тем не менее она прокладывает неуловимую связь между партией и рабочим классом,—связь, которая по своей силе равняется любому передаточному аппарату массового характера. Говорят, что печать—шестая держава. Я не знаю, какая она держава, но что она имеет силу, большой удельный вес, это бесспорно. Печать—единственное орудие, при помощи которого партия ежедневно, ежечасно говорит с рабо-

чим классом на своем, нужном ей языке. Других средств протянуть духовные нити между партией и классом, другого такого гибкого аппарата в природе не имеется. Вот почему на эту область партия должна обратить особое внимание, и нужно сказать, что тут мы имеем некоторый успех".

Трудность положения нашей печати вытекает между прочим из того обстоятельства, что мысли, высказанные докладчиком ЦК партии, далеко еще не всеми усвоены, что в нашей повседневной работе нам часто приходится встречаться с **непониманием задач печати, с недооценкой ее значения.**

Об этом говорилось в резолюции XI с'езда партии. С тех пор положение, несомненно, **улучшилось, но не радикально.** Положение печати перед лицом партийно-советского общественного мнения нельзя считать окончательно упрочившимся. За окончательное „признание прав" печати предстоит еще борьба, и в данном случае заявление, сделанное докладчиком ЦК, генеральным секретарем партии, имеет большое значение. Опираясь на это заявление, мы, работники печати, легче сможем отстаивать „права" и интересы печати, „продвигать" вопросы печати, укреплять положение печати.

Само собой разумеется, что самодовлеющих, „самоценных" прав и интересов у печати нет и быть не может. Но для того, чтобы она могла успешно выполнять возлагаемые на нее партией и государством задачи, она должна жить, должна развиваться, расширяться, укрепляться. Иными словами, печать должна защищать свои интересы и права, чтобы тем успешнее она могла защищать интересы партии, государства, рабочего класса. В системе партии и государства печать имеет самостоятельное значение, следовательно, она должна занимать самостоятельное место в организационном, правовом, хозяйственном отношениях. Нужно покончить с тем ненормальным положением, когда печать является привеском к ведомству, к отделу,—она сама „ведомство", она сама „отдел", непосредственно получающий задания от партии и государства.

Принципиально правильная постановка вопроса, данная тов. Сталиным, обязывает к некоторым практически-организационным выводам. Бесспорно, что печать „по своей силе равняется любому передаточному аппарату массового характера". Значит, она должна быть поставлена в условия работы, соответствующие ее роли и значению. Этого пока нет. Это должно быть.

Печать и госаппарат.

Связь между партией и классом—это первая решающая проблема революции. Второй проблемой также решающего значения является связь между рабочим классом и крестьянством, политическая и экономическая смычка между ними. Тов. Сталин говорил об одном важнейшем „приводном механизме" между рабочим классом и кре-

стьянством—о госаппарате. В самом деле, стоящий у власти пролетариат прежде всего и чаще всего сталкивается с крестьянством по линии советского аппарата.

Известно, что этот аппарат весьма плох. По инициативе В. И. Ленина с'езд принял ряд мер для его улучшения. С этой целью реорганизована рабоче-крестьянская инспекция, открыт новый, „аппаратный“ фронт, внимание партии и всех передовых элементов трудящихся сосредоточено на вопросе о перевоспитании, переделке, перестройке нашей административной машины.

Какова роль печати во всей этой гигантской важности работе? Может ли она сделать что-либо практически полезное, может ли она дать что-либо ощутимое, или ее роль ограничится только ролью простого регистратора-осведомителя?

С'езд на этот вопрос дал точный ответ. В резолюции о РКИ и ЦКК говорится, что **ближайшей** их задачей между прочим является

> „**систематическое и планомерное использование** со стороны РКИ и ЦКК **советской и партийной печати** как в целях **изобличения и раскрытия** всякого рода преступлений, разгильдяйства, взяточничества и т. д. и систематических **обходов намеченной партией основной линии в деле реорганизации госаппарата**, так и для **изучения и подытожения** работы ЦКК и РКИ в деле организационного строительства“.

Здесь намечена широкая и серьезная программа работы печати. Прежде всего—наша старая, знакомая всем нам, требующая жертв и усилий, функция борьбы с злоупотреблениями, ошибками, недостатками. Тут нам придется итти по старому пути, но увереннее, тверже, и бить мы можем по врагу смелее, сильнее.

Новой является обязанность печати—разоблачать „обходы намеченной партией основной линии в деле реорганизации госаппарата“.

В чем эта „основная линия“ заключается? В том прежде всего, чтобы госаппарат максимально упростить, сократить, следовательно, удешевить, построить на основах научной организации управления и труда. Нынешняя бюрократическая техника управления решительно должна быть изменена, аппарат должен быть близким, понятным, доступным самому последнему по сознательности и культурности гражданину, все ненужное, лишнее из аппарата должно быть безжалостно из'ято, среди работников должна быть произведена основательная чистка. Необходимо добиться того, чтобы советский аппарат добросовестно служил рабочим и крестьянам, всем трудящимся, а не буржуазии, как это часто бывает.

Такова „основная линия“, основное задание. Печать зорко должна следить за тем, чтобы эта „основная линия“ никем не обходилась. Она должна вести неутомимую, беспощадную борьбу с бюрократизмом, волокитой, чиновничьим самовластием, самодурством, хам-

ством, холуйством—со всеми проявлениями дикости и некультурности. РКИ „уследить за всем“ не сможет. С'езд обязал ее сосредоточиться на основном—„производить обследование **командных и узловых пунктов** нашего хозяйственного и управленческого аппарата“. **Печать должна „за всем следить“, она должна проникать всюду,** куда РКИ не в состоянии проникнуть, она всех и вся должна держать „под гласным надзором“.

Но всего этого недостаточно. Печать должна давать материал для „изучения и подытожения работы ЦКК и РКИ в деле организационного строительства“. Не только ловить преступников и „уклонистов“ от партийной линии, но и всячески помогать в созидательной работе, в нащупывании новых путей. Это страшно трудно,—этому делу нам, работникам печати, надо будет **учиться**, как будут учиться работники РКИ строительству государства на новых основаниях.

Да, учиться нам нужно. По обычно-газетному, т.-е. в лучшем случае дилетантски, в худшем—абсолютно безграмотно, к вопросам подходить нельзя. Советская газета тем между прочим и отличается от буржуазной газеты, что она не только информирует, пропагандирует, агитирует, но играет большую практически-организаторскую, творчески-созидательную роль. **Советская газета—это рабочий инструмент в руках пролетариата.** Чем дальше, тем больше этот инструмент должен совершенствоваться. Этого повелительно требуют интересы рабочего класса и его великой революции.

Газета и народное хозяйство.

Итак, гигантское значение печати в деле упрочения связи между партией и рабочим классом, между рабочим классом и крестьянством очевидно. Но наряду с этими решающими проблемами стоит перед Республикой советов **проблема восстановления хозяйства**. Эта проблема также **решающая**. Без ее разрешения подтачиваются устои пролетарской диктатуры, ибо подтачивается сам пролетариат, как класс,—он распыляется и социально дезорганизуется. Без разрешения хозяйственной проблемы неизбежно **срывается** союз между рабочим классом и крестьянством, ибо союз этот прежде всего держится на экономическом взаимообслуживании города и деревни. Если пролетарский город не наладит экономики, крестьянин от **такого** города решительно отвернется и неизбежно станет искать другого хозяина для промышленности.

Какова роль печати в этом важнейшем деле? Может ли она в области хозяйства сделать что-либо, кроме информации, регистрации, разоблачения ошибок и преступлений? **Может ли печать явиться положительным фактором практического, хозяйственного строительства?**

Этот вопрос на с'езде подвергся некоторому, отнюдь не исчерпывающему, освещению. Часть хозяйственников в лице тов. **Кра-**

сина напала на **„газетчиков, литераторов, чистых политиков“**, которые **ничего не понимают** в хозяйстве и своим неумелым вмешательством часто портят дело. Тов. Ломов высказывался в том смысле, что, мол, вопросы хозяйства не имеют ничего общего с печатью.

Тов. Красин вел, в сущности, наступление по двум линиям. **Он оспаривал право** „газетчиков, литераторов, чистых политиков“ **определять экономическую политику.** Это с одной стороны, а с другой—он **оспаривал право** „газетчиков“ **заниматься экономической практикой,** вмешиваться в повседневную работу хозорганов.

Первая, политическая, линия спора нас в данную минуту не интересует, нас непосредственно, так сказать, профессионально касается вторая, практическая линия. На с'езде по данному вопросу от имени „газетчиков“ выступал тов. Сосновский. Он рассказывал о том, к чему сводилась „борьба газетчиков“ с хозяйственниками. Он привел пример с резиновой промышленностью, которую хозяйственники хотели сдать в концессию. А „газетчики“ этому помешали. В результате опыт целиком оправдал „газетчиков“; резинопромышленность без помощи иностранного капитала поднялась на ноги и приближается к довоенному состоянию. Сосновский протестовал против „попыток разделения на хозяйственников и газетчиков“ и „утешал“ кого следует, что **„газетчикам еще придется порядочно побеспокоить хозяйственников“**.

Нечего говорить, что мы целиком солидарны с тов. Сосновским. Мало того, мы не сомневаемся, что 99% членов РКП, профсоюзов и всех прочих рабочих организаций солидарны с т. Сосновским, ибо **без активнейшего участия „газетчиков“ социалистического хозяйства построить нельзя.**

Обратимся при решении этого вопроса к тов. **Ленину.** Как и по всем другим основным вопросам, у него и по вопросу о роли и значении печати мы найдем поистине классические определения. Возьмем его историческую статью „С чего начать“ (май 1901 г.). Указав, что газета „не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор“, т. Ленин сравнивает ее „с лесами, которые строятся вокруг **возводимого здания,** намечают **контуры** постройки, облегчают **сношения** между строителями, помогают им **распределять работу и обозревать общие результаты,** достигнутые организованным трудом“.

Вся наша великая республика, в особенности наше хозяйство, только лишь „строящееся здание“. Неужели здесь можно обойтись без участия „коллективного организатора“? Неужели нам не требуется „облегчения сношений между строителями“, неужели мы систематически не должны „обозревать общие результаты“ нашего строительства?..

Но нас могут атаковать „убийственным“ возражением: да что вы нам толкуете, Ленин имел в виду подпольную организацию, а вы

его взгляды хотите распространить на строительство нашего государства и хозяйства. Ленин говорил об организующей роли печати. В тот период, ясно, создавалась подпольная организация для целей борьбы, и подпольная газетка должна была сыграть исключительную роль в деле создания этой организации и достижения ее задач. Ныне у нас **надпольная партия**, прежде всего с **организационно-строительными задачами**, и надпольная наша печать может и должна сыграть исключительную роль в деле укрепления нашей партии, в деле разрешения стоящих перед нею задач.

Переменилась организация партии, но переменилась и печать; усложнились задачи партии; усложнились и задачи нашей печати. У партии не может быть задачи, которая одновременно не была бы задачей печати. Попытка хозяйственников „отшить" печать от практических вопросов хозяйства означает их попытку „отшить" партию от вопросов хозяйства...

> „Буржуазная пресса в „доброе старое буржуазное время" не касалась „святого святых"—**внутреннего положения дел на частных фабриках, в частных хозяйствах.** Этот обычай отвечал интересам буржуазии. От него нам надо радикально отделаться. Мы от него не отделались. Тип газет у нас не меняется еще так, как должен бы он меняться в обществе, переходящем от капитализма к социализму...
>
> „Нам нужна экономика в смысле **собирания, тщательной проверки и изучения фактов** действительного строительства новой жизни. Есть ли на деле успехи крупных фабрик, земледельческих коммун, комитетов бедноты, местных совнархозов в строительстве новой экономики? Каковы именно эти успехи? Доказаны ли они? Нет ли тут побасенок, хвастовства, интеллигентских обещаний („налаживается", „составлен план", „пускаем в ход силы", „теперь ручаемся", „улучшение несомненно" и т. п. шарлатанские планы, на которые „мы" такие мастера)? **Чем достигнуты успехи? Как сделать их более широкими?"**

Эти строки были написаны В. И. Лениным 20 сентября 1918 года. Как видим, здесь дана точная **„инструкция" печати в области хозяйственного строительства.** Выполняя эту „инструкцию", печать становится важнейшим фактором хозяйственного строительства.

А нас тов. Красин хочет вернуть к тому периоду, когда печать не касалась „внутреннего положения" фабрик и заводов, когда „коммерческая тайна" закрывала все от посторонних глаз, когда рабочим массам ничего не полагалось знать о положении данного предприятия, данной отрасли промышленности, когда никто, кроме хозяина и его приказчика, не имел права „собирать, тщательно проверять, изучать факты действительного строительства"...

За последний период наша печать изменилась значительно. Ныне „тип газет“ вовсе не тот, каким он был три-четыре-пять лет тому назад. Печать хочет, пытается стать, должна стать активной участницей хозяйственного и государственного строительства. В центре своего внимания она ставит **функцию организаторскую** в новом значении этого слова,—она организует массы по линии хозяйственных вопросов, сюда концентрирует их внимание, энергию, волю...

В своей статье об организаторской роли печати (помещенной в „Правде“ № 99) тов. Сталин писал:

> „**При всем значении агитационной роли печати организационная ее роль является в данное время наиболее животрепещущим моментом нашей строительной работы.** Дело не только в том, чтобы газета агитировала и обличала, но прежде всего в том, чтобы она имела **богатую сеть работников, агентов и корреспондентов** по всей стране, во всех **промышленных и земледельческих пунктах,** во всех **уездах и волостях,** чтобы **нить от партии через газету проходила по всем без исключения рабочим и крестьянским районам,** чтобы взаимодействие между партией и государством, с одной стороны, промышленными и крестьянскими районами, с другой стороны, было полное“.

В дополнение к сказанному тов. Сталиным необходимо подчеркнуть, что в данный период **организационная работа печати должна итти главным образом по линии практических вопросов хозяйства, по линии выполнения „инструкции“ тов. Ленина.** „Сеть работников, агентов и корреспондентов“ должна **связывать** печать (а следовательно партию) **с повседневной жизнью и работой фабрик, заводов, кооперативов, артелей и т. д., и т. п.** Если печать этого не будет делать, **партия неизбежно оторвется от хозяйства.** Путем „отношений“ и циркуляров она связаться с хозяйством не сможет.

На с'езде т. Сосновский говорил, что до сих пор ему одному приходилось выдерживать борьбу с хозяйственниками. В известном смысле это правда. „По Сосновскому“,—т. е. настойчиво, добираясь „до корня“,—вел кампанию только Сосновский. В цитируемой выше статье т. Ленин упрекал наших журналистов за то, что они „не умеют вести классовой борьбы в газетах“, не умеют травить людей, виновных в разного рода безобразиях, что наши газеты „терпят“ такие фабрики, которые после национализации остались „образцом разброда, распада, грязи, хулиганства, тунеядства...“ Ныне положение по сравнению с 1918 годом заметно улучшилось, наши рабкоры в этом отношении проделывают большую работу, но все же от „идеала“ мы далеки, все же в нашей печати еще достаточно казенщины.

Нам нужны сотни и тысячи больших и малых Сосновских. На фронте хозяйства в наших руках должна быть первая линия окопов. Ни одно движение врага от наших взоров не должно укрыться, ни один положительный шаг не должен остаться неотмеченным...

Но еще и еще раз; чтобы справиться с этими новыми, исключительно трудными задачами, нам, работникам печати, основательно нужно подучиться. Вспомним: на нашем последнем с'езде тов. Бухарин говорил о специализации. Вот когда необходима эта специализация. Вопросы хозяйства—сплошь специальные вопросы. Нам нужны журналисты „угольные", „хлебные", „металлургические", „нефтяные", „текстильные", „резиновые", „химические", „лесные".

* * *

Партийный с'езд не принимал постановления об организаторской роли печати в области хозяйства. Агитпропсекция с'езда к вопросам печати отнеслась недостаточно внимательно, „узко", по старинке. Новые принципиальные вопросы печати она не пожелала даже рассматривать, хотя и одобрила ряд практически весьма важных предложений по вопросам печати.

Но в общем она к делу подошла с узко-агитпропской точки зрения. Здесь со всей яркостью обнаружилась ненормальность, которая заключается в том, что печать числится по „ведомству" агитпропа и Наркомпроса, между тем как 90% вопросов печати выходит за пределы этих „ведомств", занимая самостоятельное место в нашей общей партийно-советской работе. Совершенно неизбежно агитпропы и Наркомпрос волей-неволей будут направлять печать по линии — выражаясь словами т. Троцкого — „запоздалого агитаторства".

Добиваясь разрешения этих вопросов, мы прежде всего наши силы должны сосредоточить на выполнении тех обязанностей, которые возложены партийным с'ездом на печать. Нам нужно „выдержать экзамен", несмотря на все трудности.

Будем помнить: для разрешения новых сложных задач нужно работать по-новому. Ищите, товарищи, новых путей, практическим опытом создавайте небывалую в мире печать строящего новый мир пролетариата.

От простых задач—к сложным.

(День печати—5 мая 1923 г.)

9 лет тому назад, когда впервые был отпразднован день печати, положение рабочего класса было, разумеется, чрезвычайно тяжелым, но задачи, перед ним стоявшие, были ясны и несложны. Республика, конфискация земель, 8-мичасовой рабочий день, т.-е. ликвидация царизма, ликвидация дворянства, ущемление буржуазии,—эти „три кита“ большевистской платформы были понятны для всех трудящихся.

Задачи рабочей печати в эту эпоху также несложны: они сводятся к агитации, пропаганде, организации масс во имя свержения царизма и ликвидации дворянства.

После февральской революции положение несколько осложнилось. В порядке дня революции стал вопрос о свержении буржуазно-мещанского правительства, возглавляемого „социалистами“ и „демократами“. Но положение скоро стало ясным, необходимость новой революции осознали миллионы трудящихся в тылу и на фронте.

Задачи рабочей печати в этот период сводятся к самой бешеной агитации против эсеро-кадетско-меньшевистского правительства, к организации массы во имя свержения этого правительства. Здесь опять-таки все в конце-концов просто и ясно.

Правительство буржуазии свергнуто, власть в руках Советов. И тут впервые перед рабочим классом развертывается вся сумма сложнейших и труднейших задач. Все основные вопросы нужно решать „наоборот“: вчера были против войны—сегодня война кипит во всех углах страны; вчера были против армии—сегодня создается армия; вчера вели агитацию против власти—сегодня за власть, и т. д., и т. п.

Задача рабочей печати в эту эпоху точно так же страшно осложняется: она должна раз'яснить миллионам трудящихся смысл „противоречий“, она должна сорганизовать массы по-новому, двинуть их на фронт, повести их на борьбу против бесчисленных внутренних врагов. Рабочая печать должна решать мучительнейшие вопросы о хлебе, топливе, тифе, вшах....

Но в конце-концов, по мере развертывания гражданской войны, все становится простым и ясным. Колчака надо бить, эсеров надо держать в тюрьме, крестьяне должны дать хлеб, белополякам нужно дать отпор, Врангеля нужно ликвидировать—все это очевидно, задачи упрощаются.

Наступает эпоха нэп'а, и положение снова до чрезвычайности запутывается. От прежней ясности не осталось и следа.

В настоящее время для нашей печати создалась небывало сложная обстановка. Партия и рабочий класс на нее возлагают серьезнейшую ответственность.

Какой при таких условиях „курс“ должна взять наша печать? В чем должно заключаться главное и основное в ее работе?

Агитация. Время, когда агитация была главным пунктом деятельности нашей печати, давно прошло. Сейчас агитационным путем ни один серьезный вопрос момента не решается. Агитация на ближайший исторический период отходит на задний план.

Пропаганда. Это весьма важная функция нашей печати. Она как раз после окончания гражданской войны постепенно выдвигалась вперед. Ныне пропаганда идей коммунизма, политическое просвещение масс—серьезнейшая задача нашей партии и, следовательно, нашей печати.

Но можно ли считать, что в настоящую эпоху пропаганда является основной функцией нашей печати? Ни в коем случае. Сказать это—значило бы признать, что печать должна отойти в сторону от основных каналов жизни.

Основная функция печати в наше время—функция организаторская.

Поднять производство, улучшить государств. аппарат—тем самым установить смычку с крестьянством, т.-е. в конечном счете сделать незыблемой власть рабочего класса. Такая задача стоит в настоящее время перед РКП и Советской властью,—**никакой иной задачи у советской печати быть не может.**

Но к вопросам хозяйства и госаппарата печать должна подойти не только с точки зрения пропагандиста и агитатора, но прежде всего и главным образом с точки зрения организатора. Печать участвовала в организации партии, советов, профсоюзов, армии. Она решала важнейшие хоз. вопросы (разверстка, налоги). Она впредь главной своей задачей должна считать практическое, повседневное, неуклонное участие в работе по восстановлению нашего хозяйства.

В эту сторону нам необходим сознательный „уклон“. Это отныне должно быть отличительной чертой советской печати.

Но для того, чтобы мы, работники печати, оказались способными направить печать в новое, хозяйственное русло, нам придется **переучиться**. Нужно вспомнить слова Н. И. Бухарина на последнем с'езде работников печати о необходимости **специализации**. Нам, людям агитпропской эпохи, необходимо научиться новому подходу к делу,—с новым духом, новым темпом...

Советская часть человечества вступила в эпоху великого строительства. Потом, по прошествии нескольких лет, все станет ясно, но теперь все сложно, запутано, кругом тысячи трудностей.

На печать ложится великая обязанность. Она должна **ориентировать миллионы в сторону хоз. строительства, сорганизовать их во имя победы на экономическом фронте**, практически помогать, практически облегчать им работу в интересах нового мира.

Задачи партии—задачи печати.

Задачи печати меняются одновременно с изменением задач партии. Наша печать всегда являлась мощным орудием агитации, пропаганды и организации, но в зависимости от конкретных условий центр тяжести перемещался от одной функции к другой.

Накануне октября главнейшая функция нашей печати — агитация и организация масс для непосредственной борьбы с буржуазией. Вопросы пропаганды в этот период занимают ничтожное место во всей работе нашей печати.

В эпоху гражданской войны главное — опять в агитации и организации масс для борьбы. Функции пропаганды занимают весьма скромное место. Организационная работа партии, а следовательно и печати принимает новую форму.

Ныне вопрос ставится совершенно иначе. Агитаторские функции для нашей печати отходят на задний план, вперед выдвигается пропаганда, коммунистическое просвещение широких масс. Но главная, основная, **все покрывающая функция нашей печати — это функция организаторская, строительно-созидательная.** Поднятие нашей **производственной** организации, организации на новых началах **государственного аппарата** — эти две решающие задачи, стоящие перед коммунистической партией и Советской властью, являются одновременно решающими задачами и для нашей печати. И здесь дело не в пропаганде идей, не в агитации во имя лозунгов, а в конкретной практической работе, в конкретном проведении в жизнь намечаемых партией задач—**в порядке организационном.**

Тут требуется новый подход к делу. С привычным представлением о задачах печати нам нужно расстаться. Ограничивать роль и значение печати прежде всего рамками агит-пропаганды давно уже невозможно. Агитпропы не могут и не должны охватить всю ту сумму вопросов, которую обязана охватить печать.

Для агитпропов сейчас главное—просвещение масс, для печати сейчас главное—вопросы хозяйственные и организации госаппарата.

Разумеется, печать в полной мере сохраняет функции пропагандистские и организаторские. **Но она безнадежно отстанет от жизни** и более чем наполовину перестанет быть боевым оружием в руках партии, если главное внимание она не сосредоточит на функциях организаторско-строительных.

Печать не может отставать от партии. Партия центр своего внимания перенесла на организацию хозяйства и на переустройство государственного аппарата. То же самое должна делать печать. Печать должна рассматривать себя, как орудие партии, партии в целом, государства в целом, а не как служебный аппарат той или иной отрасли партийной работы.

К сожалению, организаторская роль печати далеко не для всех ясна. Эта роль недооценивается, и поэтому печать оказывается использованной не в полной мере. Как и во всех других важнейших случаях, так и в данном случае нам приходится обращаться к тов. Ленину и еще раз, и повидимому далеко не в последний раз, привести его взгляд на роль печати. 22 года тому назад — в мае 1901 г.—в своей программной статье „С чего начать“ тов. Ленин писал:

> „Роль газеты не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников. Газета не только коллективный пропагандист и **коллективный агитатор**, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с **лесами, которые строятся вокруг возводимого здания**. Они намечают контур постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу, обозревать общие результаты, воздвигнутые организованным трудом“.

В этом классическом определении роли печати прежде всего обращает на себя внимание необыкновенно **широкий взгляд** на роль и значение печати. Коллективный пропагандист и агитатор против данного строя—организатор борьбы рабочего класса. После победы пролетариата роль печати меняется. Она выступает в роли коллективного пропагандиста и агитатора за новый строй, в роли организатора нового мира. Упрочение победы рабочего класса снова меняет положение в том смысле, что организаторская, созидательная, творческая строительная роль печати необычайно вырастает по сравнению с другими основными функциями.

„Леса... вокруг возводимого здания“... Ведь это как будто сказано специально для нашего переходного времени! **Ведь вся Россия—только еще возводимое „здание“**, ведь у нас только еще намечаются „контуры“ постройки. Работа предстоит гигантски-трудная. И здесь нужно прямо сказать: мы не стараемся сознательно использовать печать для того, „чтобы она облегчила сношения между отдельными строителями, помогла им распределить работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом“. На печать у нас все еще господствует взгляд страшно узкий, чиновно-бюрократический: государственными и хозяйственными делами занимаются начальство и чиновники, а печать просто информирует об интересных новостях и ведет агитацию и пропаганду.

Нет, этого слишком мало. **Печать должна быть признана важнейшей организаторской силой.**

Но, разумеется, одного признания мало. Получив признание, печать должна фактически стать важнейшей организующей силой.

Она должна **перестроиться на новых началах в соответствии с новыми задачами партии и рабочего класса. Она должна встать на производственно-строительные рельсы.** К вопросам экономики она должна подойти ближе, чем когда бы то ни было. Если говорить „аппаратным языком“, то печать должна быть связана с хозяйственными органами так же тесно, как она связана с органами агитационно-пропагандистскими. К этому мы идем ощупью, стихийно. Нужно на этот путь встать сознательно, итти по нему неуклонно.

И опять-таки Владимир Ильич Ленин первый с обычной для него ясностью определенно указал на это обстоятельство. Осенью 1918 года в статье „О характере наших газет“ он писал:

> „Побольше экономики. Не экономики в смысле „общих“ рассуждений, ученых обзоров, интеллигентских планов и тому подобной дребедени, которая, к сожалению, слишком часто является именно дребеденью. **Нет, экономика нужна нам в смысле собирания, тщательной проверки и изучения фактов действительного строительства новой жизни“.**

Если это было абсолютно верно в 1918 году, то ведь в настоящее время мы все должны жестоко порицать себя за то, что экономика не заняла еще господствующего места в нашей печати, что она не перестроилась еще целиком по-новому.

Выполнять организаторскую роль—это значит вести беспощадную борьбу с отрицательными явлениями и одновременно намечать пути для целесообразного устранения этих явлений. В той же статье о характере наших газет тов. Ленин писал:

> „Черная доска отсталых фабрик, после национализации оставшихся образцом разброда, распада, грязи, хулиганства, тунеядства—где она? Ее нет. А такие фабрики есть. Но мы не умели выполнить своего долга. Не ведя войны против этих „хранителей традиций капитализма“, **мы—не коммунисты, а тряпичники, пока мы молча терпим такой факт. Мы не умеем вести классовой борьбы в газетах так, как ее вела буржуазия“.**

Следует признать, что в этом отношении нами сделан известный шаг вперед. Наши газеты научаются вести войну против „хранителей традиций капитализма“. Очень многое в этом смысле делается нашими рабкорами, но в общем все-таки мы здесь имеем только скромное начало. Наша критика, наши разоблачения носят пока еще слишком мелкий, эпизодический характер. **Нам необходима критика широкая, с большим размахом деловой перспек-**

тивы, критика, которая одновременно сопровождалась бы и указаниями положительного свойства. Нельзя более подходить к делу только с той точки зрения, чтобы „продернуть“, „пропечатать“, „прохватить“. От нас требуется ответ на вопросы, что делать и как делать.

Нам нужна специализация, нам нужно знание вопросов хозяйства. Мы должны выработать в себе умение подходить к этим вопросам не „по-газетному“, т.-е. не по-дилетантски, а будучи вооруженными знанием предмета.

Значит, не только печать должна перестроиться, но и мы, работники печати, должны перевооружиться. К этому мы идем стихийно, ощупью, за это мы должны взяться сознательно, со всею страстью, со всей энергией, и тогда советская печать станет великим коллективным организатором нового пролетарского мира.

* * *

На ряду с вопросами хозяйственными перед коммунистической партией и Советской властью стоит важнейший вопрос о реорганизации нашего никуда негодного государственного аппарата.

Тов. Троцкий в статье „Кончик большого вопроса“ („Правда“ от 4 апреля с. г.) по этому поводу пишет:

> „Пресса в этой области должна сыграть прямо-таки **решающую** роль. К сожалению, газеты наши дают, по общему правилу, чрезвычайно мало воспитательного бытового материала. А если дают, то нередко в порядке однотипных аппаратов. Просто, мол, у нас завод называется так-то, на заводе завком и директор, завком завкомствует и проч., и проч. А между тем живая жизнь наша так богата яркими поучительными эпизодами, конфликтами, противоречиями, в частности по той линии, где государственный аппарат соприкасается с массою населения. Только успевай засучивать рукава“...

Разумеется, указания тов. Троцкого совершенно справедливы, и в эту сторону нужно направить организованные усилия работников нашей печати. Всесторонняя борьба с язвами бюрократизма и чиновничьего самодурства—это не случайная, а на ближайший период важнейшая **постоянная** функция нашей печати. Увлеченные старыми традициями агитпропства, мы до сих пор не сумели как следует подойти к этому делу. Мы в этом отношении позорно **отстали от жизни.** Нужно, выражаясь словами тов. Троцкого, выработать из себя „журналистов, которые с изобретательностью американского репортера сочетали бы честную советскую душу“. Нам и в этом отношении **нужно перевооружиться**, переучиться,

отбросить старый шаблон, чтобы итти нога в ногу с требованиями момента. Партия требует от нас работы по-новому.

В резолюции XII с'езда по госаппарату о задачах РКИ и ЦКК читаем следующее:

> „Необходимо систематическое и планомерное использование со стороны РКИ и ЦКК советской и партийной печати как в целях разоблачения и раскрытия всякого рода преступлений, взяточничества, разгильдяйства и т. д. и систематических обходов намеченной партией основной линии в деле реорганизации госаппарата, так и для изучения и подытожения работ ЦКК и РКИ в деле организационного строительства".

Здесь широчайшая программа работ, выходящая далеко за рамки обычной пропаганды. Выполнить добросовестно эту программу—значит облегчить исключительно важную задачу создания действительно нового, действительно советского, нормально и честно работающего государственного аппарата.

Мы растем. К 5 мая 1923 года наша печать сильнее, чем она была к 5 мая 1922 года. За этот период мы пережили и победили тягчайший кризис и двигаемся вперед, но двигаемся медленнее, чем следует, ясно отстаем от требований жизни, важнейшие задачи разрешаем не всегда так, как это необходимо.

Итти нога в ногу с партией, решать все задачи, которые она решает, и так, как она решает — вот наша задача. На ближайший исторический период три своих основных функции печать должна расположить в следующем порядке: а) непосредственное всестороннее участие в хозяйственном строительстве, б) активнейшее участие в реорганизации государственного аппарата, в) ведение пропаганды и агитации за Советскую власть.

Советская печать—это печать строящего новый мир класса, организующей социалистическое хозяйство партии.

Положение и задачи печати.

(*Доклад на IV с'езде работников печати.*)

Эпоха гражданской войны.

Товарищи, говоря о нынешнем положении нашей периодической печати, нам необходимо в двух словах вспомнить те общие условия, в которых нам приходилось работать за последние пять лет.

За время гражданской войны эти условия характеризуются следующими моментами. У нас нет даже минимального кадра работников, средства совершенно ничтожные, нет хорошего аппарата распространения, и вообще произведения печати распространяются на основе потребительского коммунизма, когда газеты не знают своего читателя, не связаны со своим читателем, когда между газетой и читателем нет никакого контакта, когда нельзя проверить, доходят ли газеты до читателя. Дальше. Мы работали в условиях почти полного отсутствия внимания партии и Советской власти к периодической печати. Из всего этого совершенно естественно вытекала слабость печати, ее однообразие, ограниченность тем, некоторая казенщина и, что самое существенное, очень часто политическая невыдержанность.

Тем не менее, товарищи, мы знаем и наши враги это знают, что наше печатное слово было могучим. Почему? Потому, что могуча была сама революция. Это она несла с собой новое слово, новую жизнь, это она отдавала жизнь и силу часто серым страницам наших газет. Но в общем и целом мы должны сейчас на шестом году революции констатировать с полной откровенностью, что **газета революции была несравненно слабее революции.** Об'яснялось это тем, что у революции, у ее партии не нашлось специальных средств, специальных сил для печати.

Эпоха нэпа и печать.

Эпоха нэпа для печати со своим хозрасчетом начинается с весны 1922 года. Этот период характеризуется опять-таки тем, что мы работаем тоже почти без всяких средств, почти без всякого аппарата распространения, потому что старый аппарат, созданный в эпоху потребительского коммунизма, сломан, нужно перейти на коммерческий расчет, а нового аппарата, торгового аппарата не создано. Отсутствие внимания, отсутствие поддержки со стороны партии и власти продолжается.

При хозрасчете эти условия должны были быть убийственными для печати. И в самом деле, лето 1922 г. является самой черной полосой в жизни нашей печати. На 1-е августа вся

наша печать имела тираж менее миллиона экземпляров. Это был период, когда в Донбассе „Всероссийская Кочегарка“ имела тираж ежедневно 800—900—1000 экземпляров. Приблизительно в таком же положении находился и ряд других изданий. Это была уже катастрофа. Но самое печальное заключалось в том, что эта катастрофа, нужно правду сказать, об'яснялась невнимательностью и непониманием задач печати со стороны партии, ибо ведь в конце-концов неужели же наше государство, наша партия не могли бы найти минимальных средств для того, чтобы поддержать свою печать?

Осень 1922 г. характеризуется тем, что довольно быстро и довольно резко начинается перелом. Состояние катастрофы уже само по себе обратило на себя внимание партии, и начался этот **спасительный перелом**.

В чем же виден этот перелом, в чем он выразился? Прежде всего он выразился в том, что партийные и советские организации обратили внимание на печать и поставили себе задачей оказать моральную и до некоторой степени и материальную поддержку.

Мне уже на других собраниях приходилось упоминать и подчеркивать один характерный факт. Никогда раньше я не помню случая, чтобы „уважающий себя секретарь“ обкома и губкома, приезжая в Москву, говорил, что им нужен редактор или сотрудник газеты. В течение же последних месяцев ни один „уважающий себя секретарь“ обкома и губкома не приедет сюда без того, чтобы не зайти в п/отдел печати и не потребовать от нас редактора или сотрудника и вообще не поговорить о вопросах печати. Это обстоятельство уже говорит за то, что, несомненно, перелом здесь мы имеем очень значительный и что партийные организации и партийные работники в конце-концов начинают понимать и практически оценивать значение печати.

Из этого внимания вытекает то обстоятельство, что нам дают работников, правда, дают их очень немного. В целом ряде мест партийные комитеты выделили достаточно авторитетных товарищей и посадили их во главе газет. Затем органам печати оказывается некоторое материальное содействие, главным образом из местных средств. Во многих случаях партийные комитеты предоставляли весь свой аппарат для ведения массовой кампании за печать. Сами партийные комитеты и партийные организации в целом стали несравненно ближе к газетам и тем помогли нашей печати выровнять свою политическую линию, уменьшить количество политических ошибок и таким образом правильно воздействовать на широкую массу, что имеет, конечно, решающее значение в нашей работе.

Этому улучшению положения сверху навстречу снизу шла тяга лучших элементов рабочего класса к нашей газете, к нашей книге. Если бы нам приходилось работать в таких обстоя-

тельствах, когда рабочая масса не интересуется нашими газетами и книгами, то, очевидно, мы ничего существенного не могли бы сделать. Но современная обстановка как раз тем между прочим и характеризуется, что рабочая масса проявляет величайший интерес к нашей печати и тем облегчает, несомненно, нашу работу.

Вот, товарищи, те вступительные замечания, которые я считал необходимым сделать прежде, чем перейти к характеристике теперешнего положения нашей печати.

Качества нашей прессы.

Что мы имеем в настоящее время в области периодической печати? Если мы возьмем наши **областные издания**, мы совершенно спокойно можем сказать, что в лице наших областных газет и газет областного значения мы имеем в общем и целом хорошо поставленную политическую прессу с прочной связью с широкими рабочими массами.

Если мы перейдем к губернской печати, то мы увидим, что в большинстве губернских городов мы имеем вполне удовлетворительную, политически-грамотную и опять-таки в значительной степени с широкой рабочей массой связанную прессу.

Самое наше слабое место—это уезды, деревня. В уездах у нас количество газет сократилось сильнейшим образом. В качественном отношении они улучшились очень резко. Вопрос об уездной печати, вопрос о деревне настолько важен, что я на нем остановлюсь отдельно.

В чем же главнейшие приобретения нашей основной печати—областной и губернской? Прежде всего наши газеты политически выдержаны, политически грамотны. С этой стороны никаких серьезных упреков они не заслуживают. Второй момент—это связь с массовым рабочим читателем. Несчастье нашей прессы за прежние годы заключалось в том, что хотя мы находились в общем контакте с рабочим классом, который устанавливался по линии борьбы на военно-политическом фронте, но непосредственного контакта между данной газетой и рабочей массой данной местности не было.

В настоящее время в этом отношении удалось сделать очень много: газетой нащупаны ее низовые читатели, учтены их запросы, и это, разумеется, имеет самое существенное значение. Дальше. Газеты наши, на ряду с вопросами общероссийского и мирового характера, научились разрабатывать и вопросы данной области и данной губернии: местное они связывают с общим и дают этим самым читателям правильную перспективу. Дальнейшее приобретение — это газетность, разнообразие, ударность, что самое главное в газете. Это не просто сборники скучных статей, не информационные листки без страсти, без

энергии, без плана,—в большинстве случаев наша областная и губернская печать строится именно по принципу ударности, по принципу выявления самого главного, самого яркого. Исчезает казенщина, появляется лицо у каждой газеты, на ее страницах начинается критика разоблачения, газета чувствует себя, как нечто живое, боевое. И это обстоятельство усиливает не только общий интерес со стороны рабочего класса, это усиливает общественный вес и значение печати.

Вот те основные приобретения, которые сейчас уже можно зарегистрировать для нашей периодической местной печати, областной и губернской.

Как обстоит вопрос с влиянием нэпа на печать? Когда весной 22-го года мы оказались выброшенными на голый берег без всего, когда нам сказали: живите, мол, на хозяйственном расчете, без копейки оборотного капитала, то тут возникло у нас опасение (нэп—штука опасная) — не случится ли несчастье, не извратит ли нэп лица нашей печати?

И опасность значительная была, товарищи. К счастью, мы ее с самого начала предусмотрели и приняли соответствующие меры. В итоге дело дальше отдельных ошибок и промахов не пошло. Печать сразу взяла **ориентацию на массы**,—она могла взять ориентацию на мещанскую улицу, тогда мы погибли бы для революции. К счастью, этого не случилось. А масса с своей стороны пошла нам навстречу. Вы знаете, товарищи, теорию всех этих меньшевиков, эсеров, кадетов о том, что с введением нэпа рабочий класс решительно отворачивается от Советской власти и коммунизма, что он питает величайшие симпатии к буржуазии и требует восстановления капитализма. Между тем мы можем сказать на основе собственного опыта, что как только появилась в Советской Республике опасность возрождения буржуазии, как только рабочий класс увидел снова лицо буржуа, он даже в своих наиболее отсталых слоях бросился в сторону коммунистической партии, и это между прочим выразилось в большой тяге к печати. В печати рабочий класс увидел величайшее орудие для борьбы с нарождающейся буржуазией. Появление нэпмана побудило рабочий класс теснее связаться со своей рабочей печатью.

В этом отношении величайшая роль выпала на долю наших **рабочих корреспондентов**, которые являются **посредниками между рабочей печатью и рабочим классом.** Рабочие корреспонденты связывают эти два элемента друг с другом. Без рабочего корреспондента, одними только репортерами, газета не могла бы связаться с широчайшими массами. Успехи, достигнутые нами в этом отношении,—гигантские Как массовое явление, рабочие корреспонденты—это дело последних 7—8 месяцев, дело года, не более. Я не говорю об опыте „Правды“ 1912—914 гг. Во время нашей революции рабочие коррес-

понденты начинают играть серьезную роль лишь в течение последних 7—8 месяцев, начиная приблизительно с „дня печати“ (5-го мая—десятилетие „Правды“). В настоящее время отдельные наши газеты имеют сотни корреспондентов. И эти корреспонденты в подавляющем большинстве случаев остаются у станков. Мы, газетные работники, сейчас понимаем, какая это грандиозная сила, но наша широкая партийная и советская публика в данное время вряд ли отдает себе отчет в том, что такое эти десятки и сотни корреспондентов у „Рабочей Газеты“, „Правды“, киевской газеты, харьковской газеты, тульской газеты и т. д. Это совершенно новая сила, новый способ связи между нашей газетой и массами, а следовательно между нашей партией и массами.

Что, кроме отмеченных уже обстоятельств, способствует сближению между массой и нашей газетой? Выдающуюся роль в этом отношении играет критически-разоблачительная деятельность рабочих корреспондентов. Затем выступление газет на защиту самых непосредственных, повседневных, чисто-потребительских интересов рабочих. Далее, велико значение конкурсов, которые начаты были „Правдой“, а затем проведены рядом губернских и областных газет по различным вопросам. Во время этих конкурсов газета и ее рабочие корреспонденты выступают одновременно в роли представителей государства, в роли защитников интересов производства, в роли защитников непосредственных интересов рабочих.

Ясное дело, что все эти обстоятельства должны были укреплять связь между массами и газетой, укреплять авторитет нашей печати в рядах рабочих масс.

Существенное значение имеют кампании за печать, которые были проведены и проводятся сейчас повсеместно. Далее, в течение последних месяцев ряд газет отпраздновали и продолжают праздновать свои пятилетние юбилеи. Во время празднования юбилеев подводятся итоги деятельности газеты, и они служат новым стимулом для сближения между рабочими массами и газетами и партийными массами и газетами.

Я уже указывал, что страх перед капиталом, опасность реставрации капитализма в России толкает рабочие массы в сторону своей печати, своей партии. Здесь необходимо подчеркнуть, что **повсеместно наблюдающаяся тяга в нашу партию, тяга к знанию и тяга к нашей печати—это явления одного и того же порядка.** И именно на почве этого сближения между массами и нашей прессой была возможна удачно проведенная подписочная кампания, на этой почве были возможны и непосредственные выступления рабочих масс с бесчисленными приветствиями по адресу наших газет. Наконец, возьмем такой единичный пока факт, как избрание тов. Сосновского на заводе „Динамо“ почетным литейщиком, за то, что он, пролетарский

журналист, „отливал пули, которые поражали врага революции". (Аплодисменты.) Мы должны подчеркнуть, что полтора, два года тому назад вопрос об избрании заводом журналиста, такого острого журналиста, как тов. Сосновский, почетным рабочим даже не мог бы возникнуть. В настоящее время лучший завод красной Москвы с почетом принимает в свою среду одного из лучших журналистов революции. Это—одно из свидетельств прочной связи между рабочей печатью и рабочим классом.

Да, наше положение значительно улучшается. Еще летом мы были в состоянии катастрофы. И когда перелом наступил, мы сами не верили этому и продолжали кричать, что мы погибаем. В конце ноября мы узнали, что в Праге устраивается всемирная выставка периодической печати. Мы стали добиваться нашего участия в ней. Но некоторые товарищи поставили вопрос о том, следует ли нам участвовать в выставке, с чем мы выступим: тираж наш ничтожен, газеты наши никуда не годятся. Однако мы дерзнули,—мы знали, что наши газеты улучшились за последнее время, что кое с чем мы можем все же выступить в Западной Европе. Мы дерзнули, и, по свидетельству наших врагов, мы их побили. Тов. Беляков, который был организатором и главным руководителем этой выставки, расскажет вам подробно о том, как эта выставка проходила. По белогвардейской печати, по европейской, главным образом чехо-словацкой буржуазной печати мы знаем, что наши газеты, которые мы делаем с таким трудом, поразили наших врагов, что они были центром внимания на выставке.

Однако следует ли делать какие-нибудь иллюзии из этого, должны ли мы сказать, что у нас нет недостатков? Этого сказать нельзя. Наша победа обусловливалась, с одной стороны, тем, что у нас газеты строятся совершенно по иным принципам, на иных основаниях. Отдела рабочей жизни, рабочих корреспонденций, этой революционной физиономии нет ни у одной газеты. Наша печать—совершенно новая сила, и когда эта сила встречается со старой буржуазной печатью, она одерживает верх.

С другой стороны, какое представление существует у Европы о России? Россия—это пустыня вообще, и в отношении культуры и просвещения пустыня сугубая. Европеец имеет такое представление, что „Правда", „Известия ВЦИК" издаются на 2 или 4 страничках, что это просто „казенные газетки", а в провинции выходят 3—4 газеты, и все это даже не газеты, а просто большевистские агитационные листки и больше ничего. А тут мы вылезли с огромными газетами со всех концов страны, некоторые из них разрисованы по последнему слову конструктивизма (об этом позаботился тов. Бухарин). Далее на выставку мы представили данные о связи с массами, о росте корреспонденций. Большие газеты на всех почти языках, огромные юбилейные номера, солидные журналы, еженедельники, ежемесяч-

ники, ведомственная литература—все это указывает, что у нас есть обширная культурная, общественная, хозяйственная, вообще осмысленная жизнь. А все это для Европы было ново и неожиданно и не могло не произвести сильного впечатления. Вот чем главным образом об'ясняется наш колоссальный успех на Пражской выставке.

Наши недостатки.

Но обманывать себя, убаюкивать иллюзиями ни в коем случае не следует. Недостатки у нас имеются, и прежде всего у нашей центральной печати. Эти недостатки нашей центральной печати имеют для провинциальной печати **сугубое практическое значение**. Нам, разумеется, не нужно тратить много слов относительно того величайшего политического значения, какое имеют газеты „Правда“ и „Известия ВЦИК“. В отношении политического руководства, можем сказать, таких газет мир не знает и не имеет. Это бесспорно. Но „Правда“ и „Известия“—прежде всего газеты, и они должны быть не только политическими руководителями, но должны давать нам некоторые указания и в газетном отношении, и в газетном отношении должны быть образцами.

Между тем самый существенный недостаток центральных руководящих газет в том заключается, что они мало газетны, что мы в провинции имеем значительное количество газет, которые поставлены лучше „Правды“ и „Известий“. Между тем, если даже иного выхода не будет, мы можем поставить вопрос таким образом: отнимем у провинции известное количество работников, пусть там будет меньше хорошо сделанных газет, но наши центральные газеты пусть будут образцовыми.

Чего нехватает нашим центральным газетам? Чего нехватает „Правде“? Ее главный недостаток в том, что „Правда“ хочет быть газетой разнотипной, она хочет совмещать в себе функции и руководящей, и массовой газеты. Из этого ничего не получается, кроме разнотонности, разнобоя, дилетантизма и кустарничества, кроме отсутствия ударности и цельности. Я думаю, что мы—с'езд работников печати—можем и должны сказать редакциям наших центральных руководящих газет: товарищи, вы—первые руководители мировой революционной прессы, возьмите на себя исключительно руководящую роль, мобилизуйте со всех концов России лучших газетных специалистов и поставьте дело таким образом, чтобы вы и в газетном отношении представляли собой величайший образец. Устраните этот недостаток, и тогда все будет в полном порядке и для вас, и для нас.

Партия имеет целую систему газет: и руководящие, и массовые газеты. Нужно соблюдать диференцированность, разделение функций.

Если мы перейдем к недостаткам губернских и областных газет, то тут прежде всего бросаются в глаза два обстоятельства. Во-первых, нынешний наш третий фронт,—фронт культуры и знания, — как об этом было отмечено и в провинциальной печати, находит в нашей печати крайне слабое освещение.

Дальше почти все наши газеты и наша „Правда“ прежде всего **весьма слабо освещают вопросы партийной жизни**. По нашим газетам широкие массы никогда не сумеют узнать, чем живет, как работает и что делает наша партия. Между тем это имеет величайшее значение, особенно в настоящее время, когда в широких рабочих массах и в среде крестьянской бедноты наметился резкий перелом в смысле тяготения к нашей партии. О том, какое значение имеет освещение вопросов партийной жизни в массовой печати, об этом мы могли бы вычитать очень много интересного у т. Ленина в одной из его статей за 1903 г. И вот мы должны поставить в наш порядок дня умелое освещение живой партийной жизни в наших собственных газетах. Вот эти два основные недостатка.

А есть ли недостатки похуже? Конечно, есть, в особенности у уездной печати.

Тов. Ингулов вчера советовал мне: возьми, мол, несколько смешных номеров газет, чтобы, значит, весело было на с'езде.

Весело-то, думаю, весело, но будет ли полезно? Однако, если дело в этом, если нам нужно обязательно веселье, вот я беру маленькую уездную газетку и читаю здесь вторую дискуссионную, как здесь значится, статью. Она называется так: „О печальной судьбе русского языка и о необходимости его возрождения“. И вот в этой статье некий филолог-классик, как он сам себя рекомендует, просит позволения высказаться по вопросу о судьбах русского языка. Он критикует современную школьную молодежь, которая, оказывается, искажает и коверкает русский язык, и цитирует Сократа, который говорит: „Я знаю, что я ничего не знаю“. Перефразируя Сократа, он замечает: „Я знаю, что современная русская молодежь никаких грамматических и стилистических познаний в области русского языка не имеет“. И дальше:

— „Я невольно спрашиваю себя: что бы сказал на такое искажение родного языка наш несравненный художник—ваятель слога—Тургенев, который, умирая, восклицал: „Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык“. (Смех, возгласы: „Откуда это“?)

Филолог-классик надеется, что некоторые, по крайней мере, задумаются над его статьей, и продолжает:

— „Я бы желал, чтобы эти „некоторые“, сознав свою ошибку, исправили ее мудрыми словами известного французского филолога Малэрба (смех), сказав:

— „Мы будем стоять на страже родной речи. Мы будем ревниво беречь и охранять от всякой тины и грязи наш драгоценный лингвистический алмаз“. (Смех.)

— Кто бережет родное слово,
Кто любит свой родной язык,
Тот не стеснит его в оковы,
Когда в красу его он вник.

(Смех, возгласы: назовите газету!)

Этими стихами, очевидно, собственного производства, кончается эта статья. И дальше тот же автор филолог-классик поместил на 3-й странице стихи „Вперед—к мировому коммунизму“. Здесь мы читаем:

Но мы лишь часть пути свершили,
Нам надо весь его свершить:
И все, что здесь с землей сравнили,
Пора на Западе сравнить. (Смех.)
Мы, коммунизма пионеры,
Должны всемирно доказать,
Что в коммунизме нет химеры,
Что он лишь счастье может дать...
Что он не знает притесненья,
Что полон братской он любви,
Стоит за принцип уравненья,
За торжество одной души. (Смех.)

Стихотворение не кончено. Еще можно посмеяться по этому поводу, но ведь до великого писателя Тургенева, завещавшего беречь русский язык, писал великий писатель Гоголь, один из героев которого в одном известном вам случае воскликнул: „Смеетесь. Над кем смеетесь? Над самим собой смеетесь“. Поэтому оставим смешные ошибки и курьезы уездных газет. Тем более, что, к счастью, этих курьезов нынче несравненно меньше, чем несколько лет тому назад.

Количество газет. Тираж. Распространение.

Перехожу к вопросу о количестве наших газет. Тут прежде всего необходимо подчеркнуть, что вопрос количества есть вопрос статистики, а статистика советской печати совершенно не удовлетворительна. У нас точной статистики печати нет, и нет ее потому, что нет государственного аппарата, который бы интересовался делом печати в целом. Раньше газетной статистикой занимался Роста, и я думаю, что т. Долецкий и все его товарищи не обидятся, если я скажу, что эта статистика—из рук вон плохая статистика. Осенью мы переняли эту статистику в ЦК партии с тем, чтобы ее улучшить;

кое-что в этом отношении сделано, но сказать, чтобы значительно она улучшилась, нельзя. Поэтому те данные, которые я вам привожу, не полны, они значительно преуменьшены.

В январе 1922 г. мы имели 803 газеты, из них около 500 уездных; в августе вместо 803 газет мы имели 229; на 1 января 1923 г. мы имели 442 газеты; в настоящее время наша статистика показывает 493 газеты.

Не нужно думать, что за 1 месяц количество наших газет возросло на 50; это просто нужно приписать тому, что на основании присланных с мест сведений мы внесли кое-какие поправки в нашу статистику. Таким образом в настоящее время у нас имеется около 500 газет.

Вероятно, здесь нехватает 2 — 3 десятков газет: сплошь и рядом в уездах издается газета, а мы о ней ничего не знаем. Затем в течение января несколько газет возобновили свой выход, но данных пока у нас нет.

По времени выхода картина такова: в областных и губ. центрах **ежедневных** газет—123; повидимому, зарегистрированы все газеты; газет, **выходящих 2—3 раза в неделю**—53; **выходящих раз в неделю**—71 и выходящих нерегулярно—33 газеты. Таким образом всех губернских и областных газет у нас в уездах **280**. В уездах **ежедневных** газет—**38**, **выходящих 2—3 раза в неделю—92**, **выходящих раз в неделю—65**, **нерегулярно—18**. **Всего—213**. Итого всех газет—493.

С тиражем положение рисуется в таком виде: на 1 января 1922 г. у нас насчитывалось 2.600.000 экземпляров газет ежедневно, на 1 марта—2.280.000, на 1 августа—990.000, на 1 ноября—1.210.000, на 1 января 1923 г.—1.502.000 и по последним данным на 1 февраля—1.530.000. Но здесь необходимо подчеркнуть, что данные о тираже у нас значительно преуменьшены. Очень часто, за неимением новых сведений, мы вынуждены были в январе брать данные за ноябрь и декабрь. Всякий понимает, что тут полноты сведений не может быть.

В общем мы можем сейчас констатировать, не боясь ошибиться, **что тираж наших газет приближается к 2 миллионам.**

В белой печати на этот счет идут фантастические разговоры. „Руль“ недавно писал: „В октябре советские газеты распространялись в количестве 1 мил. экземпляров; 88% из этого падает на принудительную подписку и только 22 на добровольную. **В большинстве губерний тираж местных газет меньше числа сотрудников газет“.** (Смех.) У нас, конечно, тираж несравненно больше числа сотрудников наших газет, но тем не менее мы сами хорошо знаем, что тираж этот очень и очень невелик, и тут, по-моему, задача заключается в том, чтобы во что бы то ни стало **в течение 1923 г. целым рядом мероприятий этот тираж довести, по крайней мере, до** 10 мил-

лионов ежедневно. Это совершенно возможно, это абсолютно необходимо.

Но тут, товарищи, необходимо подчеркнуть, **что целый ряд наших газет вынужден искусственно сокращать свой тираж по бумажно-типографским условиям.** Мне известно, например, что „Известия ВЦИК“ искусственно сократили свой тираж на значительное количество. Донбасские газеты, когда начали кампанию за подписку, в самое короткое время были приведены в замешательство: они оказались совершенно не в состоянии удовлетворить требования на газету, хотя бы в половинном размере. В Закавказьи тираж можно удвоить и утроить, если бы вопрос типографский и бумажный удалось урегулировать. Ряд других газет находится приблизительно в таком же положении.

Вопросы хозяйственные разработает особая секция, но будем сейчас исходить из того, что бумажный и типографский вопросы удастся разрешить, и, следовательно, 1923 г. мы должны провести под лозунгом: **„10 миллионов экземпляров ежедневно“.**

Возможно ли это устроить и каким путем? Прежде всего не все члены партии являются подписчиками наших газет. Это первая работа и первая забота, чтобы все члены партии выписывали наши газеты. Но здесь встает один спорный вопрос: что, значит, каждый из членов партии должен подписаться на одну из партийных газет, как это постановил XI с'езд партии? Некоторые товарищи постановление с'езда толкуют так, что член партии обязательно должен подписаться на формальную партийную газету. Таким образом в Петрограде он должен обязательно подписаться на „Петроградскую Правду“. Если же он хочет выписать „Красную Газету“, то это в расчет не принимается. На этой почве возникают конфликты. В Советской Республике нет и не будет непартийной ежедневной прессы, все наши газеты являются партийными и советскими одновременно, и поэтому всякий член партии волен подписываться на любую газету.

Какими путями будем мы продвигать газеты в рабочую массу? Помимо общего аппарата распространения (агентура, экспедиция, киоски и т. д.), мы должны часть обязанностей по распространению произведений печати возложить на рабкоров. Они могут сыграть большую агитационную роль. Но как эту агитацию вести?

На губ. конференции работников печати в Донбассе товарищи отметили, на мой взгляд, очень важное обстоятельство. Сейчас мы очень часто проводим коллективную подписку голосованием. Собираем собрание, произносим горячую речь и потом голосованием проводим решение о выписке такого-то количества газет. Товарищи указывают, что такая система подписки, абсолютно необходимая в первый период кампании, недостаточно прочна, что нужно перейти к **индивидуальной подписке или**

коллективной подписке маленькими группами. Нужно, чтобы каждый работник считал себя персонально связанным с газетой. И только такая подписка будет прочна для газеты. На это нужно обратить особое внимание.

Затем в высшей степени важное значение имеют **кружки содействия на местах**. Некоторые газеты уже имеют такие кружки содействия, организуемые вокруг рабочих корреспондентов. Мне кажется, что следует вести самую широкую агитацию за создание кружков содействия печати.

Какова роль рабочих организаций в деле распространения печати? Партийные организации, профессиональные союзы, фабзавкомы должны вести агитацию и пропаганду за всю нашу партийно-советскую печать. Тут никакого преимущества изданий не должно быть. И центральные и местные газеты пропагандируются нашими партийными комитетами, профсоюзами и завкомами. Ибо ведь если, к примеру, тульский комитет партии будет вести кампанию только за „Тульского Коммунара", то там не удастся распространять московские газеты; если Питер будет пропагандировать только свою „Петроградскую Правду", то опять-таки там не найдут распространения московские газеты. Нужно пропагандировать всю партийную печать, нужно указывать, об'яснять читательской массе, какие имеются газеты, для каких читательских слоев. Выбор самой газеты нужно предоставить читателю, агитацию именно за данную газету будет вести сама эта газета, не упоминая, однако, худым словом о других газетах.

Говоря о распространении печати, самое серьезное внимание необходимо обратить на почту. Мы имеем огромное количество фактов и сообщений с мест, показывающих, что **почта срывает нашу работу.** 50% газет не получается нашими подписчиками. Если и дальше так будет продолжаться, мы не сможем распространять нашу печать. Никто не будет выписывать газеты, если из ста номеров будут получать не более 50. Здесь необходимы героические меры, почтовое ведомство на это дело обязано посмотреть, как на дело государственной важности.

Кончая с этим вопросом, я снова обращаю ваше внимание на наш боевой для всего 1923 года лозунг: по всем советским республикам мы к концу года должны распространять 10 миллионов экземпляров газет ежедневно. Это исключительно важная политическая, государственная, партийная задача, и она должна быть разрешена во что бы то ни стало.

О типе газет.

Спорным является вопрос о типе газет. Нужны ли однотипные или разнотипные газеты? Редакция „Правды" пытается быть универсальной газетой не в том смысле, что освещает все

важнейшие вопросы, а в том, что она хочет обслуживать все слои трудящихся. Правильна ли такая постановка вопроса? Я считаю, что такая постановка вопроса неправильна. Нам необходимо диференцироваться. В центре мы должны иметь руководящую партийную и руководящую советскую газету, рабочую всероссийскую и рабочую местную газету, всероссийскую крестьянскую газету, общепрофессиональную, экономическую и т. д. газету. В областях нам нужны газеты трех типов: руководящая, массовая рабочая и массовая крестьянская. В губерниях—массовая рабочая и массовая крестьянская, в уездах—массовая крестьянская. В отдельных случаях, по местным условиям, придется в ту же схему вносить коррективы, но в общем она, несомненно, правильна. Каждая из этих газет должна быть универсальной в том смысле, что она рассматривает **все вопросы** дня, но по особому способу, применительно к данному кругу, данному слою, к данной категории читателей.

Деревня и печать.

Перехожу к основному, на мой взгляд, вопросу **о крестьянской печати.** Когда мы говорим о газете уездной, о распространении газеты в провинции, мы прежде всего должны вспомнить о важнейшем политическом вопросе, **о смычке с крестьянством.** Я никак не могу себе представить, как мы сможем воспитать крестьянство в нашем духе, как мы можем подчинить крестьянство нашему политическому воздействию, как мы могли бы осуществить то шефство, идея о котором была выдвинута тов. Лениным, если мы не продвинем в деревне нашей газеты. Снабжение деревни газетой—вопрос исключительной политической важности. Между тем тут у нас дело обстоит прямо-таки катастрофично. Недавно в харьковской газете „Коммунист“ была напечатана интересная статья тов. Пилипенко относительно снабжения украинской деревни газетой. Вообще говоря, в газетном отношении Украина является лучшей советской страной. Там относительно большое количество хороших газет. Однако в этой наиболее благополучной по газетной части советской республике вот какие данные, оказывается, имеются: Украина посылает ежедневно в деревню 9 тысяч экземпляров крестьянской газеты, только 9 тысяч экземпляров крестьянских газет проникает в украинскую деревню! И дальше тов. Пилипенко приводит следующую справку: одна газета падает на 3 села, 500 дворов, т.-е. на 3.600 душ населения (из них 700 грамотных читателей). Здесь говорится именно о крестьянской газете. Допустим, что, кроме специально-крестьянских газет, в деревню продвигаются еще и газеты городские в количестве, примерно, 5—6.000 экземпляров. Значит, всего около 14—15.000 экземпляров. Получается, что одна газета падает на

два села; на 350 дворов, свыше двух тысяч душ населения, 400—500 грамотных читателей. Это, повторяю, в сравнительно благополучной в газетном отношении Украине.

Между тем, товарищи, на местах констатируют, как почти общее явление, сильнейшую тягу крестьян к газете. Об этом говорит ряд данных с мест. Кое-что сделано практически. Тула за самый короткий срок наладила свою крестьянскую газету, и тираж ее приближается к 10 тысячам экземпляров. Тула же распространяет по губернии 10 тысяч экземпляров „Бедноты". Она выдвинула лозунг: „Одна газета на двадцать пять дворов". Воронеж выдвинул лозунг: „Одна газета на 10 дворов", и местами этот лозунг осуществлен. И есть уже сведения из Задонского уезда, что в шести волостях каждые 10 дворов имеют одну газету.

И вот в то время, когда Тула добивается „одной газеты на 25 дворов", а Воронеж „одной газеты на 10 дворов", Симбирск в это самое время выдвигает лозунг: „Одна газета на 300 дворов". Вы видите, что практика, запросы и требования различных мест не сходятся друг с другом. Во всяком случае здесь сделать можно очень многое. Деревня хочет иметь нашу газету, она купит ее, если мы доставим, ибо материальных затруднений у крестьян меньше, чем у рабочих.

Теперь об уездных газетах. Быть или не быть уездной печати? Так ставится многими вопрос. Уездные газеты в большинстве случаев слабы. Это бесспорно. И на этом основании некоторые товарищи ставят вопрос чуть ли не о поголовной ликвидации уездной печати. Правильно ли это? На местах нам прежде всего нужна газета, стоящая близко к массам. В отношении деревни такой газетой является уездная газета. По сути дела нам нужны даже волостные газеты. Есть же у нас **заводские газеты**, которые, несомненно, имеют будущее. И я не сомневаюсь, что когда дело с электрификацией у нас наладится, когда радиотелеграфная связь расширится, мы будем иметь даже волостные газеты. А сейчас—как это можно с таким легким сердцем расстаться с уездной газетой, как это делают некоторые товарищи? Самым решительным образом мы должны заявить, что огульно отрицательное отношение к уездной газете прямо-таки преступно. Нужно изыскать все средства и все возможности, чтобы уездная газета существовала и развивалась. Уездную газету можно закрыть только в том крайнем случае, когда ее нельзя выровнять, когда в нее пишут только филологи-классики.

О работниках печати.

Перехожу к вопросу о работниках. У нас нет работников, закрепленных за нами. Каждая отрасль работы имеет свой кадр работников, его нет только у нас. Нам только сейчас обещают закрепить за нами, за печатью известное количество работни-

ков. И вот здесь мы должны подтвердить, что, если нам не дадут определенную группу людей и не скажут, что эти люди всецело принадлежат печати и могут быть перебрасываемы только в пределах печати, мы, товарищи, не можем развивать дальше нашего дела.

Затем подготовка работников. Здесь будет специальный доклад тов. Новицкого о МИЖЕ и о его значении. Мы должны здесь только указать, каких работников мы ждем от МИЖА. Нам прежде всего нужны **специалисты газетного дела**. Вчера тов. Бухарин говорил нам о специалистах, но я сейчас говорю о специалистах другого рода: я имею в виду технических работников газеты, я имею в виду директоров, редакторов, организаторов газет. Эти люди должны быть осведомлены во всех отраслях печатного дела. Они могут не быть передовиками, они могут ничего не писать, но они должны знать газетное дело.

Но одновременно с этим нам нужны и те специалисты, о которых говорил т. Бухарин. Нам нужны специалисты в определенных областях,—например, по линии ВСНХ, в сельскохозяйственном вопросе, по международному вопросу и т. д. Значит, нам нужна **двоякая специализация**. Но прежде всего нам нужны специалисты в чисто-газетном деле, в газетном предприятии. И тут я должен заметить, что специалистами в бухаринском смысле слова могут легче всего стать наши рабочие корреспонденты. Например, рабочий корреспондент, который вышел из союза металлистов,—ему лучше специализироваться в области тяжелой индустрии.

Остановимся несколько на вопросе о **рабкорах**, которые на наших глазах значительно вырастают, превращаются в рабочих сотрудников. Когда, месяца три тому назад, я в нашем ЦБ в связи с приглашением представителей рабкоров на настоящий с'езд предложил окрестить рабкоров рабочими сотрудниками, товарищи к моему предложению отнеслись отрицательно. Теперь мы все согласны, что рабочие корреспонденты превратились уже в рабочих сотрудников, что наша печать с этой стороны получает величайшую поддержку.

И нужно сказать, что в отношении рабкоров стихийно уже проделывается значительная работа. В Москве и в ряде других городов имеются курсы рабочих корреспондентов. Эти курсы очень скоро фактически превращаются в элементарные курсы газетного дела вообще. Одновременно учреждаются клубы, созываются конференции рабкоров, на которых избираются бюро, и т. д. Проработав несколько месяцев, наши рабкоры в значительной своей части уже вышли далеко за пределы отдела рабочей жизни и подбираются ко всей газете в целом. В Киеве рабочие корреспонденты выпустили специальный номер местной „Пролет. Правды“, где все написано руками рабочих корре-

спондентов, и написано не плохо. В ряде случаев рабочие корреспонденты пишут газетные статьи по общим вопросам, выходящим за рамки вопросов рабочего быта.

„Правда“ 12—14 гг. за два года нам дала несколько десятков товарищей, которые теперь занимают важные государственные посты и которые только в „Правде“ научились писать. Если мы с точки зрения этого прошлого опыта подойдем к нашей теперешней печати, мы сможем смело сказать, что сотни наших газет смогут и должны воспитывать тысячи рабочих сотрудников нашей печати. Это—новая важнейшая сила нашей прессы, это—тот новый кадр работников, который будет иметь величайшее значение для нашей печати, и усиленная работа с рабочими корреспондентами под углом зрения их превращения в постоянных сотрудников печати должна продолжаться. Значительная часть этих товарищей должна уйти с фабрик и заводов и засесть в редакциях, а на фабриках и заводах их заместят новые работники.

Хозяйственное положение печати.

По вопросам хозяйственного положения нашей печати работает специальная секция. Здесь же необходимо в общих чертах подчеркнуть, что важные вопросы о бумаге, о типографиях до сих пор решались всюду без всякого учета интересов печати и без всякого влияния печати на это дело. Бумажная и полиграфическая промышленность рассматривают себя, как имеющие совершенно самодовлеющую ценность. Товарищ Шведчиков, глава Центробумтреста, неоднократно открыто заявлял, что его интересует только бумажная промышленность, а до положения печати ему дела нет. Фактически также ставят вопрос и работники из Полиграфтреста. Еще в августе прошлого года партия постановила, что наши газеты должны получить типографию, хотя бы в аренду. В ряде мест это было проведено, и опыт дал значительные результаты. Типография дала возможность ряду газет самоокупаться, встать коммерчески на ноги. Но в целом ряде мест это не удается сделать. Полиграфтресты не соглашаются передать типографию. Ко мне обращаются с вопросом, что делать, чтобы получить типографию, нельзя ли нажать на соответствующие органы? Ведь это скандал. Такое сопротивление оказывается ведь нашей печати. Берегут полиграфическую промышленность, как будто она нужна для чего-нибудь другого, кроме печати. Мы должны с негодованием констатировать саботаж со стороны центрального и местных полиграфтрестов. (Аплодисменты.) Типографии принадлежат государству, мы принадлежим государству, а они образовали государство в государстве и хотят блюсти свои собственные интересы в ущерб государственным интересам, в ущерб интересам государственной

печати. Нам нужно добиться на этом с'езде, чтобы вопросы о типографии, о бумаге и целый ряд других вопросов решались, исходя из интересов прежде всего печати и только печати, потому что основой является печать, а бумажная промышленность и полиграфическая промышленность — это только подсобные предприятия.

Преследование работников печати.

Перехожу к вопросу о преследовании работников нашей печати. Вчера в „Рабочей Москве" вы могли прочитать интересную статью, озаглавленную „Газетные подпольщики". И, не прочитав статьи до конца, можно было легко сообразить, что речь идет о рабочих корреспондентах. „Рабочая Москва" приводит большое количество фактов о преследованиях рабкоров: увольнениях, угрозах, стрельбе из револьверов, избиениях, о травле рабочих корреспондентов. Один рабкор, в виду предстоящего сокращения штатов, пишет редакции: „Будьте добры, не пишите в конце мою фамилию, ибо если будет моя фамилия, то меня, наверное, сократят". Комментарии, как говорится, излишни.

Борьба между рабочей печатью и определенным кругом работников Советской Республики идет уже довольно долгое время. В чем тут дело? Вокруг чего идет борьба? Печать—это аппарат партии, аппарат государства. У печати не может быть других интересов, кроме интересов государства, интересов революции. На службе государства немало людей, которые своей деятельностью или своей бездеятельностью, неумением, глупостью вредят государству и партии. В чем обязанность печати? В том, чтобы разоблачать этих людей. Интересы целого часто сталкиваются с интересами частными, интересами своекорыстными. Печать представляет интересы целого, она является органом власти в целом, она защищает интересы государства, и в видах защиты этих интересов печать обязана часто бить **по администрации, по чиновникам.** Мы являемся **органом государства, но не лиц, служащих государству.** Между тем очень часто чиновник воображает, что государство—это именно он. Мы должны сказать этим людям: „Извините, милостивый государь, государство—это государство, а вы — недостойный слуга этого государства, очень часто вы наносите вред этому государству, **и обязанность нашей печати, которая защищает интересы государства,—подвергнуть вас всенародному разоблачению.** Если вы мешаете нам исполнять эту обязанность, между нами должна завязаться борьба не на жизнь, а на смерть".

Необходимо признать, что до сих пор мы эту борьбу с необходимой энергией не вели. Вот опять-таки вчерашняя статья „Рабочей Москвы". В ней между прочим говорится о травле

рабочих корреспондентов. Но что же это такое? Травля? Ведь если дело дошло до травли, то неужели мы, газетчики, не можем принять брошенный нам вызов и показать всем этим обнаглевшим чиновникам, как можно и должно травить врагов революционной печати? (Аплодисменты.) Травить по-газетному, ярко, систематически и затравить до самоубийства или сумасшествия?

Товарищи, пора нам перейти во всеобщее наступление, пора об'явить, что **рабочий корреспондент находится под защитой всей советской печати.** (Шумные аплодисменты.) Пора об'явить, что кто попытается посягнуть на свободу пролетарского слова, будет иметь дело со всей печатью Советских республик. (Аплодисменты.) Однако, мы не хотим ставить себя выше закона. Для борьбы мы предлагаем почву закона. Мы можем ошибаться, мы допускаем, что некоторые из нас могут злоупотреблять печатным словом. Пожалуйста, есть закон. Если мы наклеветали на вас, гр. Иванов,—совбур или совдур,—вот советский суд: он не заинтересован, он не на нашей стороне, не на вашей стороне, а беспристрастный орган государства. Предстанем перед судом. Но если вам путь судебной борьбы не нравится, если вы хотите травить, стрелять из-за угла, увольнять и сокращать наших сотрудников, тогда мы будем рассматривать вас, как злейших врагов Советского государства.

Да, мы требуем, чтобы спор между печатью и ее „клиентами“ был перенесен на почву закона, и в настоящее время мы практически пытаемся сделать кое-что в этом отношении. Когда был убит корреспондент „Правды“ тов. Спиридонов и нужно было судить его убийцу, в нашем уголовном кодексе не нашлось подходящей статьи для этих убийц,—их пришлось судить „по аналогии“. Теперь мы стараемся создать все необходимые статьи на все случаи преследования наших корреспондентов. Вот у меня проект закона о печати. Я надеюсь, он в скором времени в той или иной редакции станет законом. Здесь между прочим имеются такие пункты:

„Действия, имеющие целью воспрепятствовать оглашению в печати данных о злоупотреблениях, преступлениях и ошибках, результатом которых могли быть политический или экономический ущерб государству или рабоче-крестьянским организациям, караются согласно ст.... Угол. Кодекса.

Угрозы, ложный донос, увольнения, перемещения на низшую должность, перевод с одного места на другое, связанный с понижением заработка и ухудшением условий труда, индивидуальное понижение оплаты труда, проводимые по отношению к сотрудникам и корреспондентам газет в связи с их литературной деятельностью со стороны учреждений и должностных лиц, рассматриваются, как покушение на свободу печати трудящихся и караются по ст.... Угол. Кодекса“.

Таким образом в скором времени лица и учреждения, покушающиеся на свободу нашей печати, будут иметь дело с достаточно ясными и точными статьями Уголовного Кодекса. (Аплодисменты.)

Об аппарате.

Теперь—последний вопрос об аппарате печати. Вчера вы заслушали целых три доклада о книжном деле. Произошло это оттого, что в Москве нельзя найти ни одного человека, который мог бы сделать доклад о всем книжном деле, нельзя найти потому, что у государства нет аппарата, который бы охватывал все дело нашей печати. Мы за время революции понастроили чудовищное количество всяких учреждений, но руководящего учреждения по линии печати у нас не было и нет. И когда мы теперь настаиваем на организации специального аппарата печати, нам говорят: а вы забыли про сокращение штатов? Но ведь по линии печати у нас ничего нет, ведь здесь сокращать просто нечего, тут нужно еще только создать...

Первый с'езд журналистов, состоявшийся в ноябре 1918 г., поставил вопрос об аппарате печати неправильно. Он смешал три функции—советскую, профессиональную и партийную—он хотел соединить все это в один комиссариат печати и пропаганды. Из этого ничего не вышло и выйти не могло. Опыт показал, что нужны три аппарата—по линиям профессионально-производственной, партийной и советской. Первых два аппарата у нас имеются. Нет аппарата по советской линии, и это страшно затрудняет работу. Когда нам, п/отделу печати ЦК, приходится в государственных учреждениях выступать по вопросам: бумажному, типографскому, закону о печати и т. д., и т. п., каждый раз нужно искать псевдоним, ибо партийный аппарат законом не признается. Сегодня мы выступаем под псевдонимом Главполитпросвета, завтра берем „форму“ Наркомпроса, послезавтра—Госиздата и т. д. Вы понимаете, что все это страшно осложняет работу.

С другой стороны, вообще нельзя партийным аппаратом решать те вопросы, которые решаются по государственной линии. Тот же бумажный трест имеет государственный аппарат, и для того, чтобы с ними сладить, нужен правительственный аппарат. Или возьмите статистику печати. Это колоссальной важности дело, и нельзя ее поставить, не имея государственного аппарата. В ЦК на это дело мы имеем двух работников. Нельзя же с двумя работниками наладить статистику всей советской печати.

И еще одно важнейшее обстоятельство. Мы сейчас начали поступательное движение вперед. Но оно непрочно, мы можем тут сорваться. Если сорвемся, потом подыматься будет значительно труднее, и для того, чтобы не сорваться, мы должны быть подкованы со всех сторон, и прежде всего иметь прочную опору в государственном аппарате.

В каком виде этот аппарат будет организован, это вопрос второстепенный. Но здесь вот что необходимо подчеркнуть: **аппарат, руководящий всей печатью, не может быть частью какого-либо ведомства. Никакому ведомству печать подчинить нельзя.** Она должна находиться в прямой зависимости от высшей власти, так же как находится в прямой зависимости от высшей власти суд. Как суд нельзя подчинить администрации, точно так же нельзя печать подчинить администрации. Вот то основное, что мы должны сказать здесь по этому вопросу.

Что касается руководства печатью по партийной линии, то оно происходит всего несколько месяцев. Не скажу, чтобы она была поставлена удовлетворительно. Главным недостатком ее является слабая связь с местами, слабое руководство мест из центра. Сейчас мы убедились, что нельзя инструктировать из Москвы какую-нибудь Стерлитамакскую или Мурманскую газету. Мы приходим к мысли о необходимости децентрализации руководства печатью. Из областей должно итти непосредственное инструктирование местных газет, а мы будем руководить областным аппаратом и газетами областного значения.

Очередные задачи.

Теперь в чем заключаются наши основные очередные задачи? Укрепившись на достигнутом успехе, неуклонно итти вперед. Ни шагу назад. 10 миллионов экземпляров газет ежедневно. Наладить в наших газетах умелое освещение жизни и работы нашей партии, выдвинуть на передний план практические вопросы культуры и просвещения...

Товарищи, главнейшая опасность, которая ныне угрожает нашей революции, это возможное перерождение нашей партии; первый шаг к перерождению—отрыв от массы. Наоборот, одна из главнейших гарантий сохранения классового характера нашей партии—это теснейшая связь с массой. Наилучшее средство связи с массой—печать. Мы имеем великую партию, мы должны иметь печать, достойную этой партии. В этом отношении от нас, работников печати, зависит очень многое. В 1923 г. мы значительно сильнее, чем когда либо за предыдущие годы, мы заняли более заметное место под советским солнцем, чем когда-либо раньше. Мы можем и должны в интересах революции расширить это место.

У нас уже говорилось о необходимости специализации. На ряду **с ней нам необходима фанатическая преданность делу, профессиональное самосознание и профессиональная гордость. Советский журналист, советский работник печати—это должно звучать гордо. Мы ведь работники первой в мире пролетарской печати. Так будем достойными этого великого звания и великой чести, возложенной на нас историей.**

Чем должна быть „Правда“?

(Из заключит. речи на IV с'езде работн. печати.)

Товарищи, я нахожусь, по сравнению с т. Бухариным, в неблагоприятных условиях, потому что он бил по видимому противнику, а я вынужден полемизировать с т. Бухариным в его отсутствие...

Прежде всего я должен устранить одно, может быть, недоразумение, хотя думаю, что говорил ясно. Я не сторонник узко „сословных“ газет. Я не говорю: рабочая газета должна писать исключительно о рабочих вопросах, крестьянская—о крестьянских и т. д. Тезис мой таков: газета должна быть **разносторонней**, освещать **все** важнейшие вопросы дня, но она при этом должна знать **своего** читателя и об этих различных вопросах с ним особо, по-своему, говорить. Вот в чем суть вопроса.

Тов. Бухарин говорит относительно Америки, но ведь то Америка, а у нас РСФСР. Америка страна богатая, а мы страна бедная. Там газета выходит в 16, 24 и 32 страницы. Можем ли мы в ближайшие 5 лет позволить себе такую роскошь? Когда „Правда“ выпускает 8 страниц, Шведчиков на стену лезет, а если она выходила бы ежедневно по 16—20 страниц, то мы усилили бы бумажный кризис до невероятной степени, да и „Правда“ этого материально не выдержала бы. Для американских газет совсем не то значение имеет Центробумтрест, какое он имеет для нашей печати, в том числе и для „Правды“.

Затем второй момент—это разговоры о старой „Правде“. Она, мол, была построена так-то и так-то, следовательно, и теперешнюю „Правду“ построить по старому образцу. В 1912—1914 гг. у нас была **одна газета**, сейчас у нас 500 газет. Неужели это обстоятельство можно упускать из виду?

Тов. Бухарин указывал, что у меня концы не связаны с концами, что я впадаю в противоречие. Это неверно. Он искал противоречий там, где их нет. Разве я хоть одним словом обмолвился о том, что нужно всех рабочих корреспондентов из'ять из „Правды“? Разве я говорил, что отдел рабочей жизни должен быть изгнан из „Правды“? Ничего подобного. Я говорил т. Бухарину: вы обязаны вопросы рабочей жизни освещать, весь вопрос в том, **как** освещать. Раза два в споре с ним по этому вопросу мы упоминали про баню. Тов. Бухарин говорил: мы должны писать о банях. Я ему отвечал: о банях № 2, № 3, обо всех отдельных банях должны писать газеты местного значения, газеты массовые. „Правда“ также должна писать о банях. Но как? Соберите разнообразные заметки из газет о банях, найдите в этих заметках общее, основное и напишите хоть передовицу,—это будет наилучшее обслуживание рабочей жизни.

Сегодня здесь т. Урицкий поставил вопрос именно так, как я указывал в споре с тов. Бухариным. Урицкий говорил: „Правда“ должна **ставить вопросы,** а местные газеты и издания типа „Рабочей Газеты“ должны подводить **фактический фундамент.** Это правильная постановка вопроса. Я так и говорил. Но т. Бухарин недоволен, вы, мол, хотите нашу газету превратить в епархиальные ведомости. Нет, это неправда. Мы добиваемся, чтобы „Правда“ была живой и энергичной газетой, чтобы она была в постоянном контакте с рабочими массами и жизнью.

Сейчас этого контакта у „Правды“ нет. У „Правды“ есть **иллюзия** контакта с рабочей массой, а на самом деле те случайные корреспонденции с фабрик и заводов, которые она помещает на своих страницах,—эти разрозненные рабочие корреспонденции не устанавливают связи „Правды“ с рабочей массой. Это иллюзия, говорю я. Не нужно обманывать себя.

Наша партия, говорит т. Бухарин, руководит политически и одновременно находится в связи с массами, так же должен быть построен ЦО партии: руководить и быть в связи с массами. Иначе **партия** оторвется от масс. ЦК руководит, но члены ЦК выступают же на массовых собраниях... В той мере, в какой члены ЦК выступают на митингах, и „Правда“ может, конечно, „связываться с массами“, но здесь опять-таки самообман. ЦК связывается с массами не посредством выступления членов ЦК на митингах, а при помощи проникающей до самых низов организации. „Правда“, конечно, должна печатать корреспонденции с крупнейших фабрик и заводов, устраивать конкурсы и т. д., но все это не даст связи со всей рабочей Россией. Если бы ЦК рассуждал по-бухарински, он должен был бы распустить все местные организации и связаться с массами при помощи десятков тысяч делегатов и курьеров.

С своей стороны и „Правда“, дабы не потерять контакта с массами, должна была бы помещать на своих страницах десятки тысяч корреспонденций в год. Но это физически невозможно, и отсюда необходимо сделать практические выводы. Есть бесчисленные возможности установить связь с массами. Возможность же, на которую упирает редакция „Правды“ в лице тов. Бухарина, не дает ничего реального. Партия связывается с массами посредством своих организаций и посредством всей своей печати. Нигде не сказано, что партия, которая имеет 500 газет, должна стараться связываться с массами исключительно через центральный орган. Это невозможно и ни из чего не вытекает. Тогда нужно закрыть „Рабочую Газету“, закрыть „Рабочую Москву“ и ряд местных газет. А между тем ЦК партии, выпуская „Рабочую Газету“, исходил именно из необходимости диференциаци, распределения между различными газетами различных групп читателей.

„Правда“ должна обобщать, она должна собирать бесчислен-

ные факты и вливать в них живую душу. „Правда“ идет по линии **наименьшего сопротивления**. Получить рабочие корреспонденции и напечатать—это не такое уж трудное дело, ты вот сумей посредством массы рабочих корреспонденций, разбросанных по всей нашей печати, нащупать в рабочей жизни самое больное, самое основное, самое живое, что в ней имеется в настоящее время. Кроме „Правды“, этого никто не может сделать. Отдельные рабочие корреспонденции может печатать любая газета, но собрать их, нащупать пульс рабочей жизни—это должна делать **только центральная газета нашей партии.**

В такой постановке вопроса нет и тени коварства. Мы все, особенно старые литераторы большевистской партии, лично связаны с „Правдой“. Мы хотим в ее лице иметь лучшую газету в мире, и потому так много говорим и спорим с таким милым человеком, как Николай Иванович Бухарин. Скажите, кому охота без крайней общественной нужды спорить с тов. Бухариным?

В прошлом году, когда предположено было издавать „Рабочую Газету“, я лично и первый редактор „Рабочей Газеты“, тов. Еремеев, говорили тов. Бухарину: „Мы согласны, чтобы эта „Рабочая Газета“ была вторым изданием „Правды“. Мы полагаем, что второе популярное издание „Правды“ может выполнять функции „Рабочей Газеты“. С этим тогда не согласились, и „Рабочая Газета“ вышла в качестве самостоятельного издания. В течение нескольких месяцев она нащупала своего читателя. Она держит курс на миллион экземпляров ежедневно. Миллион экземпляров популярной газеты можно продвинуть в массы, но хотя бы полмиллиона „Правды“ распространить в массах не удастся, да этого и не требуется; ни из чего не вытекает, что рабочий обязательно должен читать газету под названием „Правда“. Важно, чтобы он читал **большевистскую** газету. У тов. Бухарина такое представление, что если „Правда“ не связана непосредственно со всеми фабриками и заводами республики, будто бы партия теряет связь с этими фабриками и заводами. Это совершенно неверная постановка вопроса. Я вынужден еще раз подчеркнуть элементарную истину: **связь всей нашей печати с массой—это и есть связь партии с массой.**

Мы имеем около 500 газет. Каждая из них должна найти своего читателя, должна занять свое место в ряду других газет. „Правде“ мы предлагаем занять по праву ей принадлежащее **первое место** и не оспаривать ни у кого второстепенные и третьестепенные места.

О стенной газете.

(Предисловие к брошюре Г. Ярцева „Стенная газета".)

Власть наша—необычная власть: никогда в истории такой власти не было. Партия наша также непохожа на известные в истории старые партии. И печать наша особенная, также непохожая на старую печать господствовавших ранее и ныне господствующих во всем мире, кроме России, классов.

В чем основное **отличие** нашей советской печати? В том, что она по своему **направлению** целиком служит рабочему классу и трудящимся массам вообще, в том, во-вторых, что она **ведется при непосредственном участии представителей рабоче-крестьянских масс**. Печать наша отражает на своих страницах и то, что делается на самом верху, в центральном правительстве, в центральных партийных, профессиональных и т. д. организациях, и то, что делается в самом низу—на фабрике, заводе, в мастерской, селе, совхозе и т. д., и т. п.

Старая буржуазная печать знала только общественную верхушку, жила ее жизнью, дышала ее интересами. Наша советская печать живет прежде всего жизнью миллионов людей, дышит мыслями, переживаниями, настроениями этих миллионов.

Для того, чтобы разрешить многообразнейшие задачи, лежащие на советской печати, необходимо большое разнообразие органов печати, необходима широко разветвленная **система газет.**

Центральная газета, издающаяся в столице Республики, не может охватывать всего многообразия вопросов—и верхушек, и самых низов. Она неизбежно должна ограничиваться широкими, общегосударственного значения, вопросами. Губернская и даже уездная газета, и те не могут в должной мере отразить во всем ее многообразии жизнь и работу завода, фабрики, села, казармы.

Между тем у нас работа и по линии государственной, и по линии партийной, профессиональной, кооперативной, просветительной ведется в расчете на сочувствие, на поддержку тысяч и миллионов людей. **Все наше дело может двинуться вперед в той мере, в какой эти тысячи и миллионы будут поддерживать его.** Но они будут поддерживать его тем легче, тем скорей, чем больше будут **понимать.**

Стало быть, чем сознательнее отношение массы к тому или иному общественному делу, тем оно скорее и успешнее может быть разрешено.

Отсюда вывод. **У нас должна быть газета, которая неустанно следит за жизнью и работой завода, фабрики, села**, которая знает все их нужды, недостатки и которая в со-

стоянии быстро и живо откликнуться на злобу дня. Иными словами, нам нужна **газета предприятия, газета села.**

При теперешних условиях это может быть только **стенной газетой**. Впоследствии, возможно, мы придумаем иной, несколько более широкий, способ распространения наших местных газет.

В чем основная задача местной стенной газеты?

В том, чтобы **массы заинтересовать, вовлечь в работу, массы сделать сознательными и активными участниками общественного дела.**

Основное для стенной газеты, разумеется, местные вопросы, но необходимо постоянно помнить и подчеркивать **связь местных вопросов с общими.**

Если, например, пишется заметка о сокращении штата в данном предприятии, то необходимо выяснить, какие общие (конкретные, точные, для всех понятные) причины вызывают это сокращение. Предприятие, село, казарма — часть государства, местные нужды и вопросы неразделимо связаны с общегосударственными нуждами и вопросами. Этим сознанием **пронизывая** все свое содержание, стенная газета тем самым будет **расширять горизонт** местного читателя и будет содействовать его превращению **из обывателя в гражданина.**

Еще одно обстоятельство.

Местная заводская, фабричная, сельская стенная газета должна служить до некоторой степени фундаментом для губернских, уездных, центральных газет. Опираясь на их материал, большие печатные газеты должны иметь возможность **обобщать** вопросы рабочей жизни.

Нечего и говорить о том, что с политической стороны стенные газеты должны быть вполне выдержанными коммунистическими газетами.

Предлагаемая вниманию товарищей книжка дает ценные указания по вопросу об организации стенных газет. Руководясь этими указаниями, мы можем и должны покрыть всю страну сетью ярких, боевых, толково составленных стенных газет.

Эти газеты обращаются к самым низам. **При умелой постановке их влияние может быть огромным, при умелой постановке они смогут и должны сыграть великую роль в деле преобразования всей нашей жизни, в деле упрочения республики труда.**

Милюков о красной печати.

Вражеская похвала „Гудку“.

Недавно вождь партии кадетов Милюков в своей газете „Последние Новости“ (издается в Париже) посвятил большую передовицу красной печати. Милюкову эта печать, разумеется, ни с какой стороны не нравится. Он приводит неверные, почти втрое преуменьшенные данные о тираже наших газет, он считает все их скучными, бездарными, казенными.

И вся беда, по мнению Милюкова, в том, что в республике советов нет „свободы печати“. Вот если бы милюковская газета выходила не в Париже, а в Москве, если бы Сытину позволили возобновить „Русское Слово“, Рябушинскому—„Утро России“, Гучкову—„Голос Москвы“, если бы буржуазия на ряду с обработкой сырья на заводах могла обрабатывать еще мозги трудящихся,—вот тогда у нас была бы не казенная, не скучная, а очень даже веселая печать...

С Милюковым никак согласиться не хотят и потому—уверяет обиженный революцией кадетский профессор—**„тщетно бьются вот уже пять лет коммунисты над задачей создать свою пролетарскую печать... бьются и опускают бессильно руки“.**

Мы, граждане Советской Республики, знаем, как жестоко ошибается вождь партии кадетов. Первая в мире пролетарская печать создана. Ныне речь идет об ее усилении, расширении, укреплении. Быть может, эта печать с точки зрения обывателя или, как Милюков выражается, „беспартийного читателя“ и скучновата, но с точки зрения миллионов трудящихся масс, рвущихся к свету и знанию, советская печать стоит на единственно правильном пути. Еще очень много у ней недостатков, но в основе своей она строится на правильных началах.

Милюков сам чувствует, что слишком увлекся в своем охаивании советской печати. Под конец он вынужден признать, что не все в ней плохо, что **„маленькие газеты для рабочих в роде „Гудка“** являются **живой частью советской прессы“.** Милюков вынужден признать, что эти „маленькие газеты“ и прежде всего „Гудок“ встречают **„сочувственные токи читательской массы“,** что они окружены „дружественной средой“, что скучными, казенными их считать нельзя.

Эта вынужденная вражеская похвала стоит немало дружеских похвал. Враг хотел бы представить всю нашу печать в одном мрачном свете, но не может: такие газеты, как „Гудок“, портят настроение всем Милюковым. Ясно, что при наличии такой прессы коммунисты не имеют никаких оснований „опускать бессильно руки“. Наоборот, в области печати, как и во всем остальном, коммунизм весь еще впереди. Пролетарская печать

только еще начинает развертывать свои силы. „Гудок“ также далеко еще не сказал своего последнего слова...

Сегодня много справедливых дружеских похвал услышит наш юбиляр. Думаю, что и вражеская похвала Милюкова стоит немало, ибо, повторяем, это—похвала вынужденная, со скрежетом зубовным произнесенная.

Пламенный привет пролетарской газете, которая даже своих злостных врагов заставляет признать её достоинства! Пусть все выше поднимает „Гудок“ знамя рабочей большевистской печати!

Примечание. Заметка была напечатана в юбилейном номере „Гудка“ 16-го сентября 1923 г.

Газета в системе партийного аппарата.

I.

Если ближе присмотреться к нашей местной печати, можно легко заметить, что она не только политически и литературно малограмотна,—она, к несчастью, в большинстве случаев **непартийна, некоммунистична** [1]). Газета, конечно, „стоит на советской платформе“, ведется в „советском духе“. Но этого ведь недостаточно. **Всякая советская газета должна быть газетой партийной, коммунистической—по направлению, по духу, по темам.** Непартийной, неопределенной, хотя бы по названию и советской, газеты нам не нужно.

16 лет назад, в ноябре 1905 г., В. И. Ленин писал:

> „Социалистический пролетариат должен выдвинуть **принцип партийной литературы**, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме... **Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела**, „колесиком и винтиком“ одного единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. **Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, об'единенной социал-демократической партийной работы“.**

Эта совершенно бесспорная мысль на местах не усвоена. На литературное дело редко кто смотрит, как на часть партийной работы. Обычно во главе газет оказываются весьма плохие комму-

---

[1]) Статья написана в начале 1922 г. Для 1923 года такое утверждение являлось бы явным преувеличением.

нисты, а то и вовсе беспартийные люди. Наши местные руководящие работники часто не задумываются над тем, что партийную газету может создать партийный редактор, имеющий партийных сотрудников.

Труд непартийного журналиста должен быть использован и даже очень использован. Среди них найдутся ценные технические работники, дельные информаторы и т. д. **Но издание, в котором преобладает фактическое влияние беспартийных сотрудников, никогда не будет нашим партийным изданием.** Следовательно, по сути дела такое издание является враждебным нам изданием, если даже там через каждые десять строк клянутся именем коммунизма, если даже беспартийные сотрудники искренно стремятся „сделать“ газету „под коммунистическую“. Весь вопрос в том, что газета—мозг и душа партии, и чужими руками, „по заказу“, ее сделать по-настоящему нельзя.

Нам нужна партийная, коммунистическая газета, которая согласно нашей программе и тактике будет освещать все без исключения вопросы. О чем бы советская газета ни говорила, она должна говорить с точки зрения нашей партии, а не высказывать „хорошие мысли“ вообще. Между тем сколько обывательщины, беспартийности, расплывчатости, неопределенности в наших газетах! Мы окружены именно океаном „беспартийности“ и мещанства, и борьба с этой язвой—одна из серьезнейших задач партийно-советской печати. Но для этого она должна **перевооружиться**, перестроиться, стать твердо на рельсы выдержанной партийности.

II.

Что значит конкретно: газета—часть общепартийного механизма? Это значит, что редакция фактически является одним из важнейших **отделов** партийного комитета, что она неразрывно связана с общепартийной работой, непосредственно отражает партийную жизнь. Газета лучше, чем всякий другой орган, может связать партию и власть с массой. Но эту необходимую связь газета сможет установить в том случае, если сама правильно, нормальными путями будет связана с партией.

Эту нормальную связь может установить **редактор** газеты, который сам должен быть одним из руководителей и „творцов“ местной политики, видным членом местного партийного комитета, авторитетным партийным работником. Такой редактор вдвинет газету в систему общепартийного аппарата, обеспечит ей партийную поддержку. А партия, в лице газеты, получит могучее средство для связи и идейно-политического воздействия над самыми широкими массами.

Но каковы в таком случае должны быть „правовые“ взаимоотношения между партийными комитетами и редакциями? Некоторые советские литераторы мечтают о том моменте, когда наша печать станет „шестой независимой державой“. Это, конечно, пустяки.

Печать никогда не была независимой. Она всегда зависела от партий, групп, клик, банков, бирж, министерств, двора и т. д. В наиболее „партийной“ в мире республике государственная печать менее всего может быть политически независима от господствующей партии. Одно уже то обстоятельство, что партийно-советскую печать мы вдвигаем в рамки партийного механизма, указывает на то, что ни о какой принципиальной независимости наших печатных органов не может быть и речи. Наша печать—орудие нашей партии и власти. Это ясно и бесспорно.

Но это ни в коем случае не значит, что наши редакции не пользуются **самой широкой деловой автономией**, организационной самостоятельностью. Редакции—часть общепартийного аппарата, они зависят от него. Но на них возложена ответственная, сложная, „деликатная“ работа, и в выполнении этой работы они обязательно должны быть **самостоятельны**. Тут уже „вмешательство в мелочи повседневной работы“ абсолютно недопустимо, как говорит резолюция VIII с'езда партии.

Мы сказали: редакция—важнейший отдел партийного комитета. Слово „отдел“ нужно понимать не в узко-административном, а в политическом смысле. Обычный отдел связан с парткомом не только идейным, но и канцелярским путем. Между газетой и президиумом партийного комитета канцелярская связь может держаться на ниточке, но идейно-политическая связь должна быть самая тесная. С другой стороны, в своей повседневной работе газета должна иметь больше самостоятельности, чем всякий другой отдел партийного комитета. Порученную работу редакция должна вести под своей ответственностью. **Недопустимы, позорны, преступны давления, нажимы, придирки со стороны исполкомов и парткомов, которые почти никогда не касаются принципиальных вопросов и почти всегда имеют целью заставить газету замолчать то или иное преступление, злоупотребление, ошибку.** Если наши газеты не будут разоблачать, бичевать, высмеивать преступления, ошибки, недостатки, то как смогут они содействовать оздоровлению и укреплению всей нашей жизни?

Чиновник, бюрократ, „человек ведомства“ никогда не долюбливал газетчика, „щелкопера“, „корреспондента“. Он не любит журналиста и в Советской России. **Но человек партии, человек государственный должен понимать значение печати и обязан дать ей полную возможность развернуть воспитательную, обличительную, разоблачительную работу.** Газета должна находиться **под защитой партийной организации в целом**, в лице ее парткомов, конференций, общих собраний. Газетная работа должна быть признана важнейшей партийной функцией, которая **при самой тесной идейно-политической связи с парткомом выполняется организационно самостоятельно от него**. Разумеется, эта организационная самостоятельность не исключает, а подразумевает партийный контроль и руководство даже и в этой области.

III.

В настоящее время партийных профессионалов-журналистов у нас почти нет. Но без них в Советской республике не будет прилично поставленной коммунистической печати. Нам безусловно необходимо вызвать к жизни кадры партийных журналистов-профессионалов, об'единить их, поднять авторитет нашего советского литератора.

Но тут следует предвидеть одну небольшую, но вполне реальную **опасность засилия „литераторов“**. Даже сейчас, при общей забитости нашей печати, бывают случаи, когда литераторы-профессионалы, пользуясь тем, что их „некем заменить“, навязывают в принципиальных вопросах организации свои „особые взгляды“, тем самым редактируемую ими газету превращая фактически из органа всей организации в орган личный или кружковый.

История нашей партии знает немало случаев проявления „своеволия“ со стороны партийных публицистов и журналистов, правда, главным образом со стороны меньшевиков.

В 1905 году в рядах германской социал-демократии на этой почве произошло любопытное столкновение. Под влиянием русской революции борьба между „ревизионистами“ и „ортодоксальными“ марксистами обострилась. Большинство партии и ее Центр. Комитет стояли на точке зрения „ортодоксии“. Большинство партийных литераторов, и прежде всего редакция центр. органа партии „Форвертс“, защищало ревизионистов и решительно отстаивало за ними „свободу мнений“. Среди „свободолюбивых“ „социалистических“ журналистов совершенно серьезно стал обсуждаться вопрос о **„стачке литераторов“**, дабы путем стачки заставить партию признать за ревизионистами право на „свободу критики“.

Центр. Комитет партии, руководимый покойным Бебелем, на разговоры о стачке ответил тем, что сместил всю редакцию „Форвертса“ и назначил туда новых редакторов. Среди уволенных был один из будущих вождей германских независимцев, убитый в 1919 г. черносотенцами, Курт Эйснер.

По поводу этого нового „насилия“ в партии разгорелась полемика. Ревизионисты в поведении ЦК партии видели совершенно недопустимое „прислужничество перед его величеством пролетариатом“. „Ортодоксы“, в лице Каутского, на это отвечали просто и ясно: партийные редакторы и журналисты пишут **по поручению партии** и, пока они остаются на своем официальном посту, не имеют права выражать свои личные мнения. Они обязаны проводить в жизнь мнение партии, придерживаться ее решений.

„Стачка литераторов“ нам, разумеется, не угрожает. Но трения между партийными комитетами и окрепшими, усилившимися группами журналистов вполне возможны, поэтому необходимо с самого начала поставить дело так, чтобы серьезные трения были невозможны. Что для этого нужно сделать?

Партийная газета не должна быть продуктом только лишь узкой группы журналистов-профессионалов. Партийная газета должна быть плодом широкой, коллективной партийной мысли. Газету организационно связывает с парткомом редактор. Но этой связи явно недостаточно. На ряду с ней необходима более широкая, **органическая** связь активной партийной публики с газетой.

В чем должна выразиться эта связь? В том прежде всего, что каждый партийно-советский работник будет одновременно и сотрудником газеты. Опыт нашей рабочей печати показал, что всякий, даже полуграмотный, товарищ может в той или иной мере сотрудничать в своей партийной газете. Опыт показал, что внимательный, добросовестно работающий редактор может за сравнительно короткий срок из полуграмотного рабочего-сотрудника „сделать" недурного журналиста. Мы могли бы назвать имена ряда наших виднейших рабочих коммунистов, которые путем более или менее усердного писания в старой „Правде" 1912—1914 гг. научились прекрасно владеть пером.

Почти каждый наш партийно-советский работник умеет говорить, но очень немногие умеют писать. Между тем научиться писать легче, чем научиться произносить речи. Многим из нас совершенно серьезно необходимо взяться за изучение этого несложного искусства. Сделать это можно... писанием в наши газеты.

Но и сейчас, если постараться, вокруг каждой газеты можно собрать более или менее широкую группу партийных „полу-журналистов" и „четверть-журналистов". Их обязательно нужно собрать! Редакция должна быть **обвита, обложена, обволакиваема** широкими партийными кругами. Редактор должен опираться на две коллегии: узкую, собственно редакционную тройку и на широкую коллегию сотрудников. В эту коллегию необходимо зачислить всех более или менее постоянных сотрудников газеты, будет ли это продкомщик, пишущий о продналоге, или работница, пишущая о работе среди женщин, или секретарь райкома, дающий заметки о парт. жизни, или рабочий, пишущий о своем заводе. Всем им нужна газета, все они на ее страницах освещают доступный им уголок жизни и работы, разрешают возложенные на них задачи. И нужно, чтобы каждый из них чувствовал себя частью газеты. **Необходимо, чтобы каждый партийный сотрудник, пусть непрофессионал-газетчик, мог заглянуть „во внутрь" газеты, сблизиться с ней, понять ее нужды и потребности, высказать свое мнение об ее достоинствах и недостатках...**

Таким путем газета укрепит свое положение, шире распустит корни, органически свяжется с местной партийно-советской жизнью. При такой постановке дела журналисты-профессионалы не оторвутся от общепартийной организации. У них не будет „монополии" на знание газетного дела.

* * *

„Газета в системе партийного аппарата“—это значит: 1) связь с партийной организацией и сверху (редактор—член парткома) и снизу (широкая коллегия партийных сотрудников), 2) постоянное партийно-политическое руководство редакции при ее широкой деловой автономии, 3) организация кадра партийных журналистов-профессионалов, обволакиваемых широкими кругами активных партийно-советских работников.

Не только желательно,—крайне необходимо, чтобы возможно скорее редакции наших газет были перестроены на основе указанной нами схемы. Сейчас наши периодические издания переживают всесторонний кризис. Отнесемся, наконец, к газетному делу, как к важнейшему партийному делу!

Партком и газета.

Допустим, что партийный комитет понял всю важность газеты и задался целью превратить ее в живой, яркий, боевой орган партии. Как он должен подойти к делу, какие практические шаги необходимо ему предпринять, чтобы провести в жизнь намеченную цель?

Прежде всего встанет вопрос о **редакторе и сотрудниках.** Партия говорит: в газете необходимо посадить строго партийных людей, но откуда их взять? Все ответственные товарищи заняты важнейшими работами по советской или партийной линии. Там они „незаменимы“. Как же быть? Но это не все. Ведь газетная работа—**специальная** работа. Она требует знания, умения, навыка. Как же выйти из этого положения?

Не скажу, чтобы выход был простой, но он имеется, его только нужно найти. Если мы вспомним слова тов. Ленина о том, что **газета является частью общепартийного аппарата**, то мы найдем путь, по которому нам необходимо в данном случае итти.

Газета—часть общепартийного аппарата, но часть, наиболее близкая к его центру, часть, которая „одухотворяет“ все остальные части. Небольшая справка. До взятия нами власти редактором наших центральных органов—нелегальных и легальных—являлся вождь нашей партии тов. Ленин. На местах наши газеты редактировали товарищи, игравшие руководящую роль в организации. После октябрьского переворота т. Ленин не мог, понятно, остаться редактором центрального органа, но его место занял другой руководитель, одна из наиболее светлых голов нашей партии—Н. И. Бухарин. А более или менее систематически сотрудничают в нашей печати **все** руководящие элементы нашей партии—Ленин, Троцкий, Сталин, Зиновьев, Каменев и другие. Я уж не говорю о т. Радеке, который огромную практически-организационную работу по Коминтерну и в рядах нашей партии совмещает с широкой, многосторонней газетно-журнальной работой.

Я совсем не хочу сказать, что наша центральная печать поставлена безукоризненно. Напротив, она имеет очень много недостатков. Эти недостатки об'ясняются в значительной степени тем, что наши столичные газеты имеют весьма слабый, немногочисленный кадр постоянных работников.

Но наша столичная печать является образцовой в смысле **вовлечения в газетную работу руководящих партийных элементов.** Ни в какой стране руководители власти не пишут столько, сколько в нашей стране. Это понятно. Это очень хорошо. И в этом отношении провинциалам нужно поучиться у Москвы.

Возьмите нашу обычную губернскую или уездную газету. Кто в ней пишет? „Ответственный редактор"—раз. Полуграмотный хроникер—два. Редкий, случайный сотрудник на случайную тему—три. Но больше всех пишет под различными псевдонимами злополучный „ответственный редактор", который на ряду с этим имеет массу других обязанностей по газете или еще вне газеты. А что делают местные руководители партии и власти? Их подписи в газете обычно появляются под приказами, инструкциями, циркулярами, опровержениями. Сотрудничать в газете—это ниже их достоинства. В юбилейном номере еще смогут они снизойти, но в будни им некогда заниматься такими пустяками, как газетная статья,—они заняты важными делами, они „руководят"...

Но хороший, действительный руководитель серьезного дела, большого учреждения, в особенности широкой организации, обязательно часть своего руководства должен осуществлять при помощи газеты. Предгубисполкома подписал приказ. Он публикуется в газете. Если можно, в том же номере, в крайнем случае в ближайшие же дни предгубисполком должен напечатать статью по вопросу, затронутому в подписанном им приказе. Это имеет огромное практическое, руководящее значение. Скажут: а где же предгубисполком найдет время? Разумеется, он, администратор, постоянным сотрудником газеты не может быть. Но если он не занимается мелочами, если он не тратит времени в пустой болтовне, всегда найдет время и возможность для того, чтобы откликнуться на важнейшие вопросы текущей жизни. Если наркомзем Осинский, наркомздрав Семашко и целый ряд других администраторов могут довольно часто печатать свои статьи в газетах, почему предгуб или предуисполкома не может этого сделать?

Другой пример. Все слышали о товарище Буденном. Это—человек, который вырос в военной обстановке. Грамоте научился недавно. К журналистике особого влечения у него нет и не может быть. Но тов. Буденный хороший революционер, он вышел из массы и знает массу. Он понимает, что даже на фронте одними приказами ограничиваться не следует. И **т. Буденный писал и пишет статьи для массовой военной газеты „Красный Кавалерист".** Приказ—„метод принуждения"—он дополняет статьей—методом убеждения. Вот поистине „пример, достойный подражания"!..

Газета—важнейшая часть общепартийного механизма. Газета—сильнейшее орудие партии. Во главе газеты в области, в губернии, уезде должен стоять наиболее авторитетный представитель партийной организации. С этой точки зрения наиболее подходящим редактором является секретарь парткома или заведующий агитпропотделом. Секретарь, если он имеет дельного помощника, толкового управляющего делами, если он не тратит времени на пустяки и не занимается болтовней, вполне может совместить эти две работы, ибо если правильно подойти к делу, то обнаружится, что секретарю легче осуществить руководство партийно-советской работой, если он направляет непосредственно газету. Но для этого, повторяю, необходимо, чтобы секретарь был руководителем, а не чернорабочим, и в парткоме и в редакции. Здесь ему необходим помощник, знающий газетное дело, необходимы дельные постоянные сотрудники. Для того, чтобы такие работники были, необходимо полностью осуществить циркуляр ЦК партии об учете журналистов-коммунистов. Их нужно извлечь отовсюду и перевести на литературную работу. Найдутся такие журналисты или „полужурналисты", которых не удастся снять с административной работы. Но тогда такие товарищи во всяком случае должны быть приближены к редакции, на них обязательно должна быть возложена определенная, вполне выполнимая, газетная „повинность".

Конечно, я совсем не хочу сказать, что редакторами местных изданий обязательно должны быть секретари парткомов. Это—один из лучших выходов. Но что обязательно, так это то, что во главе редакции должен быть поставлен авторитетный член данного парткома. В своей повседневной работе он должен опираться, с одной стороны, на по необходимости не очень большой кадр газетных работников, а с другой—на широкие круги партийно-советской публики. Газета, которая не является плодом коллективной партийной работы, газета, которую „делают" ножницами и клеем два-три оторванных от партии и совета газетчика, такая газета неизбежно примет вид прежних казенных „губернских ведомостей".

Но ведь, скажут, многие наши партийные работники не умеют писать для газеты. Верно, не умеют, но **должны научиться.** Я мог бы назвать ряд наших видных центральных партийных работников, которые буквально научились писать в нашей старой „Правде" 1912—1914 гг. под руководством К. С. Еремеева, Л. Сосновского и других постоянных сотрудников. Хороший, внимательный редактор в течение года совершенно незаметно может научить не один десяток товарищей „владеть пером". Но тут необходимо, чтобы прежде всего была побеждена наша чрезмерная российская лень...

Такова должна быть первая и основная партийная помощь газете. А затем идут „мелочи", имеющие, однако, весьма важное значение для правильного функционирования такого сложного чувствительного организма, как газета.

Хорошо ли работают редакционные телефоны? От этого часто зависит своевременность и точность информации. Имеет ли редакция средства передвижения? Может ли она быстро получить отчет о собрании, происходящем в районе? Имеет ли газета деньги на „непредвиденные“ текущие расходы, без которых ни одна настоящая редакция обойтись не может? Идут ли ведомства навстречу редакции? Дают ли разные заведующие материал сотрудникам? Удовлетворительно ли работает типография? Что делает полиграфотдел для того, чтобы редакция не испытывала типографских затруднений? Каково материальное положение работников газеты?

Вот те важнейшие „мелочи“, которыми обязательно должен заняться каждый партийный комитет, если он реально захочет оказать помощь газете. А он должен захотеть, ибо эта помощь „окупится“ сторицей, ибо каждая хорошо поставленная газета окажет партийной организации гигантскую помощь в ее сложнейшей повседневной работе.

Редактор и коллегия.

В чем заключается главная обязанность редактора? В том, чтобы писать ежедневно по нескольку статей? Нет, обязанности редактора гораздо шире. Редактор может в течение месяца не написать ни одной статьи и тем не менее „делать“ превосходные номера газет.

Редактор—это руководитель, вдохновитель, главный организатор, „хозяин“ газеты. Редактор дает „лицо“ газете, направляет удар газеты сегодня в одну, завтра в другую, послезавтра в третью точку. Без редактора газета все равно, что армия без командующего. Она может иметь ценнейших сотрудников, эти сотрудники могут писать превосходные статьи. Но в итоге, если нет редактора, получится сборник статей, а не газета.

Газета—это нечто единое, согласованное, пригнанное. В газете статьи, телеграммы, хроника, корреспонденция—все это дополняет друг друга, все это подстрижено „под одну гребенку“, проникнуто одним взглядом, духом, тоном, настроением. **Разнотонность, разноцветность, разнобой убивают газету, превращая ее в „окрошку“.**

Чтобы не было разнобоя, нужен „командующий“—редактор, который всему придает определенную окраску, все подгоняет под нужный тон.

Но как? Неужели редактор должен пропустить каждую строчку через свои руки? В маленькой уездной газетке, выходящей один-два раза в неделю, вполне возможно, что редактор именно весь материал, подготовленный сотрудниками, просмотрит внимательно. Но, как общее правило, это, конечно, невозможно да и ненужно.

Возможно и необходимо, чтобы **сотрудники газеты работали по команде „редактора“**, под его руководством, по его указаниям. Возможно и необходимо, чтобы редаоктр систематически **проверял** работу заведующего отделом, корреспондента, технического сотрудника газеты. **Редактор приводит работу группы сотрудников—постоянных и случайных—к „одному знаменателю“**. Вот его первейшая обязанность.

Возьмем редакцию типичной губернской газеты. Сотрудников мало. „Редакционная коллегия“ числится на бумаге. Сидит один „ответственный редактор“ и пишет „за троих“. Материал в газету идет без должной обработки—он просто „сваливается“ в газету. Поэтому язык в газете ужасный, статьи и заметки скучны, заголовки нелепы и неграмотны, верстка кошмарная, в каждом номере несколько более или менее скандальных „промахов“,—редакторских, корректорских, метранпажских, наборщицких. Все это оттого, что хозяина нет в газете, заботливой и внимательной редакторской руки не чувствуется. „Ответственный редактор“—не редактор, а главный сотрудник—редактора нет в газете.

Что должен делать настоящий редактор? Прежде всего—**заставить других работать**. Газета должна выходить **согласно плану, учитывающему потребность момента в данной местности или во всей республике**. К выполнению плана, кроме постоянных сотрудников газеты, должно быть привлечено возможно большее количество работников партии, совета, профсоюзов. Самое лучшее, если можно „обойтись“ без статьи самого редактора, если другие напишут хорошую передовичку, дельную „вторую статью“, если план номера будет выполнен без его непосредственного участия.

Тогда редактор примется как следует за свое настоящее дело: „возьмет в обработку“ доставленный сотрудниками статейный и информационный материал, свяжет их друг с другом, пропитает единым духом, пригладит и причешет. В результате получится живая, цельная, грамотная, яркая газета—в том случае, конечно, если редактор знает свое дело и работает добросовестно...

При наших условиях обработка статей „посторонних“ сотрудников имеет первостепенное значение. Ни одна газета не может обойтись без статей товарищей, главным образом занятых на советской, партийной, производственной, профессиональной, кооперативной работе. Но, как общее правило, эти товарищи не газетчики, пишут они порою коряво, тяжело, нескладно. Большинство из них—рабочие, полурабочие. Их не учили писать.

Вот здесь и нужен редактор. Статью товарища „не газетчика“ он должен обработать внимательнейшим образом. Изменить заголовок. Поставить подзаголовки. Выделить курсивом важные места. Разорвать на несколько частей длинные, запутанные фразы. Выбросить все лишнее. В итоге газета получит нужную статью, завербует нового сотрудника, ибо таким путем „не газетчик“ начнет учиться газетному

„искусству“. Выше я уже указывал на то, что хороший редактор может за год „сделать“ немало ценных газетных работников...

Редактор об'единяет различные части газеты в одно целое. Но этого мало: редактор связывает газету с партией, советом, союзами, с массами. Редактор должен быть одним из руководителей и „творцов“ местной политики. Он должен быть членом местного партийного комитета. Его должны знать и видеть массы. Плох тот редактор, который вечно сидит в своем кабинете и с жизнью знакомится лишь по отчетам и протоколам.

Мы говорим все время о единичном редакторе. А что же делает „редакционная коллегия“? Или, быть может, она вовсе не нужна?

Нет, **коллегия нужна, но редактором в точном смысле слова она быть не может**. Когда вы видите под газетой подпись: „Редактор—редакционная коллегия“, то, как говаривал Козьма Прутков, „не верьте глазам своим“: данное издание либо не имеет редактора, либо фактически редактирует, „хозяйствует“ один из членов коллегии. Постоянно руководить газетой может только одно лицо. Коллегия необходима для обсуждения общего плана работы, для разрешения принципиальных вопросов, для разрешения судьбы спорных статей. Коллегия дает общие директивы—редактор непосредственно, изо дня в день, проводит их в жизнь, опираясь на сотрудников постоянных и „случайных“.

Повторяем, коллегия в редакции необходима. Даже больше, необходимы **две коллегии**: узкая и широкая. Узкая, собственно редакционная коллегия, собирается один—два раза в неделю. Широкая, собственно коллегия сотрудников, собирается один—два раза в месяц. В коллегию сотрудников следует зачислить всех более или менее постоянных сотрудников газеты. Необходимо, чтобы каждый сотрудник заглянул „во внутрь“ газеты, сблизился с ней, понял ее нужды и потребности, высказал свои соображения об ее достоинствах и недостатках.

Таким путем газета укрепит свое положение, шире распустит корни, теснее свяжется с местными руководящими органами, сблизится с живой жизнью, с ее борцами и работниками, перестанет ощущать вокруг себя гнетущую пустоту.

Рабочее государство и рабочая печать.

(Обвинительная речь по делу об убийстве корреспондента „Правды“ т. Спиридонова.)

Два процесса.

Товарищи! В минуту, когда мы здесь, на окраине Красной Москвы, приступаем к прениям сторон, там, в центре города, уже происходят прения сторон на другом процессе [1]). И здесь, и там суд один, но между обвиняемыми большая разница: там революционный суд судит наших классовых врагов, людей, с которыми у нас не может быть ни мира, ни перемирия, там борьба идет на уничтожение, там на скамье подсудимых чужие,— они были чужими и останутся чужими.

Здесь, на этом суде, нет классовых врагов, здесь рабочий суд судит рабочих, и в этом вся трагедия. Здесь не может быть намерения уничтожить классовых врагов во что бы то ни стало. С этой точки зрения мне лично казалось бы, что в этом процессе можно обойтись без обвинителя и в особенности без защиты. Трибунал в этом деле мог иметь докладчика и на основании того, что он сам увидит и услышит при помощи докладчика, совершенно свободно, беспристрастно, не волнуемый классовой ненавистью, мог бы вынести свой приговор.

Этим я хочу сказать, что роль суда и роль обвинителя здесь совершенно не та, что там, на другом процессе, происходящем в центре Москвы.

Трупный яд.

Для того, чтобы понять, каким образом сидящие перед нами рабочие, часть нашего собственного класса, люди, которые вместе с нами работали и боролись, как могли, за наше общее дело, чтобы понять, как они оказались на скамье подсудимых, для этого необходимо несколько оглянуться назад и изучить ту обстановку, в которой эти люди действовали за последнее время, прежде всего общую обстановку всей нашей борьбы, всей нашей нечеловеческой борьбы. Каждый из нас знает, что перенесла рабочая трудовая Россия за эти последние 4 года. Во время этой жестокой борьбы много жизней погибло и сгорело, на многих эта борьба оставила тяжелый отпечаток, многие надломились, устали, изменились, сбились с пути.

Здесь, на фабрике Цинделя, была особенно тяжелая обстановка. Фабрика бездействует, фабрика мертва. Образуется трупный яд, который может разложить, может заразить все живое. Тут не-

---

[1]) Речь идет о процессе эсеров.

обходимо противоядие. Этот яд может парализовать, разложение может предотвратить нечто цементирующее. Таким цементирующим, таким противоядием, которое должно было бы предохранить от разложения живых людей, дышавших в этой мертвой, отравленной ядом обстановке,—таким цементирующим началом должна была явиться коммунистическая ячейка фабрики Цинделя.

Этот передовой отряд рабочих фабрики Цинделя должен был сплачивать и скреплять. Этот передовой отряд своей сплоченностью и сознательностью, своей твердостью должен был противостоять, противодействовать всеми силами, во что бы то ни стало этому разложению, чтобы пережить это тяжелое время, чтобы довести фабрику до того дня, когда она вновь оживет, когда колеса зашумят и в процессе работы будет уничтожен трупный яд. Ячейка должна была довести фабрику до того дня, когда она выйдет из мертвого состояния, когда рабочие перестанут дышать отравленным ядом.

Такова была задача ячейки на фабрике Цинделя. Такова была обязанность тех руководителей, которые были во главе этой ячейки. К несчастью, мы должны с болью в сердце признать это, эти люди возложенные на них задачи не выполнили,—у них не хватило сил, выдержанности, стойкости и сознательности.

Мы здесь на суде установили, что почти все подсудимые за последние годы занимают административные должности. Рабочий класс взял власть в свои руки, и он неизбежно должен был выдвинуть из своей среды своих администраторов. Сейчас рабочее государство торгует, т.-е. исполняет самые неприятные функции, но нам нужны свои торговцы, нам нужны свои администраторы. Но для того, чтобы мы могли их считать своими, они должны безусловно и во что бы то ни стало сохранить коммунистическую твердость, коммунистическую выдержанность и ни под каким видом не отрываться от массы.

Что мы видим здесь? Мы видим здесь как раз людей, которые оторвались от масс, разложились. И эта оторванность от живой жизни, от живой работы повлекла за собой все несчастия, приведшие их на скамью подсудимых.

Пьянство.

Появилось разложение в самой ячейке. Каковы были признаки этого разложения? Первый признак — пьянство. Товарищи, у нас нет никаких оснований не быть откровенными здесь. Ясное дело, что мы не ханжи и лицемеры, чтобы говорить: никогда ни один рабочий не может притронуться к алкоголю. Мы по народной поговорке знаем, что „вино ремеслу не товарищ“, но та же русская поговорка говорит в конце-концов: „не винит вино, а винит пьянство“. Обета воздержания никто

из нас не может требовать от людей, мы не имеем права запретить рабочему человеку прикоснуться к вину. Но мы должны карать людей за то, что начинается пьянство, что оно принимает систематический характер. Мы должны карать людей за то, что это пьянство принимает характер, разлагающий не только данную группу лиц, но и вообще окружающие организации, окружающие массы.

Здесь все свидетели установили факт, что одним из главных зол на фабрике Цинделя было именно пьянство,—эти постоянные разговоры вокруг вина и водки. Несчастье заключалось в том, что директора фабрики Фирсова водка сопровождала везде и всюду, эта водка была на фабрике, водка была с ним даже в фабричной санатории. Несчастье заключалось в том, что председатели фабзавкома, и прежний и последующий, были такими людьми, про которых можно сказать, что они в этом отношении охулки на руку не положат.

Разлад в ячейке.

Вот что является признаком разложения. Далее, в ячейке начинается борьба вокруг вопросов о том, кому какое место занимать, кому какое положение занять. Эти вопросы выплывали у них неоднократно, и они раскололи ячейку на-двое. Не вокруг политических вопросов, а вокруг вопроса о том, быть ли Фирсову директором или не быть, занимать ли Володину такую-то должность либо нет, происходила в ячейке разлагающая борьба. И это—наиболее яркий показатель разложения, преступного состояния. Третий признак разложения—служебные злоупотребления. О них я буду говорить подробнее дальше, они имели место со стороны главного руководителя, наиболее авторитетного лица на фабрике—директора Фирсова.

Здесь была попытка замазать факт раскола в ячейке—ничего, мол, особенного не было, просто были самые обыкновенные разногласия по тем или иным вопросам. Во всех живых организациях бывает разномыслие, но здесь мы видим иное. Подсудимый Янко на мой вопрос ответил, что был раскол. На мой вопрос он наметил линию расхождения, указал, что по этой стороне были такие-то, по другой стороне такие-то лица. Янко вместе с Храмовым на одном из заседаний ячейки делал доклад по поводу того, что в ячейке нет единства. По этому докладу ячейка вынесла постановление, что нужно принять самые строгие меры к тому, чтобы единство в ячейке восстановить.

На это нужно обратить самое серьезное внимание. Я ставил подсудимым вопрос: почему могла быть принята такая строгая резолюция, если бы не было в ячейке чего-нибудь, кроме обычных разногласий? К чему же тогда было поднимать тревогу? Зачем же Храмову и Янко выступать с докладами?

Весь вопрос в том, что ячейка распалась на две группы. Об этом факте раскола нам говорил подсудимый Янко; факт раскола признавал также и подсудимый Фирсов. Эти факты нельзя было игнорировать. На них вынуждены были обратить внимание вышестоящие партийные организации. Товарищи, вы знаете, что районному комитету партии нет никакого интереса присылать представителей в ячейку расследовать вопрос о составе этой ячейки, организовать проверку ее, если все обстоит благополучно. К несчастью, такого благополучия не было. Мы слышали вчера показание секретаря замоскворецкого райкома т. Цихона. Он получил фактические данные и на основании получаемых им данных докладывал нам здесь. Он говорил, что на фабрике Цинделя в ячейке были две группы. Он сам посетил ячейку, и ему стало ясно, как он говорил, что этим двум группам трудно было ужиться. Тем не менее им была сделана попытка еще раз внести умиротворение в ячейку. К сожалению, попытка эта кончилась неудачно. В ячейке были две группы, разногласия вертелись вокруг внутренних вопросов, вопроса о том, можно ли пьянствовать или нельзя, вокруг вопроса, кому какие должности занимать, вокруг вопроса о том, как разрешить жилищный вопрос, вокруг целого ряда других практических вопросов. Тут сталкивались две точки зрения. Представителей одной точки зрения мы видим на скамье подсудимых, наиболее ярким представителем другой точки зрения был покойный Спиридонов.

Роль Спиридонова.

Какова была роль Спиридонова? Ясно установлено, во-первых, что во всей этой постепенно разжигающейся внутриячейковой борьбе Спиридонов все время старался внести умиротворение. Такой авторитетный свидетель, как т. Цихон, совершенно определенно сказал, что Спиридонов все время пытался внести умиротворение. Когда в райкоме обсуждался вопрос о Володине, то Спиридонов высказался против применения крутых мер по отношению к Володину. Его посмертная статья, вышедшая через три дня после его трагической смерти, озаглавлена „Коммунисты, сплачивайтесь“ и проникнута духом примирения, это призыв к коммунистам, которые сидят здесь, на скамье подсудимых,—он мог иметь в виду только этих коммунистов,—к дружной, согласованной работе. Эта статья представляет собой призыв к этим коммунистам забыть мелкие счеты, эти соображения о должности, о том, кто кого обидел, забыть обо всем этом, об'единиться всем и приступить к настоящей партийной работе. Спиридонов пытался очистить атмосферу внутри ячейки, и когда ему это не удалось, он стал выносить вопросы в печать.

Тут я позволю себе остановиться кратко на характеристике самого Спиридонова. Здесь несколько раз подсудимые ставили

такого рода вопросы, которые, по их мнению, должны были скомпрометировать Спиридонова. Здесь говорили о том, что где-то, когда-то Спиридонов выпил, здесь указывалось, что Спиридонов находился в близкой связи с Никитиной. Спиридонов, конечно, не был святым. Это был самый обыкновенный человек, со всеми достоинствами и недостатками. Святых вообще не бывает, бывают святоши, и Спиридонов не принадлежал ни к святым, ни к святошам. Он принадлежал к числу обыкновенных рабочих, у которых интересы общественности, интересы классовые, интересы всего движения превышают личные, частные. Спиридонов, конечно, мог выпить, и этого никому нельзя вменить в вину. Нельзя за это шельмовать людей. Но Спиридонов не принимал участия в этой систематической пьянке. Он всеми силами протестовал против нее. В данном случае он поступал так, как должен был поступить всякий честный пролетарий. Другой факт, которому обвиняемые тоже придают большое значение, именно, что Спиридонов был в близкой связи с определенным лицом, никакого отношения к делу не имеет, абсолютно никакого. Если бы было установлено, что эта связь явилась причиной его недобросовестного отношения к своим обязанностям, тогда другое дело. Но здесь никто не говорил, что та борьба, которую Спиридонов вел на страницах газет, была неправильна. Наоборот, мы слышали целый ряд свидетелей, которые удостоверяют добросовестное и внимательное отношение Спиридонова к своему делу. Здесь прошли перед нами свидетели, которые показали, что Спиридонов прежде, чем помещать в газете ту или иную заметку, обращался к ним за советом, за раз'яснением своих сомнений. Это говорит за то, что Спиридонов к своему делу относился добросовестно, что он ни в коем случае личными соображениями не руководился.

Здесь мы слышали мнение Фирсова насчет корреспондентской деятельности Спиридонова. Фирсов говорил: зачем прибегать к открытым выступлениям в печати, если мы можем решить вопрос на собраниях ячейки? Я уже оглашал два документа Российской коммунистической партии по вопросу о печати. Я заявляю, что Спиридонов, как член партии, исходил в своей работе именно из этих документов. Он в точности исполнял директивы партии. Директивы эти сводятся к тому, что об ошибках, злоупотреблениях, преступлениях должностных лиц и учреждений должно быть опубликовано в печати. Спиридонов именно так и понимал свои задачи, именно в таком направлении он работал. Спиридонов знал, что его работа в печати имеет огромное воспитательное значение. К делу приобщена одна из его статей под заглавием „Впечатления о помещающихся в газете заметках". Спиридонов говорит: газеты обыкновенно рабочими не читаются. Но когда в той или иной

газете помещается заметка о данной фабрике, то тогда интерес к этой газете со стороны рабочих данной фабрики значительно возрастает. А заинтересовавшись газетой раз, два раза, рабочие уже начинают привыкать к ней. Спиридонов из всего этого делает следующий вывод: рабочих интересует больше всего то, что их ближе всего касается; помещая такого рода материал, мы тем самым приучаем народ к чтению, к обмену мнений, критике и таким путем подымаем их сознание. Эта точка зрения целиком совпадает с точкой зрения РКП. Наша рабочая газета не только орудие борьбы—она и орудие просвещения.

Поэтому нельзя требовать от сотрудника рабочей газеты, чтобы он в закрытом заседании пытался разрешить все вопросы.

Кто преследует рабкоров?

Совсем еще недавно печать в руках рабочего класса была величайшим орудием для организации рабочего класса во имя уничтожения буржуазного государства и буржуазной власти. „Правда“, сотрудником которой был Спиридонов, начала выходить 5-го мая 1912 года, когда в России господствовало самодержавие. У „Правды“ и тогда были рабочие корреспонденты. В своих статьях они под игом царской цензуры поднимали рабочих против самодержавия, против буржуазии. Правительство преследовало „Правду“, преследовало корреспондентов „Правды“, но не было случая, чтобы корреспондент „Правды“ был убит за то, что он разоблачает деятельность той или иной группы. Сотрудник „Правды“ был убит в 17 году, во время деятельности меньшевиков и эсеров. 5 лет спустя сотрудник „Правды“ оказался убитым на фабрике председателем фабричного комитета. Как это могло случиться?

В течение 4-х лет после Октября наша печать проделала колоссальнейшую работу. Она организовала массу против буржуазии, она звала на решительную борьбу с врагами революции, она внимательно следила за рабочим аппаратом Советского государства. Она внимательно следила за деятельностью слуг революции. Но чиновники революции, должностные лица не любят, когда их держит под гласным надзором рабочая газета. Они не любят корреспондента.

К делу приобщена газета „Правда“ от 20-го апреля, и там в статье, в связи с убийством Спиридонова, мы читаем:

„Стоит только появиться в газете какому-либо разоблачению, как тут же являются всякие большие и малые человечки из завкомов, заводоуправлений, треста, главка и т. д., и т. п. И прежде чем дать исчерпывающие об'яснения, доказать свою правоту, каждый из них с возмущением требует от редакции

фамилии разоблачавших их авторов. „Мы должны знать, кто это писал, мы хотим привлечь его за клевету“, приходится слышать газетным работникам чуть не ежедневно. „Подавайте сюда вашего корреспондента, я ему морду набью“, так заявил на-днях один из представителей милиции в редакции районной газеты.

Одни в более вежливой форме, другие—напрямик, но суть одна“.

Кровавое столкновение, которое произошло на фабрике Цинделя, эта кровавая расправа с рабочим корреспондентом не является чем-то случайным. В Спиридонова стреляли люди, которые не хотят быть под общерабочим контролем. В Спиридонова стреляли те, которых критиковали, изобличали, призывали к порядку в интересах рабочего класса. Поэтому рабочая печать должна быть под защитой рабочего класса и рабочего государства. Настоящий суд является именно проявлением этой защиты рабочей печати рабочим классом.

Три основных мотива содержались в корреспонденциях т. Спиридонова. Первый — это разоблачение ошибок и преступлений должностных лиц. Второй мотив—это освещение положения рабочих. Спиридонов касается жилищных условий, говорит о продовольственном положении, говорит о культурно-просветительной работе. Он отмечает все светлые и теневые стороны. К сожалению, этих теневых сторон на этой мертвой фабрике оказалось больше, чем светлых. Третий мотив—это призыв к передовому отряду рабочих масс, призыв к коммунистам об'единиться, сплотиться и работать всем вместе. Как реагировали на все это его противники? Когда Спиридонов отмечал, как он сам писал об этом за неделю перед смертью, светлые стороны, то администрация была им довольна. Но когда он начинает вести в печати кампанию против злоупотреблений, преступлений, пьянства, тут начинается против него, как здесь говорили, „атака“. И это понятно. Фирсов, Володин, Храмов, действительно, не могли быть довольны и не были довольны той кампанией, той борьбой, которую вел Спиридонов. За неделю до убийства Спиридонов печатает в „Правде“ статью под заглавием: „Участь рабочих корреспондентов“. Эта статья полна тревоги. В ней он писал:

„Как это ни печально, но надо сознаться, что участь нас, корреспондентов рабочих, работающих на местах, одна из самых печальных. Газеты просят, чтобы писать о всех фактах и происшествиях, тобою замеченных, и о всех замечаемых несправедливостях. Конечно, это очень хорошо, и вот начинаешь подмечать и описывать замеченные тобой на предприятии несправедливости. Что же из этого выходит? Когда он пишет что-либо хорошее о своем предприятии или хвалит свою администрацию, то им довольны. Но вот он помещает в газете за-

метку о неправильных действиях и поступках своей администрации, пусть даже и под псевдонимом (администрации большей частью известно, кто на предприятии пишет в газеты, так как это большей частью выделенный ком'ячейкой), тут против несчастного поднимается настоящая травля, вплоть до выживания смельчака. Да к тому же еще и члены ком'ячейки, выделившие товарища на корреспондентскую работу, особенно те, которые в близких отношениях с начальством, тоже оказываются недовольны: зачем много пишешь. Почему только о нашей фабрике. В каком же положении находится писатель? Он еще неопытен, может быть, и политически слабо развит, не очень силен духом, чувствует себя загнанным, затравленным и, не имея поддержки хотя бы со стороны ком'ячейки, бросает работу. Мне скажут, что это малодушие. Нет, тут не малодушие, а боязнь привлечений к ответственности; если тов. партийный— за нарушение партийной дисциплины, так как, я повторяю, если он политически слабо развит, а ему более опытные товарищи, сами же его выдвинувшие на данную работу, говорят, что он должен меньше писать и писание не есть работа,—поневоле опустятся руки.

И вот я спрашиваю редакцию газеты „Правда", что делать в таких случаях.

Или уйти совсем со сцены, несмотря на то, что есть желание работать, или же работать, зная определенно вперед, что тебе **отомстят** и не нынче—завтра **найдут предлог убрать** куда-нибудь подальше.

Сотрудник „Правды" (рабочий).

Я спрашиваю: что это—мнительность Спиридонова или он отразил то, что он чувствовал тогда? Здесь пытались представить Володина ненормальным человеком, но никто не говорил, что Спиридонов был ненормальным, когда он писал эту статью, когда он жаловался Филатову и Ильину, что ему трудно работать, что его преследуют. Да, Спиридонов вполне нормален. Он имел в виду конкретные лица, конкретные факты. В статье, опубликованной после его смерти, мы слышим такие же нотки. Говоря о Левине, он называет его человеком мстительным. Опять-таки, что это такое—его безграничная мнительность или он реагирует на то, что было на самом деле?

Спиридонов ранен. Свидетельница Макарова спрашивает, кто ранил. Он отвечает. Новый вопрос: за что? За что? **„Не говори правды"**. Почему это мог сказать Спиридонов? Потому, что он в выстреле Володина видел именно проявление того „презрения" к нему, о котором говорила вчера свидетельница Макарова. Определенной группе лиц хотелось, чтобы он не помещал этих корреспонденций, чтобы он не говорил об этих фактах, не вел этой кампании, не выносил сора из избы. Но раз

Спиридонов все-таки занимался этим делом, раз Спиридонов оказался против большинства ячейки, которая не имела никакого права запрещать Спиридонову печатать свои корреспонденции в центральном органе партии, раз Спиридонов пошел своим путем, против него поднимаются это презрение и ненависть, и жертвой этой ненависти падает он. Тут мы переходим к самому факту преступления.

Убийца Володин.

На суде все время идет спор относительно того, сумасшедший ли Володин или нет. Защитники, ссылаясь на показания некоторых свидетелей, высказывают свое глубокое убеждение, что Володин сумасшедший. Я уже имел случай указать суду, что Володин все время работал с нормальными людьми, что его постоянно поддерживал такой бесспорно нормальный человек, как Фирсов. На суде Володин держит себя странно. Первый день, когда задает вопросы председатель, когда задает вопросы обвинитель, у Володина и голоса нет, и ничего почти не слышит, и говорит с большим трудом. Когда же к нему обращаются с вопросами защитники, тут он довольно основательно меняется. Он оказывается способным понять и давать довольно толковые ответы на поставленные вопросы. Третьего дня Володин пустился в сложные рассуждения о Храмове. Вчера здесь выступала свидетельница Герасимова. Она своей прямотой и стихийной непосредственностью совсем сбила с толку Володина. Володин ставит ей очень ясные и толковые вопросы, Володин спорит с ней... В чем дело? Володин человек, несомненно, слишком нервный, и вот он хочет воспользоваться этой нервностью и хитрит, притворяется, всей правды не говорит или даже совсем не говорит правды. Революция, товарищи, сделала за последние годы всех ее активных деятелей нервными. Ясное дело, что революция сделала нервным и Володина. Каждый из нас может насчитать из среды людей, ведущих какую-нибудь революционную работу, не малое количество нервных, которые, выступая на собраниях, нередко приходят в бешенство, но затем гнев их остывает. Конечно, Володин нуждается в отдыхе. Хорошо было бы его отправить на месяц-два в санаторию. Без всякого сомнения, Володин в этом нуждается, как и значительная часть присутствующих. Но он не сумасшедший, нет. Это способ самозащиты...

8-го апреля в 12 час. ночи Володин говорит: „Во время убийства я был бесчувственно пьян и ничего не помню, ничего показать не могу“. 11-го апреля он говорит: „Виновным себя не признаю, был пьян“. 26-го апреля: „Я не помню, убивал его или нет“. 11-го мая: „Убил Спиридонова, быть может, и я, но как это сделал, не помню и виновным себя не при-

знаю". 18-го мая: „С кем я водку пил, с кем я был, не знаю, но знаю, что напился у Москвы-реки с ловившими там рыбу людьми". Только на суде в июле месяце он говорит, что он убил Спиридонова случайно. Тут появляется бутылка, которую яко бы приносил Спиридонов. Тут появляется револьвер, с которым Спиридонов не умеет обращаться, Володин хочет удружить ему, показать, как стреляют, и „нечаянно" застреливает человека...

Каким образом этот „ненормальный" человек 4 раза дает одни и те же показания: „Не помню, был пьян, не помню, был пьян". Потом он выдвигает версию совершенно нелепую—не знаю, будет ли эта версия поддержана защитой, по которой получается, что в день убийства Спиридонов только о том и думал, как бы напоить пьяным Володина, чтобы Володин застрелил его. Это, конечно, ни с чем не сообразно, чтобы Спиридонов явился к Володину с бутылкой и предложил ему выпить. При чем Володин, оказывается, отказывался от выпивки. Он, мол, не хочет. Тем не менее Спиридонов уломал его. Володин дает согласие выпить, и тогда Спиридонов себе будто бы наливает больше, а Володину меньше. Володину потом приходится дополнительно выпить на Москве-реке. Но, очевидно, Спиридонов все-таки пришел к заключению, что этого недостаточно, чтобы Володин мог стрелять, и вот Спиридонов вечером зовет Володина к себе допить водку. Володин допивает, Спиридонов „пробует" револьвер Володина, и во время этой „пробы" Спиридонов оказывается убитым. Эта версия ни с чем не сообразна. Допустим, что Володин, в самом деле, застрелил нечаянно, тут совершенно естественно, что он первый должен был поднять крик о помощи Спиридонову. А на самом деле, когда раненый Спиридонов начинает кричать о помощи, Володин набрасывается на Спиридонова: „Замолчи, а то прикончу".

Спиридонова выносят на улицу. Володин открывает стрельбу по рабочим, которые несут раненого, с револьвером в руках в течение нескольких минут стоит возле раненого и угрожает убить всякого, кто подойдет к раненому. Об этих двух моментах стрельбы Володин уже ничего не говорит, ибо он, изволите ли видеть, не помнит, а помнить—это значит разрушить первую версию о нечаянном убийстве. В следующий момент он открывает стрельбу в Филатова. Об этом он также ничего не помнит.

Но вот основной вопрос: как могло случиться, что Володин пытается добить Спиридонова в течение почти часа? В чем тут дело? Первая фраза, которая вылетела из уст раненого Спиридонова, была фраза о том, что его ранили, потому что: „не говори правду". В больнице Спиридонов говорит, что Володин является слепым орудием Фирсова. **Спиридонов поведение Володина ставит в связь со всей той борьбой, какая велась**

против него. Он иначе и не мыслит. Имел ли он повод так думать и говорить? Безусловно имел повод, во-первых, потому, что эта группа была целиком против него. Эта группа была едина и дружна. Володин поддерживал Фирсова, Фирсов поддерживал Володина, Володин поддерживал Храмова и т. д., и т. д. Это—одно обстоятельство. Во-вторых, вся эта тяжелая обстановка постоянной борьбы внутри ячейки безусловно должна была отразиться на таком слабохарактерном и нервном человеке, как Володин. Он должен был наиболее ярко и сильно проявить эту ненависть. Володин в данном случае явился **передатчиком этой ненависти.**

Положение усугублялось еще вопросом о пяти кусках материи. В настоящее время вопрос о пяти кусках можно считать совершенно ясным. В день убийства разговор о пяти кусках действительно шел между Спиридоновым и Володиным. Может быть, в данном случае по существу дела Спиридонов ошибался, может быть, он путал здесь, но факт заключается в том, что в день убийства столкновение между Володиным и Спиридоновым на этой почве было, и вчера Володин в конце-концов, после долгого перекрестного допроса обвинения, суда и защиты, заявил, что он вполне допускает, что Герасимова правильно передает факт. Значит, независимо от того, правильно ли понимал Спиридонов, как было дело с пятью кусками, но разговор о пяти кусках был. Спиридонов эти пять кусков вставил в общую рамку тех проступков и преступлений, какие были на фабрике. Он пытался узнать, в чем тут дело, куда делись эти пять кусков. Впечатлительный и нервный Володин мог почувствовать себя на положении подозреваемого. Путем выстрела он попытался разрешить этот больной и спорный вопрос. В воображении Володина Спиридонов мог явиться, как олицетворение того начала, которое мешает им жить, работать.

Кто двигал рукою убийцы?

Спиридонов в ряде статей и разговоров проявляет тревогу, какую-то невыразимо грустную, больную тревогу. В газете он под псевдонимом пишет, что его травят, своим друзьям говорит, что тяжело работать, перед смертью заявляет, что Володин является орудием в руках Фирсова. Спиридонов в этом случае не ошибается, ибо здесь все связано, переплетено, все вытекает одно из другого. Начинается борьба внутри ячейки, возникают столкновения по вопросам: жилищному, о назначениях, о пьянстве, столкновения с Спиридоновым. Начинается атака, как выразился один из свидетелей, начинается жестокая травля, и в результате всего этого, **как завершение, как кровавое завершение этого конфликта внутри ячейки, происходит убийство Спиридонова.** Убит корреспондент, представи-

тель рабочего класса, который разоблачает в интересах рабочего класса, и, когда ему приходится сталкиваться с администрацией, с чиновниками революции, он не хочет уступить им без борьбы. Борьба кончается для него трагически.

Но, говорят, убийство Спиридонова это—несчастный случай. Почему Володин убил именно Спиридонова, почему он не убил кого-нибудь другого: Левина, Фирсова, почему именно Спиридонова? Почему убийство явилось хронологическим продолжением кампании, которая велась против Спиридонова? Почему это убийство было предусмотрено Спиридоновым? Почему он чувствовал это? Почему он говорил своим друзьям, что ему будут мстить?

Нет, убийство Спиридонова является не случайным фактом. **Володиным двигала ненависть этого маленького кружка, только этим об'ясняется какая-то дикая настойчивость Володина.** Он застрелил человека и запрещает ему кричать о помощи. Он запрещает рабочим нести раненого в больницу. Здесь его волей владела коллективная ненависть людей, оторвавшихся от массы, разложившихся. Спиридонов оказался прав, когда писал, что ему будут мстить. Он был прав, заявив, что его убили за правду, что Володин является орудием Фирсова. Он совершенно правильно учитывал ту психологическую обстановку, которая была против него, которая толкнула Володина на преступление.

Директор Фирсов.

Перехожу к Фирсову. Имя Фирсова было упомянуто Спиридоновым в больнице, на смертном одре. Фирсов занимал в ячейке руководящее место, на фабрике он был главным администратором, против которого направлялась печатная и внутрипартийная кампания Спиридонова. Фирсов, это установлено бесспорно, столкнулся и резко столкнулся с Спиридоновым, когда Спиридонов явился к нему и от имени жилищной комиссии поставил вопрос об уплотнении. Фирсов резко ответил, что он на фабрике главный хозяин и никакие особые комиссии ему не нужны. Он обозвал Спиридонова бывшим городовым и карьеристом. Здесь перед нами столкновение двух течений внутри ячейки.

Фирсов как-то заявил, что его окружала пьяная компания. Когда он давал об'яснения суду после Ермакова, то даже выразился, что Ермаков опаивал его. Но как это так? Почему Фирсов не принял решительные меры для оздоровления фабрики? Почему Фирсов не прогнал Ермакова, похождения которого ему были известны? Почему Фирсов поддерживал все время Володина? Как он, директор фабрики, мог работать все время с пьяницами на посту председателя фабзавкома? Они не могли

бы работать вместе без взаимной поддержки, и, действительно, они все поддерживали друг друга постоянно. Почему, спрашиваю я, Фирсов, директор фабрики, лицо, пользовавшееся огромным авторитетом, почему он первый не поднимает знамя борьбы против разлагающего начала, почему он первый не призывает всех к порядку? Он первый, он последний, он единственный больше всех должен был, обязан был это сделать. Я спрашиваю: почему вино сопровождало Фирсова и в деревню, и в санаторию, и в совхоз? Почему не было принято Фирсовым никаких мер против такого развала и разложения?

Перейдем ко второй стороне вопроса—именно к коммерческой деятельности Фирсова, направленной не в пользу государства, а ко вреду. Фирсов, директор фабрики, ответственный коммунист, покупает серьги за 60 миллионов, а продает за 120 милл. Я задал ему вопрос, почему он это сделал. „Просто,—говорит он,—не хотел упустить случая нажить и заработать". А на повторный вопрос ответил: „Что же, жить надо ведь". Позвольте, если директор фабрики, получая жалованье по высшему разряду, говорит, что „жить-то надо", то что же должен сказать рядовой рабочий-коммунист, не получающий жалованья по 17-му разряду? Ведь и ему нужно жить!

Изволите видеть, директор фабрики не хотел упустить случая заработать. Это—дикая вещь. Когда я спрашивал, считает ли он совместимой подобную коммерческую деятельность с коммунистической этикой, он ответил, что не считает. Я нахожу, что это несовместимо не только с коммунистической этикой, но и просто с этикой всякого порядочного рабочего. Ибо ясно, если директор будет заниматься такой „коммерческой" деятельностью в свою личную пользу, то как он будет заботиться о фабрике?

Затем откуда Фирсов, получавший 35 мил. жалованья, при семье из 4-х человек, мог достать „оборотные средства" для своей коммерции? Очевидно, из средств государства...

Фирсов тесно связан с деревней и, будучи директором, он старается за счет государства укрепить свое хозяйство. Он посылает строительный материал для ремонта дома. Когда дом будет отстроен, тогда можно будет заняться всецело сельским хозяйством, тогда у Фирсова не будет особой надобности оставаться среди рабочих в рядах РКП. Строительный материал выписывается „для совхоза", но он проходит мимо совхоза и направляется в деревню. Когда я спрашивал Фирсова, может ли он это оправдать с коммунистической точки зрения, он должен был ответить, что трудненько оправдать это с точки зрения коммунизма. Теперь поставим вопрос: можно ли все это оправдать с точки зрения просто честного человека? Тебя поставили директором, ты имеешь известные привилегии, связанные с твоей должностью, ты всеми уважаемый человек, тебе

платят лучше, чем другим, ты имеешь квартиру, тебя ставят в лучшие условия, чем остальных, и вместе с тем ты заботишься о том, чтобы там, в деревне, твой дом был отстроен в лучшем виде за счет государства. Здесь налицо наиболее резкое и грубое злоупотребление доверием рабочего класса, здесь мы имеем дело с прямыми хищениями государственного имущества.

Фирсов ездит в деревню и проводит там время в обществе местного священника. Они выпивают вместе. Когда его спрашивают, а как же так, ведь вам известно отношение партии к религии и, следовательно, ее представителям. Он отвечает: при чем тут отношение партии к религии? Если ты ведешь дружбу с попом, это, оказывается, не имеет никакого отношения к религии. Мне кажется, что это имеет некоторое отношение к религии. А затем, как вы назовете поступок человека—коммуниста, облеченного высоким доверием рабочей массы, который распивает вино с представителем враждебного нам лагеря? Этот факт установлен точно, и Фирсов его не опровергает...

При таком положении вещей, понятно, Фирсов не может быть доволен деятельностью рабочего корреспондента, он не может быть доволен и внутрипартийной критикой. Мне кажется, что все эти факты, все эти обстоятельства тесно связаны, переплетены друг с другом, являются дополнением одно к другому. Здесь мы имеем дело с администратором, который фактически порвал с партией и оторвался от массы. Фирсов представляет собой законченный тип человека, который вышел из среды рабочего класса, но оторвался от него.

К делу приобщены документы, в которых говорится о том, что рабочие фабрики Циндель хорошо относились к Фирсову. Я спрашивал Фирсова во время судебного следствия: „Если бы рабочие фабрики Циндель знали об этих фактах, относились бы они к вам хорошо?“ Он ответил неопределенно. Я утверждаю категорически: если бы рабочие знали истинное лицо Фирсова, то они бы к нему относились совершенно иначе. Фирсов обманывал рабочих. Внешне он выглядел прекрасно, но это красивый гроб, внутри которого находился разложившийся труп.

„Большевик“ Левин.

Перейдем к следующему обвиняемому. Левин—весьма любопытный тип. Он рассказывал нам о том периоде, когда он был солдатом в царской армии. Я вспомнил тысячи старых солдат, которые умели великолепно говорить по-большевистски и разлагали армию буржуазии. Они делали тогда большое революционное дело, ибо без разложения буржуазной армии нельзя было уничтожить буржуазную власть. Левин был на месте и в эпоху борьбы между революцией и контр-революцией, все время оставаясь „большевиком“, но не став коммунистом.

Вы знаете, крестьяне любят говорить, что они за большевиков, но не за коммунистов. В чем тут дело? Кто такие большевики в представлении крестьянина?

Большевик—это тот, который сверг Керенского, окончил грабительскую войну, разрушил старую армию. Кто такой коммунист? Это тот, который создал другую армию, который организует государство, требующее жертв с его стороны. Крестьяне коммуниста-организатора и строителя не особенно любят, но идут за ним против помещиков и буржуазии.

Вот Левин и был тем большевиком, который в эпоху борьбы с помещиками и капиталистами держался в рядах РКП. Но, когда укрепилось окончательно положение Советской республики, когда мы должны организовать страну, разрушенную за время войны, тут уж Левина не хватило. Беспорядочная, бурная, полуанархическая, собственническая натура его пришла в столкновение с общей линией партии и Советской власти. В ячейке он примыкает к фирсовской группе. Он, естественно, дружит с Володиным, Фирсовым и другими, он борется против Спиридонова, потому что Спиридонов является представителем положительного, организующего, здорового начала. Левин не был настоящим рабочим коммунистом, сросшимся с партией. Как только его выгнали из партии, он сейчас же начал торговать. Если бы он был настоящим коммунистом, он не мог бы на следующий же день по выходе из партии превратиться в торговца. В ячейке такой человек мог способствовать только разложению, но не сплочению рабочих на здоровых началах.

Остальные подсудимые.

Янко—это осторожный, умный и немного хитрый человек. В ячейке он занимает промежуточную позицию. Если бы в ячейке группа Спиридонова взяла верх, то он, вероятно бы, был на стороне Спиридонова. В данном случае он поддержал сильную сторону. Он не был особенно активен, но был с ними. Вина его заключается в том, что он, делая в ячейке доклад о расколе, сам не только не принял никаких мер к ликвидации раскола, но пошел с той группой, которая создает этот раскол, которая является олицетворением разлагающего начала.

Храмов той же группы, он тоже пьянствует, гнет ту же линию, что Фирсов и Володин. Но он не особенно активен, он следует за вождями.

Особое место занимает Ермаков. Это обыватель, который от водки никогда не отказывается, если представляется случай выпить. Но вместе с тем боится, как бы чего не вышло из этого. Но раз сам директор Фирсов приезжает с самогонкой в сана-

торию, раз всегда вокруг него можно найти вино, почему же не пить? Раз наказания нет никакого, то почему не безобразничать, почему не гоняться за сторожем с револьвером в руках?

Суровый приговор—мера самозащиты.

Когда здесь была оглашена статья закона, в которой говорится о контр-революционном деянии подсудимых, они были возмущены и, возможно, искренне возмущены. Никакой контрреволюционности они за собой не чувствуют. Но ведь из их среды вышел человек, отразивший их настроение, их чувства, и убил рабочего корреспондента. Ведь борьба отчасти глухая, отчасти открытая, которая ведется между чиновниками государства и рабочей печатью, ведь борьба эта в данном случае вылилась в кровавой форме и приняла гнусный контр-революционный характер.

По характеру и тяжести своего преступления Володин заслуживает уничтожения—он достоин смертной казни. Но я не буду требовать для него уничтожения, не буду требовать потому, что он был активным участником всей нашей нечеловеческой борьбы, и в этой борьбе он надломился.

А затем не будь этой группы, не будь этой борьбы, повидимому, он не пошел бы на преступление. Володина нужно обезопасить, его нужно изолировать от общества, к нему должна быть применена высшая мера тюремного наказания. Такого же наказания заслуживает и подсудимый Фирсов—душа всей этой разложившейся компании. Менее жестокому, но все-таки серьезному наказанию должны быть подвергнуты и остальные подсудимые.

Преступление слишком велико. Подсудимые несут ответственность за убийство рабочего корреспондента, честного солдата рабочей печати, вина которого заключалась в том, что он исполнял волю господствующей партии, что он отстаивал, как мог, интересы рабочей печати, что он честно, бескорыстно и смело проводил линию оздоровления пролетарской среды. Мы судим не классовых врагов, мы судим людей, которые оторвались от нашего дела и совершили преступление.

Мы приступаем к строительству нового государства, мы должны переделать все на этой грешной земле. Сейчас мы еще нищие, мы голодны и измучены,—неустанной работой мы должны превратить **Россию** в сытую, довольную, великую страну труда; тут необходимы выдержка, стойкость, сознательность в рядах всего рабочего класса, и прежде всего твердость и сознательность в рядах коммунистической партии. Коммунистическая партия в целом, а ее печать в особенности должны стоять на

страже, должны пристально следить за ходом всей работы, должны проверять каждого. Кто мешает в данном случае нашей печати, тот наш злейший враг.

Это одна сторона вопроса. А затем посмотрите на Запад: там скопилось два миллиона буржуа, помещиков, и их прислужников. Приближается пятая годовщина революции, а они все-таки на что-то надеются. На что именно? На наш развал и разложение. Это главная надежда наших врагов. А что представляют собой подсудимые?

Они—наиболее яркое проявление разложения. Они—гноящиеся раны на нашем теле. Эти раны нужно прижечь, иначе весь наш организм начнет разлагаться, погибнет рабочая Россия, и вместе с тем на долгие годы будет подорвано дело трудящихся всего мира.

Вот почему поведение подсудимых контр-революционно. Вот почему суд должен вынести суровый приговор. Этот суровый приговор должен явиться мерой самозащиты. Мы должны предохранить рабочий класс от яда разложения. Иного пути у нас нет. Мы, представители рабочей, коммунистической партии, всегда были беспощадны не только к врагам, но еще больше к своим, коммунистам. Для коммунистов существует двойное наказание: наказание перед судом государственной власти и наказание перед судом партии. Мы не щадим отдельных лиц, ибо знаем, щадить единицы, приносящие вред делу, значит, губить дело всего рабочего класса. Эта точка зрения является руководящей для коммунистической партии. Не одна тысяча коммунистов, которые споткнулись, не выдержали, совершили преступление, были расстреляны в целях сохранения нашего дела. И сегодня, перед судом Трибунала, мы точно так же должны сказать: „Пусть сгорят, пусть уничтожатся единицы, пусть погибнем мы, если совершаем преступление против рабочего дела, но пусть здравствует великий русский рабочий класс, который шел, идет и долгое время будет еще итти во главе мирового пролетарского движения!“

Три с'езда.

5-го февраля созывается Всероссийский с'езд работников печати. Какой это по счету с'езд? Если рассуждать строго по-профессионалистски, то это первый с'езд. Если рассуждать исторически, то это четвертый с'езд.

Нужно рассуждать именно исторически. Созываемый в феврале 1923 года с'езд работников печати в основе своей является продолжением тех журналистских с'ездов, которые состоялись в ноябре 1918 года, в мае 1919 года, в январе 1922 года. Мы опираемся на опыт нашей прошлой работы, мы учли ошибки, мы с возросшей силой и энергией боремся за все то правильное, что было в нашей прежней деятельности.

Пусть четвертый с'езд является первым по профсоюзной линии правильно организованным с'ездом. Пусть только за последний год создана нами более или менее правильно работающая организация работников печати. Факт заключается в том, что нынешнее наше об'единение сохраняет историческую преемственность с прежними об'единениями журналистов советской печати. И поэтому мы считаем необходимым оглянуться назад и кратко обозреть работу тех с'ездов, которые не смогли создать организацию, но бесспорно подготовили ее.

* * *

Первый с'езд советских журналистов. Он был созван московским комитетом союза советских журналистов, организовавшегося в августе 1918 года. Устав московского союза гласил: в союз входят все журналисты, признающие и активно поддерживающие Советскую власть.

Первый с'езд обсуждал вопросы о задачах советской печати, о централизации печатного дела, о содержании газет, о всероссийском союзе, о школе советских журналистов и т. д.

С'езд проходил при внимательном отношении со стороны широких партийно-советских кругов. Им руководили наши лучшие журналистские силы. На с'езде выступали тт. Каменев, Радек, Луначарский, Стеклов, Сосновский, Коллонтай. В своей приветственной речи т. **Каменев** между прочим говорил с'езду:

> „Мы привыкли отдавать дань уважения всем товарищам, которые с винтовкой в руках отстаивают границы республики, защищая нас от наших врагов. Они платят кровью. Но рядом с ними мы должны поставить тех работников пера, которые закрепляют работу штыка сознанием. Штык без сознания — орудие варварства... В первый раз в мире громадное государство предоставило в руки журналистов все орудия, все богатства, которые необходимы в данной отрасли труда, чтобы

широко поставить дело просвещения... Мы должны использовать этот грандиозный аппарат для государственной пропаганды коммунизма".

В докладе о задачах советской прессы т. **Радек** говорил о недостатках нашей печати и о том, какова она должна быть. Он отмечал, что газеты наши носят несколько „казенный характер". Между тем:

„Советская пресса должна, с одной стороны, исчерпывающе освещать строительство новой жизни, а с другой—она должна являться бичом для власть имущих... Она должна иметь достаточно мужества, чтобы показывать все недостатки нового государственного аппарата".

В резолюции, принятой с'ездом по докладу т. Радека, говорилось между прочим следующее:

1) Необходимо допустить в советской прессе свободную критику как общей политики, так и конкретных действий отдельных представителей власти и недочетов в деятельности местных и центральных государственных учреждений; при разоблачении злоупотреблений редакции газет должны внимательно проверять весь поступающий материал, устраняя все недостаточно обоснованное и носящее личный характер.

2) В виду недоразумений, создающихся на этой почве между газетами и различными советскими организациями, с'езд находит, что взаимоотношения между печатью и органами Советской власти должны устанавливаться и регулироваться в каждом отдельном случае местной организацией РКП.

Как видите, первый с'езд поставил уже тот вопрос о „свободе критики", который на местах все еще продолжает быть спорным, вокруг которого продолжает происходить борьба между печатью и отдельными представителями администрации.

В резолюции по вопросу о содержании газет подчеркивается необходимость уделения особого внимания вопросам местной жизни.

По вопросу о централизации газетного дела с'езд высказался за создание особого комиссариата печати и пропаганды, который об'единил бы все отрасли печати.

С'езд далее высказался за „регистрацию всех работников советской печати, со строгой и точной квалификацией их профессий, для снабжения газетными силами провинции", за создание журналистского проф. органа печати, за создание специальной школы советских журналистов, которая бы подготовила основной кадр работников советской печати.

В резолюции о всероссийском союзе советских журналистов между прочим говорилось следующее:

1) Всероссийский с'езд советских журналистов учреждает **Центральный Совет** Всероссийского Союза советских журналистов.

2) В своей деятельности Центральный Совет (Центросовет) руководствуется постановлениями, принятыми с'ездом, и выполняет следующие задачи:

а) поддерживает связь со всеми местными союзами и способствует укреплению и возникновению таковых;

б) выполняет все необходимые работы, связанные с подготовкой и созывом всероссийских конференций и с'ездов;

в) разрешает вопросы об **организации всей советской печати в целом** и намечает общие принципы ее деятельности; в частности: 1) следит за равномерным **распределением** литературных и технических сил, 2) **инструктирует** постановку газетного дела, 3) способствует своевременному **снабжению** советских органов информационным и литературным материалом, 4) организует **представительство** в соответствующих Главках, распределяющих бумагу, типографские машины, краски, материалы для цинкографий и т. д., 5) ведет **учет всем периодическим изданиям** и способствует равномерному их распределению по городам, 6) способствует выработке практических основных типов советских органов периодической печати: рабочей, крестьянской, военной, профессиональной и т. п.

Затем следовали пункты о том, что Центросовет берет на себя общую защиту проф. интересов советск. журналистов, содействует местным союзам в их культурно-просвет. работе, представляет интересы Всероссийского Союза журналистов в ВЦСПС, заботится о правильном распространении газет и т. д., и т. п.

Как видите, с'езд, высказываясь за создание специального комиссариата печати, вместе с тем решил принять на себя все функции будущего комиссариата, пытаясь совместить эти функции с обслуживанием профессиональных нужд работников печати. Функции, которые в настоящее время делятся между ЦК партии (инструктирование, снабжение лит. материалом, учет работников и т. д.) и ЦБ секции работников печати, с одной стороны, и разными сов. учреждениями (НКВД—финансирование печати, ВСНХ—бумага и типография, Роста—информация), с другой стороны,—все эти функции первый с'езд журналистов пытался об'единить под руководством Центросовета.

Понятно, что эта попытка не могла быть успешной даже в условиях непосредственного участия союзов в организации производства. Профработа—это одна область, функции партии в отношении печати—это другая и совершенно независимая по своему существу отрасль работы (она связана с работой общепартийной), советская работа в области печати — это тоже независимая по характеру отрасль работы.

Абсолютно правильна мысль о создании **единого авторитетного советского аппарата печати.** Этот аппарат не нуждается в наркоматском положении. Но он и не может быть частью того или иного наркомата. Печать нельзя подчинять никакому ведомству, она должна стоять вне ведомств, находиться в прямом подчинении от высшей власти. Далее необходимы: **партийный** аппарат печати и проф. организация работников печати.

Во время первого с'езда все это не было ясно. В настоящее время мы имеем аппараты по линиям партийной и профсоюзной. В ближайшее время мы будем иметь аппараты по линии советской. Задача, смутно намеченная первым с'ездом, решается правильно на практике четыре слишком года спустя.

Специальный интерес представляют споры, возникшие на с'езде по вопросу о типе, о характере газет. По этому вопросу были заслушаны два доклада: Стеклова и Сосновского. Стеклов говорил:

> „Сейчас мы—единственная пресса, которая обслуживает широкие массы, и мы должны давать им все. В виду того, что буржуазная пресса раздавлена, мы должны исчерпывающе освещать и комментировать факты, имеющие широкое общественное значение... Должно быть два типа газет. Большие газеты рассчитаны на интеллигентов, на передовых пролетариев, на деревенских передовых крестьян... Для широких масс необходимо дать другую газету, сокращенную, изложенную популярным языком“.

Тов. Сосновский стоял на совершенно иной точке зрения. Он говорил:

> „Советская печать или совершенно не должна существовать, или должна существовать только для масс пролетарских. Мы должны буржуазию совершенно вычеркнуть из среды читателей... Наша печать должна быть печатью простого мужика, простого рабочего“.

С'езд стал на точку зрения т. Стеклова и высказался за сохранение двух основных типов наших газет: руководящих и массовых. В резолюции подчеркивалась необходимость создания руководящих газет в крупных центрах, где их не было.

Время внесло свои коррективы и в ту и в другую точку зрения. Немало „руководящих“ газет, подчиняясь требованиям жизни, обратилось в чисто массовые. Эти газеты в дальнейшем уже испытывали другие трудности при попытке об'единить на своих столбцах и обслуживать интересы и рабочего, и крестьянского читателя. В то же время немало массовых газет под влиянием самой жизни переродились в газеты для партийного и советского передовика, уступив место газете подлинно-массовой, чисто-рабочей или чисто-крестьянской. Прочно установились три типа газет: центральная и

областная, губернская с городским (по преимуществу рабочим) читателем и уездная (крестьянская).

К сожалению, практическое значение решений I с'езда было незначительно. Центросовет проявил малую работоспособность, а вскоре совершенно распался. И когда в начале мая 1919 года собрался II Всероссийский с'езд журналистов, ему пришлось начинать почти что сначала.

* * *

Второй с'езд заседал в дни решающих схваток с Колчаком. В значительной степени по этой причине он протекал в обстановке отсутствия серьезного внимания со стороны руководящих партийно-советских кругов. Руководили с'ездом второстепенные силы нашей журналистики. Все это заранее обеспечивало с'езду... неуспех.

С'езд стоял перед фактом краха Центросовета, краха первой попытки об'единения журналистов. Разбираясь в причинах краха, с'езд усмотрел их прежде всего в том, что первый с'езд смешивал функции профессиональные, партийные, общесоветские. Второй с'езд видел, что для профессионального об'единения просто нет почвы, ибо по существу нет **профессии** журналиста, нет основного кадра работников печати, что постоянные партийные мобилизации и переброски путают все расчеты на построение профессиональной организации. Отсюда с'езд сделал вывод: **об'единение журналистов может существовать, как партийное об'единение, или оно совершенно не может существовать.**

Исходя из такого взгляда, с'езд принял следующее постановление по организационному вопросу:

1. Об'явить существующие в центре и на местах союзы журналистов распущенными.

2. Немедленно, через их коммунистические фракции, приступить к организации **коммунистических союзов журналистов.**

3. В состав новых союзов входят, в качестве действительных членов, журналисты—члены РКП и сочувствующие, официально зарегистрированные партийными организациями.

4. Членами-сотрудниками союза могут быть все постоянно работающие в советской прессе, не состоящие в РКП, но активно поддерживающие Советскую власть.

5. Задачи коммунистических союзов заключаются: а) в ведении печатной газетной и иной литературной пропаганды и агитации в духе решений РКП; б) в поднятии и улучшении всех литературно-агитационных средств Республики, и в) в подготовке и широком вовлечении в работу прессы пролетарских элементов.

6. В этом новом виде союзы журналистов должны стать **органами РКП** в деле массовой печатной коммунистической

агитации и пропаганды, при чем Центральный Комитет союза, избираемый на всероссийских с'ездах в числе 15 членов, должен явиться **главным партийным органом по руководству и организации прессы и печатной пропаганды.**

7. Комитеты местных союзов избираются действительными членами союза. Являясь литературно-агитационными штабами партийных организаций, местные комитеты находятся в общем ведении Центрального Комитета союза, являющегося органом ЦК РКП.

8. ЦК РКП, равно как и местные губ. и уездкомы делегируют своего представителя в соответствующие комитеты союза журналистов.

9. Центральному Комитету союза должно быть поручено, под непосредственным наблюдением и контролем партии, руководство в центре и на местах, через провинциальные союзы, всей печатью.

10. Центральный комитет и местные союзы журналистов должны явиться об'единяющим центром в огромной, но доселе не связанной работе Центропечати, издательства Республики и Роста.

11. На основании этих общих положений Центр. Комитету союза поручается разработать подробное положение и инструкции для руководства деятельностью союза в центре и на местах.

12. Принимая во внимание исключительную серьезность переживаемого времени, с'езд постановляет об'явить все вновь создаваемые коммунистические союзы журналистов мобилизованными в деле печатной пропаганды и агитации по обороне Советской Республики.

Таким образом второй с'езд, совершенно отказавшись от профессиональных функций, решает взять на себя функции чисто-партийного руководства. Даже больше: ЦК союза должен был стать „об'единяющим центром" всех отраслей печати, т.-е. пытался брать на себя и **советские** функции руководства печати. Несколько иначе, но второй с'езд, как и первый, пытался взять на себя все функции печати. Разница заключалась в том, что первый с'езд был об'единением просто советским, а второй с'езд об'являл себя организацией **партийной**.

Попытка II с'езда также не удалась. Вскоре новый ЦК союза (Цекомжур) фактически распался, ибо его члены были разбросаны по всей стране по партмобилизации. Партия не поняла и не признала той постановки вопроса, которая была дана с'ездом. Партия не могла позволить себе такую „роскошь", как создание „литературного штаба" в центре и на местах: это ведь был 19-й год, год небывало-грозной гражданской войны!..

С другой стороны, и принципиально постановления с'езда вряд ли были для партии приемлемы: от них веяло своеобразным синдикализмом...

И когда в апреле 1920 года, во время IX с'езда партии, в Москве состоялось небольшое совещание работников печати, оно могло лишь констатировать, что печать находится в критическом положении, что она не имеет своего минимального кадра работников и что по всей стране журналисты и литераторы распылены и неорганизованы.

* * *

Два года не делалось никаких новых попыток об'единить распыленные силы журналистов, и они разбрелись по различным союзам — по всем 23 существующим союзам. Наконец, в конце декабря 1922 г. специально созданной ЦК РКП организационной комиссией созывается III Всероссийский с'езд журналистов. Несмотря на то, что с'езду должны были предшествовать местные совещания, на этот с'езд собрались представители все-таки не от журналистов, а от редакций и отделений Роста. Такое представительство было предусмотрено специальным положением и придавало определенный „производственный" уклон с'езду. На нем преобладали вопросы производственные, а не „профессиональные".

Все же именно этому с'езду суждено было сыграть основную организующую роль в жизни журналистов. (Кстати этот с'езд впервые именовался не с'ездом журналистов, а с'ездом работников печати. Это новое название впоследствии определило характер дальнейшего строительства профоб'единения работников печати, которое сейчас включает в себя не только журналистов, но и всех вообще работников, занятых в предприятиях печати.) III с'езд работников печати впервые подошел к разрешению вопроса о профессиональном об'единении журналистов с точки зрения общих принципов профессионального движения и, учтя малочисленность работников печати и отсутствие опыта профработы, признал необходимым организовать секцию при союзе печатников. Резолюция с'езда гласит: „Впредь до разрешения вопроса о вхождении в качестве секции в союз рабочих полиграфического производства, а также в случае невхождения в означенный союз работники печати, согласно уже состоявшемуся в свое время постановлению ВЦСПС, остаются во Всеиспросе со всеми вытекающими отсюда последствиями".

Самым характерным в этом постановлении является то, что в нем впервые фигурирует ВЦСПС и видно стремление войти, наконец, в общее русло профессионального движения. Эта боязнь повторить прежние ошибки и нагромоздить на профессиональное об'единение все партийные и советские функции сказалась на этом с'езде особенно ярко. Отказ от идеи наркомата печати и пропаганды (а таковой — не совсем, правда, удачно — все же сложился к тому периоду в аппарате Главполитпросвета в виде Управления периодической печати) заставил с'езд продумать вопрос об идейном руководстве, инструктировании и информировании печати до конца. С'езд принял

по этому поводу следующее решение, которое впоследствии и было целиком проведено в жизнь.

III Всероссийский с'езд работников печати, заслушав доклад тов. Долецкого о работе Роста и исходя из того, что:

1. Российское Телеграфное Агентство, являясь одним из отделов Главполитпросвета и будучи перегружено колоссальной, чуждой ему, как информационному аппарату, работой по Управлению периодической печатью и устной и печатной агитацией, не имело и не имеет никакой возможности выполнять первейшей важности задачу по информированию партии, Советской власти и прессы.

2. Что инструктирование коммунистической печати органами агентства Роста (Управление периодической печати) не является достаточно авторитетным для мест,—постановил:

1. Российское Телеграфное Агентство (Роста) подлежит немедленной реорганизации в исключительно информационный аппарат, с освобождением его от всех несвойственных ему остальных функций.

2. В виду специфических особенностей работы агентства, а также в целях поднятия продуктивности такового Роста должно быть выделено из Главполитпросвета в самостоятельное центральное учреждение, числящееся при ВЦИК или Совнаркоме.

3. Политическое руководство и инструктирование всей федеративной прессы должно быть передано агитпропу ЦК РКП.

Как видим, полной ясности это постановление еще не вносит. Остается невыясненным, на ком должна лежать хозяйственная забота о печати, дело обеспечения ее бумагой, разработка законодательства и общая забота о печати. Поэтому понятна та горячность, с какой велись споры об аппарате, который должен обслуживать задачи печати. Все же принятое решение давало правильную перспективу, было шагом вперед.

Проведенное в жизнь, оно способствовало значительному улучшению дела снабжения печати информацией Роста и поднятию качества самой информации, а также реальному росту качества и политической выдержанности советско-партийной печати.

С'езд происходил в обстановке, когда печать, при переходе на хозрасчет, оказалась в чрезвычайно затруднительном положении. Отсутствие навыков к организации газетного хозяйства на коммерческих началах, неумение соединить хозяйственные интересы печати с ее политическими задачами (вернее, проводить эти интересы не в ущерб идейным задачам печати), недостаток квалифицированных—политически и технически—работников,—все это заставило с'езд энергично заняться этими вопросами. С'езд еще раз подчеркнул важность непосредственного руководства партии печатью:

Переход к платности газет порождает опасность как приспособления (в погоне за тиражем) **ко вкусам** мелко-буржуазного читателя, так и разрыва (временного, правда) с прежним читателем, пока наладится массовая подписка рабочих и крестьян и их организаций. Здесь также требуется большая выдержанность и организованная работа печати и партийно-советских органов.

Обеспечение идейного влияния и контроля коммунистической партии над печатью возможно при условии действительного приближения печатных органов непосредственно к партии. Только таким путем, особенно провинциальной печати, удастся избежать случайных влияний и случайной зависимости и поставить себя в положение действительного проводника идей коммунизма среди широких трудовых масс.

А что эти случайные влияния совсем не „случайны", а повсюду почти рядовое явление, об этом свидетельствуют другие пункты той же резолюции:

В целях охраны интересов Республики необходимо решительно устранить всякие препятствия, стоящие перед партийно-советской печатью в деле критики, облегчения и разоблачения недочетов и отрицательных сторон работы наших учреждений и должностных лиц.

Необходимо вменить в обязанность всем ответственным работникам давать в печать об'яснения по поводу сообщаемых фактов, а судебным органам принимать таковые, как материал для судебного производства.

Это все старые требования, те же требования, которые в 19-м году выдвинул еще VIII с'езд РКП. Очевидно, все дело в том, что эти постановления не осуществлялись. Весь смысл постановлений III с'езда работников печати сводился к тому, чтобы, наконец, начать проводить все существующие хорошие постановления и резолюции о печати.

Истекший год многим помог этой задаче. Решения с'езда работников печати легли в основу постановлений XI с'езда РКП о печати. День печати, организованный во всей России по инициативе III с'езда работников печати в день 10-летнего юбилея „Правды", был началом перелома в отношении и партии, и Советской власти к печати. В настоящее время внимание партии к советско-коммунистической прессе продолжает возрастать. Широко развернувшаяся кампания за массовую подписку на газеты давно перестала быть кампанией только печати, а сделалась кампанией всей партии. Недели и двухнедельники печати проводятся не одними только силами работников печати, а всем аппаратом и всеми силами местных партийных организаций. После 8-месячного периода грозного распада нашей печати начался процесс выздоровления и укрепления. Растет

тираж, увеличивается количество изданий, возрождаются убитые безжалостным хозрасчетом газеты.

Вместе с ростом нашей печати растет и упрочивается наша профессиональная организация. Секция работников печати сейчас уже не мечта, не лозунг, а реальная действительность. Она существует, она живет, она имеет 60 губернских и областных об'единений. Значит, и здесь мы стоим на верном пути. Разумеется, было и в этом году допущено много организационных ошибок. Но на этих ошибках мы научились строить свое об'единение таким, какое обеспечивает увеличение кадра работников пролетарской прессы.

И не только прессы, но и печати вообще. Минувший год был годом серьезного оживления на книжном рынке. Работников, занятых в производстве и распространении книг, нельзя оставить вне общих задач и нужд печати. Они должны быть в одном об'единении с журналистами, репортерами и экспедиторами. От узко-цеховой организации журналисты пошли по пути производственного об'единения всей массы тружеников печати и этим самым исправили организационные ошибки двух первых с'ездов.

* * *

IV с'езд работников печати будет с'ездом-вехой. Если III с'езд заложил фундамент будущего здания секции работников печати, то IV с'езд завершит строение этого здания в условиях общего укрепления советско-коммунистической печати.

Памяти воина-журналиста.

В. П. Зданевич [1]).

Красному кавалеристу, бойцу армии Буденного, нужна была исключительная газета по тону, характеру, содержанию. Такую газету сумел создать т. Зданевич—на редкость преданный делу революции товарищ, неутомимый и скромный работник.

„Красный Кавалерист“ давал ясные, точные лозунги дня, он политически руководил массами. Вместе с тем газета отражала жизнь всей армии, она теснейшим образом была связана с ней. Письма, корреспонденции, рассказы, стихи, воспоминания—все это в огромном количестве поступало из частей и находило место на страницах „Красного Кавалериста“.

Когда будущий историк займется изучением первой конной Крас-

---

[1]) В 1919—22 гг. редактировал газету „Красный Кавалерист“—орган политического управления 1-ой конной Красной армии. Писал под псевдонимом „Артем Кубанец“. Вступил в РКП в марте 1918 г. Работал на колчаковском фронте. Скончался в Кисловодске от паралича мозга в июне 1922 г.

ной армии, в старых номерах „Красного Кавалериста“ он найдет превосходный фотографический снимок с этой армии. Да, это весьма интересная вещь: безвестные герои конной армии, в решающие моменты спасавшие рабочую республику от гибели, сами буквально под градом пуль писали в своей газете свою собственную историю.

Но в редакции „Красного Кавалериста“ должен был быть человек, который с любовью просматривает всякую строчку, доставленную полевой почтой, который тщательно выправляет полуграмотные письма, писанные в окопах в минуты короткого отдыха или в лазарете, на больничной койке.

Таким человеком был т. Зданевич. Он понимал, какое огромное значение имеет участие самих бойцов в армейской газете, он знал, как велика ударная сила газеты, которую на три четверти заполняют люди сабли и винтовки.

Но внимательного отношения к письмам было недостаточно. Конная армия—летучая армия, она почти всегда во время боев оторвана от тыла. Газета, издававшаяся при штабе где-нибудь в тылу, была бы газетой для обозных. Это понимал т. Зданевич, и потому по его инициативе была организована поездная типография и редакция. Здесь, на этом „редакционном“ поезде, каждый работник единовременно должен был быть солдатом, ибо „Красный Кавалерист“ старался не отрываться от красных частей, и поезду часто приходится бывать на линии огня.

В качестве начальника политического управления армии мне часто приходилось наблюдать т. Зданевича за его трудной, ответственной работой. Для него не было ни отдыха, ни передышки. В душном маленьком купе старого вагона он проводил дни и ночи за рукописями, гранками. Он не только редактировал газету, он и много писал,—простым, ясным, ударным языком.

В этой кипучей, непрерывной работе он горел и медленно сгорал. В лице т. Зданевича мы потеряли воина-журналиста в лучшем смысле этого слова. Память о нем сохранит история нашей великой борьбы и победы.

IV с'езд работников печати.

(*Март 1923 г.*)

Товарищи, на с'езд прибыло с решающими голосами 179 человек, с совещательными—64. Это приблизительно столько же, сколько и ожидалось. На с'езде представлены все союзные республики и все области. Работники всех союзных ныне республик встречаются на этом с'езде не впервые. Даже тогда, когда у нас не было единого Советского Союза, работники пролетарской печати были об'единены вместе, на всех наших с'ездах представители союзных ныне республик присутствовали и вместе с нами выковывали оружие пролетарского слова. Новым на данном с'езде является представительство Дальнего Востока.

Товарищи, все предыдущие с'езды работников печати проходили под знаком тягчайшего кризиса печати. **Нынешний с'езд мы открываем под знаком значительного улучшения положения нашей печати.** Все прежние с'езды были с'ездами еще неорганизованных журналистов. **Нынешний с'езд является с'ездом организованных работников печати.**

Белая печать, которую с полным правом можно называть гнилой печатью, эта бело-гнилая печать совсем еще недавно радовалась по поводу того, что, мол, красная печать умирает. Мы сегодня на этом с'езде, не желая обманывать ни себя, ни других, можем сказать: **красная печать не умирает, а живет, растет, идет вперед!** Мы имеем миллионы читателей рабочих, крестьян и красноармейцев. Мы имеем десятки тысяч рабочих и крестьян—работников нашей печати. Мы держим курс на десятки миллионов трудящихся читателей и мы осуществим эту задачу. В настоящее время тираж наших газет еще очень мал, но все же мы смело можем сказать, что **никогда рабочие и крестьяне России не читали столько газет, как сейчас.** Дореволюционная печать и даже так наз. „свободная" „демократическая" печать была печатью для буржуазии, мещанства, интеллигенции, кулацких верхов деревни. Для рабочих и крестьян печати не было. Наша печать—для десятков миллионов рабочих и крестьян. И мы сегодня можем заявить, что **на фронте культуры и политического просвещения, где не будет никаких уступок,—ни аренд, ни концессий,—на этом фронте мы бесспорно побеждаем.**

Советская газета, советская книга принципиально отлична от буржуазной, от так наз. „социалистической" книги и газеты. Советская печать единственная говорит правду, единственная ведет трудящиеся массы вперед Вся остальная пресса, в том числе и социал-демократическая, в той или другой степени **реакционна.** Только наша коммунистическая печать представляет новый мир. Поэтому, когда мы

в прошлом году на Флорентийской выставке выставили нашу книгу, мы победили. В этом году на Пражской выставке победила наша советская газета. Своим общим характером, своим содержанием она поразила представителей старого мира, она воодушевила наших друзей, наших сторонников.

В Советском Союзе, вы знаете, коммунистическая печать представляет господствующую силу. На Западе коммунистическая печать только еще начинает борьбу за господство, она только еще начинает становиться силой. Буржуазия уже сейчас оценивает эту силу, и она обрушивает на головы наших товарищей всяческие бичи и скорпионы. Всего несколько дней тому назад буржуазное правительство Франции арестовало двух редакторов коммунистических газет—Кашена и Монмуссо.

И первое слово приветствия нашего с'езда обращается ко всем работникам и борцам мировой коммунистической печати, прежде всего к тт. Кашену и Монмуссо. Мы можем сегодня сказать: и в России были тюрьмы. В этих тюрьмах сиживали работники коммунистической печати. Но эти тюрьмы не спасли ни царизм, ни буржуазию. Тюрьмы не спасут и западную буржуазию.

Мы пришли из **подполья** и потрясли весь старый мир. Мы опираемся на ту работу всемирно-исторического значения, которую проделала наша большевистская подпольная печать. В зале присутствуют товарищи, которые в течение десятилетий были деятельными работниками этой подпольной печати. **В лице тт. Ольминского и Лепешинского я предлагаю приветствовать славную историю нашей подпольной большевистской прессы.**

Если от прошлого перейти к будущему, то мы с гордостью можем констатировать, что в нашу печать **идет новая могучая сила.** Эта сила идет **снизу.** Здесь, на этом с'езде, впервые присутствуют **рабочие корреспонденты.** Они на наших глазах превращаются в рабочих сотрудников. Они наполовину, часто на три четверти ведут наши рабочие газеты. **Новому прекрасному резерву пролетарской печати мы обязаны послать пламенный братский привет от старых кадров пролетарской прессы.** Из рабочих кварталов, фабрик и заводов вышла наша революция, и оттуда же выходят тысячи борцов пролетарского слова, которые помогут рабочему классу довести до победоносного конца великое дело, начатое в октябре.

Мы с величайшей надеждой смотрим в будущее. Оно за нами!

Да здравствует пролетарская коммунистическая печать!

Печатное дело и полиграфическая промышленность.

(Вместо речи на XII с'езде партии.)

Последний пункт тезисов тов. Троцкого касается типографского дела. Включение этого пункта в тезисы по промышленности среди некоторых делегатов с'езда вызвало недоумение.

Недоумевающим товарищам я бы предложил сжечь все отчеты, обзоры, книжки, тезисы, сжечь вообще весь печатный материал, не требовать газет, а потом попробовать решать вопросы экономики, политики и т. д., и т. п.

Ну, а если этого сделать нельзя, если печатное дело имеет исключительное значение во всей нашей работе, тогда его придется обсудить, и серьезно обсудить.

В тезисах тов. Троцкого говорится о том, что типографское дело имеет большое экономическое и культурное значение. Специально для недоумевающих товарищей необходимо подчеркнуть, что типографское дело, в конечном счете печатное дело, имеет исключительное **политическое** значение.

Относительно экономического значения типографского дела необходима некоторая оговорка. Типографское дело имеет огромное экономическое значение не в том смысле, в каком это значение имеют металлургическая, текстильная или пищевая промышленность. Типографии не удовлетворяют наших непосредственных материальных нужд и потребностей. Типографии являются орудием для удовлетворения наших духовных потребностей, орудием для разрешения экономических, политических, культурных задач.

Полиграфическая промышленность не является промышленностью самодовлеющего значения. Она носит исключительно **подсобный** характер.

Если правильно ставить вопрос, то нужно говорить не о типографском хозяйстве, а **о газетно-книжном хозяйстве**, в котором типография и бумага являются составной **частью**.

У нас все это перевернуто вверх дном. У нас фактически печать находится в полнейшей зависимости от типографии и от бумаги. Спасая самостоятельную, самодовлеющую типографскую промышленность, наши полиграфтресты душат печать. Это не преувеличение. С мест идет постоянный вопль, угрозы невыпуска газет, небольшие забастовочки в целях „воздействия“ на редакции на местах— довольно частая история.

Тов. Троцкий на с'езде подробно говорил о нашей калькуляции вообще. А какова полиграфическая калькуляция в частности? На этот вопрос сравнительно недавно дал точный ответ на страницах „Правды“ один из руководителей нашей полиграфической промыш-

ленности, тов. Борщевский. Он заявил, что полиграфическая калькуляция—это **„фантастическая калькуляция“**. На основании этой фантастической калькуляции устанавливаются соответствующие цены, способствующие **вздорожанию** произведений печати, и т. д., и т. п.

Самодовлеющая, самостоятельная полиграфпромышленность об'единена в тресты. Трест руководит при помощи аппарата обычного трестовского, т.-е. непомерно раздутого аппарата. Все это вызывает огромные накладные расходы. Они перекладываются, конечно, на произведения печати.

Необходимо тресты, это средостение между издательствами и типографиями, устранить. **Необходимо издательствам передать достаточно оборудованные, достаточно мощные типографии.** Первым результатом этого решения при разумной постановке дела явится **безусловное сокращение типографских расходов на 30—40 проц.**

Вопрос о необходимости передачи типографий издательствам в ЦК партии был решен положительно еще осенью прошлого года. Но это решение при проведении в советском порядке встретило как в центре, так и на местах решительный отпор со стороны хозяйственников прежде всего и среди работников полиграфтреста в особенности. ВСНХ весьма энергично стал на защиту полиграфпромышленности, совершенно не считаясь с тем, что ее интересы обеспечивались в данном случае за счет интересов печати.

Нам говорят, что об'единение полиграфпромышленности в трестах—это достижение самой высокой ступени в этом отношении. А мы на это отвечаем: нам в конце-концов в настоящее время нужна **не высокая ступень, а удобная и прочная ступень. Нам нужны не отвлеченные разговоры о важности полиграфической промышленности, а практическое понимание того, что типографии, цинкографии, переплетные** и т. д. **существуют для печати, а не наоборот.** И тут действовать по традиции во имя отвлеченных схем совершенно недопустимо. Между тем недавно Московский Совет, по предложению МСНХ, опротестовал решение о передаче типографии „Правде“, „Бедноте“ и „Рабочей Газете“ на основании декрета 1919 года! И никому не приходит в голову мысль, что такого рода действия являются издевательством и над печатью, и над здравым смыслом.

В тезисах тов. Троцкого дано ударение на полиграфическую промышленность. Это неверно. Ударение надо поставить на газетно-книжном деле.

Тов. Троцкий подчеркивает техническую сторону вопроса (слепая печать, цифры нельзя разобрать и т. п.)—указание совершенно правильное. Но с одинаковой силой нужно подчеркнуть и **экономическую сторону вопроса.**

И тут мы подходим к затронутому тов. Троцким вопросу о „нерациональной рекламе“. Наши газеты и журналы печатают огром-

ное количество ни для кого не нужных об'явлений. С точки зрения государственной это смех, горе и преступление. Но с точки зрения печати это в огромном большинстве случаев—просто спасение данного органа печати.

Мы, работники печати, с этим больным вопросом встречаемся не впервые. В августе 1922 г. на всероссийском совещании по вопросам печати и пропаганды в принятой по докладу пишущего эти строки резолюции между прочим говорилось следующее:

> „Острая финансовая нужда, переживаемая печатью, является причиной гибели целого ряда изданий или резкого сокращения их тиража. С другой стороны, финансовая нужда ставит местную печать, в особенности уездную, **в материальную зависимость от хозорганов и кооперации,** субсидирующих печать прямо или в **виде об'явлений,** что не может не отразиться на характере этих изданий".

Далее в резолюции говорилось о том, что пролетарская печать в Советской Республике может находиться в материальной зависимости „только от государства и пролетарской партии".

В тезисах, опубликованных нами в „Правде" накануне с'езда, также говорится о том, что без серьезной государственной поддержки и без подведения под печать серьезной материальной базы, в смысле передачи ей типографий, „ряд местных изданий либо погибнет, либо попадет в **зависимость от хозорганов,** либо станет по цене совершенно недоступным массовому читателю". Мы прекрасно учитываем, что **об'явления,** эта **замаскированная форма субсидий,** не только разорительны для хозорганов, но и **опасны для печати,** ибо ставят ее фактически в зависимость от хозяйственных об'единений.

Вот все эти соображения и нужно иметь в виду, когда речь идет о полиграфической промышленности.

Переходим к технической стороне вопроса. Печать наша, как общее правило, отвратительна. Но как правильно разрешить этот вопрос? То, что по этому поводу говорит тов. Троцкий, это просто алгебраическая формула. В тезисах тов. Троцкого читаем:

> „Вопрос об организации типографской промышленности должен быть разрешен в кратчайший срок в том направлении, чтобы крупнейшие и важнейшие государственные издательства имели возможность правильной, технически-удовлетворительной постановки работы".

Во первых, почему такая привилегия „крупнейшим и важнейшим государственным издательствам"? В правильной постановке вопроса нуждается местная печать не в меньшей мере, а в большей, ибо она как раз и обслуживает самые широкие массы. А с другой стороны, весь вопрос именно в том и состоит, при каких условиях мы

будем иметь „правильную, технически-удовлетворительную постановку работы“.

Тресты являются **монополистами**. Они ставят цены такие, какие хотят, они печатают так, как хотят: заказчик от них не уйдет,— некуда уйти. При таких условиях с какой стати им ломать голову над улучшением техники? **Экономического стимула нет, материального давления нет.** Разве только укоряющие, бичующие речи и статьи тов. Троцкого подействуют. Разве только стыдно станет. Но основывать серьезные расчеты на этом, конечно, не приходится.

Нас обвиняют в том, что мы хотим развалить полиграфическую промышленность. А мы утверждаем, что **технически наше печатное дело улучшится только в том случае, если типографии будут в руках издательств.** Наши издательства, как газетные, так и книжные, не являются монополистами, они конкурируют друг с другом, и хорошо, что конкурируют. Каждое издательство при таких условиях вынуждено улучшать технически печать, иначе это сделает другое издательство.

Повторяем еще раз. Полиграфтресты заинтересованы в улучшении техники разве только „по долгу совести“. **Издательства будут вынуждены делать все возможное и необходимое для улучшения техники под давлением совершенно реальных, материальных обстоятельств.**

Таким образом с точки зрения интересов наших хозорганов („нерациональная реклама“), с точки зрения всего газетно-книжного дела и с точки зрения улучшения техники печатного дела необходимо устранить существующую ненормальность,—попросту говоря, нелепость,—и отдать типографии партийно-советским газетным и книжным издательствам.

P. S. Статья была написана после основного доклада тов. Троцкого на утреннем заседании. В заключительном слове на вечернем заседании тов. Троцкий коснулся вопроса о типографиях и об'яснил „недоумевающим“ значение типографского дела. Тов. Троцкий заявил, что, может быть, придется типографии издательствам отдать, если полиграфтресты не улучшат печатной техники. Значительная часть с'езда и ложа журналистов шумно аплодировали докладчику. Мы продолжаем думать, что откладывать дела не следует: типографии издательствам нужно передать немедленно.

Резолюции.

Резолюция VIII с'езда РКП о печати.

1. Общее ослабление партийной работы за время гражданской войны в высшей степени вредно отразилось на состоянии нашей партийной и советской печати. Общий недостаток почти всех наших партийных и советских периодических изданий—оторванность от местной, а нередко и от общей политической жизни. Провинциальная партийная и советская печать почти совершенно не освещает местную жизнь, а материал по общим вопросам подбирает крайне неумело. Печатаются длинные, мало интересные статьи вместо того, чтобы откликаться коротким, простым языком написанными статьями на важнейшие вопросы общей и местной жизни. Иногда целые страницы заполняются декретами вместо того, чтобы излагать простым, понятным языком наиболее важные из них. Печатаются полностью различного рода распоряжения и постановления разных ведомств и учреждений вместо того, чтобы из всего этого материала составлять живую хронику местной жизни.

2. Все эти недостатки в значительной мере об'ясняются тем, что лучшие литературные силы партии ушли в государственную работу, печать же в большинстве случаев оказалась в руках малоопытных работников.

3. С'езд считает, что местные организации должны немедленно принять меры для возрождения партийной и советской печати. **С'езд напоминает товарищам, что пресса является могучим орудием пропаганды, агитации и организации, незаменимым средством воздействия на самые широкие массы.**

4. В целях улучшения нашей партийно-советской печати необходимо: а) редакторами партийных и советских газет назначать наиболее ответственных, наиболее опытных партийных работников, которые обязаны фактически вести работу в газете; б) партийные комитеты должны давать редакциям общие политические директивы и указания и следить за выполнением директив, не вмешиваясь, однако, в мелочи повседневной работы редакции; в) военная цензура должна быть введена в строгие рамки вопросов оперативного и военно-организационного характера.

5. Одна из важнейших задач партийно-советской печати—разоблачение преступлений разного рода должностных лиц и учреждений, указание на ошибки и недостатки советских и партийных организаций. Все это необходимо делать в строго деловом товарищеском тоне.

Лица или учреждения, о действиях которых говорится в печати, обязаны в кратчайший срок дать на страницах той же газеты деловое фактическое опровержение или же указать об исправленных недостатках и ошибках. В случае, если такое опровержение или указание не появится, революционный трибунал возбуждает дело против названных лиц или учреждений.

6. Провинциальная печать должна **иметь в виду почти исключительно массового читателя.** Поэтому она, во-первых, должна вестись живо и популярно, во-вторых, должна отражать на своих страницах жизнь рабочих, крестьян и красноармейцев. Сугубое внимание печать должна обращать на жизнь армии как на фронте, так и в тылу, на партийную жизнь, а также на женское коммунистическое движение и на движение среди красной молодежи.

7. Центральный орган партии должен особенное внимание обращать на вопросы партийного строительства. Он должен постоянно держать партию в курсе всей партийной жизни, руководить провинциальной печатью и т. д.

8. Считая, что без хорошо поставленной печати немыслимо здоровое, крепкое партийное и советское строительство, **с'езд предлагает всем партийным организациям выделить для обслуживания печати наиболее стойких, энергичных и преданных работников.**

Резолюция XI с'езда РКП о печати.

На основе роста капиталистических отношений неизбежно усиление буржуазного влияния не только на мелко-буржуазные слои населения, но даже на наиболее отсталую часть пролетариата. Констатируя стремление буржуазии через посредство литературы и культработы повлиять на трудящиеся массы, с'езд считает, что этим влияниям надо противопоставить энергичную политработу. Поэтому партия должна всемерно расширить и углубить свою агитационную и пропагандистскую работу.

I.

Одним из самых могущественных орудий в борьбе партии за влияние на массы, за их коммунистическое просвещение и организацию является печать.

Между тем партийно-советская печать находится в состоянии тягчайшего кризиса. Наиболее характерные черты кризиса: а) резкое сокращение количества газет и уменьшение тиража оставшихся вследствие отсутствия денежных средств, недостатка и дороговизны бумаги, чрезмерности типографских расходов;

б) слабая связь с массами, недостаточно полное отражение текущих нужд и запросов трудящихся, слабое освещение вопросов местного строительства; в) недостаточная выдержанность газет в партийно-политическом отношении; г) полная неналаженность аппарата распространения, в особенности среди рабочих и крестьянских масс.

Партийные комитеты, на которых лежит главная ответственность за состояние печати, в своем подавляющем большинстве проявляют невнимательное и небрежное отношение к запросам и нуждам печати. Резолюция VIII с'езда партии о печати, циркуляры ЦК РКП об улучшении местных газет, об учете журналистов и т. д. местными организациями в большинстве случаев не проводились в жизнь.

Исходя из этих соображений, с'езд постановляет:

1. Центральный и местные комитеты партии вопросу о печати должны уделять впредь неизмеримо больше внимания, чем это было до сих пор. Партийно-политическое руководство всей печатью должно быть усилено. Каждый партийный комитет должен выделить специальный кадр работников печати. Во главе партийных изданий обязательно должны стоять руководящие элементы данного партийного комитета. Газетную работу для журналиста-коммуниста с'езд рассматривает, как основную партийную работу.

2. Характер местной печати должен быть решительно изменен. Основным содержанием местных газет должны служить вопросы о местном строительстве, о жизни, работе и борьбе трудящихся, при чем эти вопросы должны рассматриваться на страницах газеты в форме живого непосредственного отклика на запросы и нужды читателей. Уездная печать, кроме специфических рабочих районов, должна быть исключительно крестьянской; губернская должна уделять крестьянским вопросам большее место; в ряде областных центров должны быть организованы специальные крестьянские газеты.

3. С'езд одобряет решение ЦК устроить в 10-летнюю годовщину „Правды" (5-е мая 1922 г.) Всероссийский день печати и предписывает всем местным организациям обратить на проведение дня печати самое серьезное внимание.

4. Участие коммунистов в частных изданиях с'езд признает допустимым лишь в виде исключения, с разрешения соответствующих партийных комитетов.

5. Считая, что для печати нормальный выход из затруднительного положения заключается в расширении подписки и платного увеличения тиража, с'езд в настоящий переходный период признает необходимым оказание печати материальной поддержки и поручает ЦК незамедлительно принять меры для обеспечения партийно-советских газет денежными средствами и бумагой.

6. Исходя из того, что партийные органы распространяются в весьма незначительном количестве и что сотни и тысячи членов партии не читают своих партийных газет, с'езд постановляет, что обязанностью каждого члена партии является быть читателем и подписчиком (индивидуальным или коллективным) одной из партийных газет.

7. С'езд находит, что печатные органы Комсомола должны найти всемерную поддержку, в частности должны быть сохранены самостоятельные органы союза в ряде крупных губернских центров, в остальных — „Страничка молодежи" в партийных и советских органах. Печать Комсомола должна выходить под общим руководством губкомов партии.

8. Констатируя, что до настоящего времени во многих губкомах и обкомах не создан аппарат для руководства печатью, с'езд предлагает губкомам и обкомам незамедлительно организовать п/отделы печати на основе положения, принятого на совещании секретарей обкомов и губкомов (декабрь 1921 г.)

9. С'езд обращает внимание на издание газет и вообще литературы для национальных меньшинств в особенности на тюркских языках.

Резолюция всерос. совещания завагитпропами. (30 дек. 1922 г.)

1. Совещание констатирует, что осень 1922 года является **периодом резкого перелома в положении периодической печати.** Количество газет начинает возрастать. Тираж значительно увеличивается. Подавляющее большинство областных и губернских газет качественно вполне удовлетворительны, а в ряде крупных центров республика располагает образцовыми рабочими газетами. Связь между газетой и рабочей массой значительно расширяется. Это выражается, во-первых, в том, что тираж растет главным образом за счет рабочего читателя; во-вторых, в том, что страницы газет заполняются корреспонденциями, письмами и заметками с фабрик и заводов.

2. Однако успех, достигнутый за последние 3—4 месяца, несмотря на всю свою значительность, является лишь первым шагом в огромном деле расширения и укрепления нашей печати. Если в губернских центрах положение заметно улучшилось, то **в уездах** дело печатной пропаганды и агитации попрежнему находится в неудовлетворительном состоянии. Уездные газеты в большинстве случаев качественно слабы, тираж их, за редкими исключениями, незначителен. Столичные и губернские газеты до деревни почти не доходят вследствие совершенно

неудовлетворительной работы почтового ведомства. Поэтому на очередь выдвигается важнейшая задача: **снабдить деревню произведениями печати** путем доставки туда губернских и столичных газет. Необходимо принять решительные меры, чтобы **почтовое ведомство** наладило правильную и своевременную доставку газет подписчикам, без чего снабжение газетами, в особенности деревни, почти невозможно.

3. Совещание считает, что существование уездных газет, как наиболее близких к крестьянским массам, имеет огромное значение, и высказывается против их огульной ликвидации. Однако в виду невозможности поставить газеты в большинстве уездов на надлежащую высоту необходимо во всех губерниях установить определенную **сеть уездных газет**, допуская их лишь в тех пунктах, которые имеют для этого надлежащие партийно-литературные силы и оторваны от своих губернских центров по условиям ж.-д. связи. Как правило, уездные газеты должны существовать в важнейших уездных центрах. **Сеть газет устанавливается губкомами**, которые должны вести и работу по их инструктированию. В уездах, где газет нет, должны быть учреждены **корреспондентские пункты**, освещающие уездную жизнь в губернской газете.

4. Совещание констатирует, что на местах была развита сравнительно широкая кампания в деле распространения печати. Однако эта кампания имела тот существенный недостаток, что в большинстве случаев сосредоточивалась вокруг местных газет, игнорируя центральную партийную печать. Совещание считает, что **партийные комитеты обязаны вести агитацию и пропаганду за все партийные газеты:** в областях за областные и столичные, в губерниях—за губернские, областные и столичные, в уездах—за местные, губернские, областные и столичные. Партия имеет целую **систему газет**, каждая из них предназначена для особого слоя читателей, и задача партийных организаций заключается в том, чтобы помочь читателю „найти“ ту газету, которая наиболее ему подходит. Членам партии и передовым рабочим необходимо рекомендовать „Правду“, среди широких рабочих масс нужно популяризировать „Рабочую Газету“ и местные газеты, среди крестьян необходимо вести агитацию за „Бедноту“, губернские крестьянские и уездные газеты.

5. Совещание напоминает постановление XI с'езда о том, что все члены партии должны быть **подписчиками одной из партийных газет**. Постановление это далеко еще не проведено в жизнь. Необходимо принять все меры для устранения того недопустимого положения, когда члены партии не являются подписчиками газет. С другой стороны, совещание подчеркивает, что **распространение партийной печати является весьма важной партийной функцией**. В соответствии с этим совещание считает совершенно необходимым, чтобы **местные органи-**

зации взяли в свои руки агентуру по распространению центральной печати, используя при этом всех добросовестных спецов, работающих в этой области.

6. Совещание высказывается за всемерное **привлечение местного советского аппарата к делу технического распространения печати** в деревне и считает необходимым издание **закона, ка ающего волисполкомы и сельсоветы за небрежное отношение к этому делу.**

7. Совещание высказывается за **пересмотр всей сети газет** с точки зрения новых условий работы, согласуя эту сеть с обкомами и губкомами.

Резолюция IV с'езда работн. печати.

Заслушав доклад о положении и задачах периодической печати, IV с'езд работников печати приходит к следующим выводам:

1. Состояние острого кризиса периодической печати преодолено. Подавляющее большинство областных, губернских, а также некоторая часть уездных газет качественно улучшились. Основные достижения периодической печати к настоящему времени сводятся к следующему:

а) газеты становятся политически выдержанными, б) устанавливается тесная связь с массовым рабочим читателем, в) вопросы местной жизни вообще и рабочей жизни в особенности находят на страницах большинства газет свое освещение, г) во внешности газет имеются значительные достижения (яркая злободневная верстка, ударность, более удовлетворительная техника и т. д.).

2. Новая экономическая политика представляла для печати ту опасность, что, оставшись почти без всяких средств, часть газет могла пойти по линии наименьшего сопротивления и ориентироваться на мещанско-обывательского интеллигентского читателя. Однако этого не случилось. Печать еще теснее связалась с широкими массами. В то же время рабочая масса потянулась к газете, которая выступает в качестве важнейшего орудия пролетариата в борьбе с нарождающейся буржуазией. **Тяга лучших элементов рабочего класса и деревенской бедноты в РКП, необычайная жажда к знанию в рабочих массах, широкий интерес пролетарских слоев к газете и к книге— все это явления одного и того же порядка.**

3. С'езд находит, что в деле установления непосредственной связи между рабочей массой и печатью сыграли и продолжают играть решающую роль **рабочие-корреспонденты.** С'езд полагает, что **роль рабкоров,** уже теперь в значительной своей части превратившихся в рабочих журналистов, все более и бо-

лее будет усиливаться и что очередной задачей является **организация дела политического и профессионально-технического воспитания рабочих корреспондентов.** С'езд поручает **ЦБ** разработать настоящий вопрос и принять все меры к его практическому разрешению.

4. Считая бесспорным факт общего улучшения нашей печати, с'езд тем не менее находит, что она все еще имеет некоторые весьма существенные недостатки. С'езд считает очередной задачей нашей печати усиление освещения вопросов культуры, народного просвещения и науки, при чем каждая газета должна освещать эти вопросы применительно к своему типу и характеру. Особенно должны быть заострены и выдвинуты на первый план практические вопросы просвещения (**школы, клубы, театры, избы-читальни, народные дома, книги, газеты и т. д.**). Одновременно необходимо обратить сугубое внимание на постановку **отделов библиографии**, имеющих основной задачей руководство массовым читателем.

5. Констатируя, что в течение последних месяцев тираж почти всех центральных, областных и губернских, а также ряда уездных газет увеличился главным образом за счет рабоче-крестьянского читателя, с'езд все же находит, что общий тираж нашей прессы является сравнительно небольшим. С'езд считает, что **к концу 1923** года тираж советской прессы должен быть доведен **до 10.000.000 экз**, что для осуществления этой политически крайне важной задачи должны быть приняты как секциями работников печати, так и партийными и профессиональными организациями все необходимые меры. Однако эта основная задача может быть разрешена лишь при условии значительного **удешевления нашей газеты**, что неразрывно связано с уменьшением ее основных расходов (**типография, бумага** и т. д.). Выдвигая в особой резолюции целый ряд практических мероприятий в этой области, с'езд настаивает на их безотлагательном разрешении. Одновременно следует обратить серьезное внимание на улучшение дела распространения печати (почта, экспедиция).

6. Если в областных и губернских центрах положение печати **более не внушает серьезных опасений**, то того же нельзя сказать об уездной печати, о **снабжении деревни газетой. Здесь положение тяжелое.** В деревню идет **сравнительно ничтожное количество газет.** Число уездных газет резко сократилось, качественно многие из них слабы, тираж большинства из них весьма ограничен. Между тем **снабжение деревни газетой и популярными книгами—дело первостепенной политической важности.** Упрочение связи между пролетариатом и крестьянством, политическое воспитание крестьянства, прежде всего молодого поколения, немыслимо без массовой политической литературы.

7. С'езд резко **осуждает попытки огульной ликвидации уездных газет.** С'езд считает, что уездные газеты ближе всего могут подойти к запросам и нуждам крестьянства и на основе учета этих нужд и запросов вести политико-просветительную работу в деревне. С другой стороны, уездные газеты легче распространить в деревне. Необходимо принять самые решительные меры для улучшения и укрепления уездных газет. Далее, установить тесную связь между ними и крестьянскими массами прежде всего посредством возможно более широкой сети крестьянских корреспондентов. Необходимо обратить особое внимание на распространение печати в деревне, приняв срочные меры для усиления и укрепления уездных аппаратов распространения печати. **Уездная газета должна быть закрыта лишь в том случае, если нет никакой возможности поставить ее удовлетворительно.** В этом случае, губернская газета в оставшихся без газет уездах должна иметь правильно работающий корреспондентский пункт. С'езд считает желательным издание в областных и губернских центрах массовых крестьянских газет.

8. С'езд считает необходимым провести **диференциацию газет** (центральные и областные руководящие, центральные массовые, областные, губернские и уездные массовые и т. д.). Для каждого основного слоя читателя необходимо создать особый тип газеты. Газеты эти должны быть универсальными в смысле освещения всех очередных вопросов жизни, применяясь к данному слою читателей, но не в смысле одновременного обслуживания всех слоев читательской массы.

9. С'езд подчеркивает, что печать все еще **лишена основного, закрепленного за ней кадра квалифицированных, политически подготовленных,** партийно-авторитетных работников. Число коммунистов, работающих в предприятиях печати, крайне ограничено. Нередко губернские и даже областные газеты держатся на одном, двух, трех политически квалифицированных работниках. **Указания XI с'езда РКП о переводе журналистов-коммунистов на газетную работу** не выполняются ни в центре, ни тем более на местах. Между тем повышенный интерес к печати, ее все более широкое распространение обязывает к постоянному совершенствованию наших газет и журналов, дабы они не отставали от все повышающихся требований читательской массы. С другой стороны, приход в печать рабочего корреспондента, в большинстве случаев беспартийного, пред'являет коммунистам-литераторам новые требования политического воспитания и перевоспитания рабкоров. Эта очередная, исключительно важная задача не может быть правильно разрешена, если печать не будет обеспечена основным, прочным квалифицированным кадром коммунистов-журналистов и литераторов.

10. На 6 году революции Советское государство все еще не имеет одного, охватывающего все отрасли печати, **руководящего аппарата**. С'езд считает, что дальнейшая нормальная работа по усилению и укреплению государственной печати невозможна без соответствующего аппарата. В самом срочном порядке аппарат этот необходимо создать.

11. Констатируя, что **преследование рабочих**-корреспондентов со стороны различных лиц попрежнему продолжается, с'езд отмечает, что до сих пор редакции газет далеко не всегда вели активную борьбу против лиц и учреждений, посягающих на свободу пролетарской печати. С'езд считает необходимым усиление контрольно-критической работы печати, как органа пролетарской общественности, и заявляет, что сотрудники пролетарской печати находятся под защитой **всей печати** советских республик.

Находя, что в советском законодательстве вопросы печати недостаточно разработаны, с'езд считает необходимым скорейшее **издание законов о печати**.

12. Не отрицая, что соревнование между органами печати способствует их общему улучшению, с'езд, однако, самым решительным образом высказывается против недопустимых форм и методов соревнования, выливающегося зачастую в совершенно непозволительную конкуренцию.

13. Отмечая крайне тяжелое финансовое положение печати **национальных меньшинств**, не имеющей возможности целиком перейти на самоокупаемость, с'езд считает необходимым оказание ей постоянной и существенной материальной помощи.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
Пресса большевизма	7
Октябрьская революция и печать	10
„Правда“ и ликвидаторство	18
Первая газета революции	22
Будем, как старые „правдисты“	23
„Сегодня“ и „завтра“ нашей печати	25
День партийно-советской печати	29
Нерешенные вопросы печати	32
Наши основные вопросы	34
Успех наметился—срыв возможен	46
Партработа в области печати	51
Вопросы печати на XII с'езде РКП	57
От простых задач к сложным	65
Задачи партии—задачи печати	67
Положение и задачи печати	72
Чем должна быть „Правда“	92
О стенн й газете	95
Милюков о красной печати	97
Газета в системе партийного аппарата	98
Партком и газета	103
Редактор и коллегия	106
Рабочее государство и рабочая печать	109
Три с'езда	126
Памяти воина-журналиста	135
Четвертый с'езд работников печати	137
Печатное дело и полиграфическая промышленность	139

Резолюции.

а) Резолюция VIII с'езда РКП о печати	143
б) Резолюция XI с'езда РКП о печати	144
в) Резолюция всер. совещания заведитпропами	146
г) Резолюция IV с'езда раб. печати	148

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

IV. Трудовая школа.

Григоревский, М. С. В помощь учителю трудовой школы. Школоведение. . . . — 60
Допп, Е. Трудовые процессы в начальном образовании. . . . . — 80
Дьюи, Дж. Школа и общество. 2-е изд. . . . . — 30
Иорданский, Н. Массовая трудовая школа. 2-е изд. . . . . — 25
Моложавый, С., и Шимкевич, Е. Проблемы трудовой школы . . . . . — —
Шаррельман, Г. Трудовая школа. 2-е изд. . . . . 1 —
Шацкий, С. Т. (ред.). Этапы новой школы. Сборник 1 25

V. Профессиональная литература.

Аплетин, М. Этапы и формы просвещенского союзного движения за 1917—1922 гг. — 30
Год работы. Отчет ЦК Всер. Союза раб. просвещения 1921—1922 г. . . . . — 60
Устав Союза работников просвещения . . . . . — 05
Цветков, И. Просвещение и просвещенцы в 1921—1922 г. . . . . — 20

VI. Учебники.

Виппер, Р. Ю. История Западной Европы в средние века . . . . . 2 —
„ Четыре века европейской истории (1500—1923) 2 50
Ефремин, А., и Кочетов, С. И. Красный сказ. Книга для чтения. 3-е изд. . . . 1 80
Ефремин, А., Игнатьев, Б. и Кочетов. Серп и Молот. Книга для чтения, ч. I. 1-й год II ступени (печ.) . . . . . — —
Поляков, В. Г. Солнышко. Букварь . . . . . — 40
Зельцер, С., и Элькина, Д. Книга для чтения и бесед в школах взрослых . . . — 50
Ланков, А. В. Арифметический задачник на основе обществоведения, в. I, II, III и IV. За вып. . . . . — 90
„ Арифметический задачник для совпартшкол и для взрослых . . . — —
Синицкий, Л. Д. Краткий курс экономич. географии С. С. С. Р. (печ.) . . . . . — —
Трояновский, И. И. Курс природоведения, ч. I, II, III, (печ.) . . . . . — —
Курдов, К., и Ивановский, А. Учебник географии С. С. С. Р. 2 50
Фридлянд, Ф., и Шалыт, Е. Практическая грамматика русского языка для школ I ступени. Ч. I. Звуки. Ритм. Интонация. Ч. II. Элементы морфологии и синтаксиса Ч. I—50 к. Ч. II—1 р.

VII. Искусство.

Боричевский, Е. Мир искусств в образах поэзии 2 50
Сабанеев, Л. Л. Клод Дебюсси . . . . . — 30
„ А. Н. Скрябин . . . . . — 30
„ История русской музыки . . . . . 1 —
„ Музыка речи . . . . . 3 —
„ Рихард Вагнер (печ.) . . . . . — —
Тарабукин, Н. От мольберта к машине . . . . . — 50

VIII. Наука и публицистика.

Вардин, Ил. Советская печать . . . . . — —
Виппер, Р. Ю. Возникновение христианства . . . . . — 75
Залкинд, А. Б. Очерки культуры революционного времени . . . . . 2 —
Луначарский, А. В. Ленин и его дело . . . . . — —
„ Против идеализма (этюды полемические) . . . . . — —
Смушков, В. Очерк советской экономической политики. 3-е изд. 1 25

IX. Библиотечка советского учителя.

1. Шульгин, В. Н. Основные вопросы социального воспитания . . . . . — 60
2. Луначарский, А. В. Основы просветительн. политики Советск. власти. . . . — 20
4. Диканская, В. И. (ред.). О художественном воспитании в дошкольных учреждениях и школах I и II ступени. Сборник . . . . . — 30
5. Ивановский, П. Физическая культура в школе . . . . . — 15